

Московский государственный университет
имени М.В. Ломоносова
Институт стран Азии и Африки

НАУЧНАЯ КОНФЕРЕНЦИЯ
ЛОМОНОСОВСКИЕ
ЧТЕНИЯ

Апрель 2009 г.

ВОСТОКОВЕДЕНИЕ
Тезисы докладов

Москва
ИД «Ключ-С»
2009

СОДЕРЖАНИЕ

История и религия

Л.О. Башелешвили

Монофизиты, диофизиты и несториане в памятниках грузинской историографии «Обращение Картли» и «Житие Картли» ...

Мишин Д.Е.

Государство Ардашира Папакана и его опора

Мишин Д.Е.

«Ты победил, Галилеянин!» Гибель императора Юлиана Отступника (361–363) в христианских произведениях и иных источниках

Моисеева С.

Орлов В. В.

Реформа семейного кодекса в современном Марокко: позиции королевского двора, исламистских кругов и светских партий ..

А.Л. Рыбаков

«Этика благорастворения»: парадигма отношений Церкви и светской элиты в Грузии

А.Л. Сафронова

Особенности межобщинной конфликтности в Шри Ланке в начале XXI в.

Г.В.Стрелкова

Тема поисков Бога в современной литературе хинди

Тюркер, Ташансу

Османская идентичность и национализм

Хохлова Л.В.

Исторические причины приоритета религиозных факторов над языковыми в самосознании этнических панджабцев

В.И. Шлыков

Кемалистское государство и ислам

Шлыков П.В.

Институт вакфа в Турции: от «национализации» к «возрождению»

М.М.Якушев

Османский протокол в восприятии российских дипломатов и паломников

Литературоведение*Е.О. Акимущкина*

Особенности «тематической композиции» «охотничьих» касыд Фаррухи Систани (XI в.)

Акинина О.Г.

Арабские рукописи на Северном Кавказе

С.В.Никольская

Современная китайская городская проза

Померанцева Л.Е.

Каталожный стиль в китайской литературе III в. до н.э. – III в. н.э. (культурологический аспект)

М.М. Репенкова

Децентрированная модель книги в «Романе о преступлении» Пынар Кюр.....

Г.В.Стрелкова

Образ Пери и богини в современном рассказе Хинди

Африканистика*Н.В.Громова*

Средневековый суахилийский городв XXI веке

М.И. Каплун, Ю.Г. Суетина

Специфика реализации тонов в просодической системе хауса

Кравченко С.Л.

Старший преподаватель кафедры африканистики Формирование терминологии в амхарском языке

В.Я. Порхомовский

Пути формирования письменных традиций в Африке: лингвистический и социокультурный аспекты

Суетина Ю.Г.

Синтаксическая структура кирари хауса

Урб Моника

Словообразовательные модели в языке африкаанс

Федорова Н.Г.

«Обзор лексико-грамматического материала суахилийских газет «Рай» и «Маджира»»

История*Арешидзе Л.Г.*

Политические и стратегические интересы США в отношении КНДР в начале XXI века

Е.В. Волкова

Российско-мьянманские отношения в 2000-2008 гг.

Деоник Д.В., Ульянов М.Ю.

Основные этапы исторического процесса в регионе Восточная Азия в IX-I тыс. до н.э.

Железняков Д.А.

К вопросу о вовлечении Монголии в большую политику в начале XX века. Возникновение «монгольского вопроса»

М. И. Заверяев

Караимский национализм на пороге XX века

Куделин А.А.

Политические процессы в Османском Египте XVII – первой половины XVIII века в освещении отечественной и зарубежной историографии

Кузьмина А.С.

кафедра истории Китая «Тайваньская идентичность и будущее отношений в Тайваньском проливе»

О.В. Новакова

Концепция властной идеологии Вьетнама в контексте общей дальневосточной цивилизации и основные догматы христианства

Олюнин С.В.

Перспективы междисциплинарных подходов в изучении современной истории Турции

Симонова-Гудзенко Е.К.

Понятия географической карты в японской письменной культуре VIII-XII вв. (тезисы)

Экономика

Ананьин М.А.

Трудовая миграция бирманцев в Таиланд

Бакустин А.В.

Новые тенденции во внешней политике современной Турции в 2000-е гг.

В.В.Бойцов

Мировой экономический кризис и страны Юго-Восточной Азии

А.Л. Гевелинг

Инвестиционное законодательство и условия ведения бизнеса в странах Африки южнее Сахары

Гельбрас В.Г.

Новая стратегия развития КНР и мировой экономической кризис

Дзкуя С. В.

Интересы и позиции Турции в Закавказье; история и современность

Г.П.Ежов

Экономическое положение Исламской Республики Иран (тридцать лет движения и финансовый кризис).....

Коломойцева А.Ю.

Интересы Казахстана и транспортировка каспийских углеводородов.....

В. В. Лапердина

Поворот в социально-экономическом развитии Китая в условиях глобального кризиса

Лешаков П.С.

Республика Корея в условиях глобального финансового кризиса

Мазырин В.М.

Проявления мирового экономического кризиса и меры по борьбе с ними в СРВ

Д.А. Марьясис

Стратегия социально-экономического развития Израиля «Израиль 2028»: соответствует ли она современным реалиям

Мельянцева В.А.

Страны Запада и Востока накануне глобального кризиса: сравнение важнейших параметров эффективности экономического развития

Тимонина И.Л.

Япония в условиях мирового финансового кризиса

У Цзы-Вэй

Дискуссия по нефтяным вопросам в современном Китае

Политология

Адамс О.Ю.

доцент каф. политологии Востока ИСАА МГУ Новое в борьбе с коррупцией в КНР

Л.В. Гевелинг

Перспективы генезиса новой системы элит и контрэлит в странах тропической Африки

Дольникова В.А., Литилина И.Н.

«Политический кризис в Таиланде (2006 – 2009 гг.)»

Козицкий И.С.

Этапы становления малайзийской идеологии

Е.А. Кутовая

Россия в азиатско-тихоокеанском регионе

Экология культуры Востока

Бессонова Е.Ю.

Сближение молодежных культур России и Японии на примере японской мульт-культуры

Гапич В.В.

Прогноз культуры японо-россия, как стратегия выхода из глобального кризиса

Гилевич Р.Р.

Экософия Востоко-России как стратегия оздоровления больного современного общества

Гогиберидзе Г.М.

Интервенция политического ислама на юг России: ретроспектива, современность, прогноз

Горелов А.А.

Экософия цельного живого знания (на пути к научно-религиозной философии)

Григорович Н.Б.

Русские колыбельные и японские комориута: магия слова

Р.Ш. Джарылгасинова

«Каменные деда» – символ традиционной культуры острова Чеджудо (Республика Корея)

Ермаков К. В.

Корейский конфуцианец Чон Дасан (1762 – 1836) о роли техники в жизни человека и общества

В.Н.Зайцев

Два взгляда на «неживую» природу: образы гор в европейской и восточноазиатской художественных традициях

Клобукова (Голубинская) Н.Ф.

Проблемы адаптации русского певческого канона в японской православной церкви

Ключников С. Ю.

Воспитание экософского сознания в эпоху кризиса

З.Г.Лапина, В.Б.Вальцев, Н.И.Дряхлов, Ю.Г.Ионов, К.И.Шилин, М.Эгути (Япония), Е.И.Рачин

Проект «Экологическая философия культуры востоко-россии» (проблемы будущего востоковедения)

Машкина О.А.

Курс на развитие творческого потенциала личности в КНР

В.В.Ремарчук

Отражение хроники военных событий во «Французском Индокитае» в 1884 году в культурной жизни москвичей

Садоква А.Р.

Культурное наследие Таяма Катай (1871-1930) в жизни современной Японии

И.И. Семененко

Диалогический императив Мэнцзы

Совастеева Ю.В.

Влияние японской культуры на развитие современного российского дизайна

Хоу Цзинлинь (КНР)

Россия и Китай: стратегическое партнерство в энергетике как сфера культуры Китае-России

Чжао Сянци

Перспективы трехстороннего сотрудничества РФ, Индии и Китая в энергетической сфере (в контексте синтеза культур)

Щека Ю. В.

Языковая коммуникация и единство в плюрализме (к проблеме синтеза культур)

Круглый стол «Актуальные проблемы стран Центральной Азии и Кавказа»

Е.Д.Джагацпанян

Армения и Христианский Восток

Зулумян Б.С.

Архетипы и символы армянской мифологии

А.Ш.Кадырбаев

О культурном взаимовлиянии «таджиков», уйгуров и хуэй современного Китая

Сыздыкова Ж.С.

Особенности формирования государственного аппарата империи Сельджукидов

Языкознание

Басова С.В.

Условно-речевые упражнения как средство формирования речевых навыков

Бессонова Е.Ю.

Вступительные и заключительные приветствия в японском эпистолярном тексте

С.А. Быкова

Первые работы по японской диалектологии в России и их значение

Воронцова М.В.

Образ стран Азии и Африки в немецкоязычных средствах массовой информации

Долотин К.И.

К проблеме разработки методов дискурсивного анализа речи (на материале типологически разных языковых систем)

А.Б. Захарьин

Секрет китайского экономического чуда: специфика образования в эпоху реформ

Зубкова Л.Г.

Язык как целносистемное образование

Иванов В.Б., Кононова Т.Л.

Синтез речи в исследованиях по персидскому языку и дари

- Н. Крнета*
Женская речь в японском языке в период Эдо
- Нечаева Л.Т.*
О проблеме обучения переводу
- Порхомовский М.В.*
Порядок слов в турецких пословицах
- Румак Н.Г.*
Использование информационных технологий в преподавании японского языка (краткий обзор)
- М.К.Румянцев*
Интонация: специфические и универсальные черты
- М.В. Румянцева*
Позиция местоимения в китайском и русском языке
- Сагоян К.П.*
Эмоциональный интеллект. Новый взгляд на обучение иностранным языкам (тезисы к докладу на Ломоносовских чтениях 2009 г.)
- И.И. Семененко*
Мэнцзы о риторике
- М.В. Софронов*
Категория неотчуждаемой принадлежности в современном китайском языке
- Степанова К.М.*
Особенности культурной самоидентификации британцев: речевой аспект
- Тань Аошуан*
Специфика дейксиса в вымышленном мире Гао Синцзяня
- Фролова И.В.*
Практические возможности переноса значений слов (на при-

- мерах из немецкой художественной литературы и публицистики)
- Халютин М.Е.*
Word Formation in Modern English
- Р.Г. Шапиро*
Морфология китайско-русского пиджина
- Щека Ю. В.*
Вид и аспектуальность: к отсутствию категории вида в турецком языке

История и религия

Л.О. Башелешвили

Монофизиты, диофизиты и несториане в памятниках грузинской историографии «Обращение Картли» и «Житие Картли»

Проломив стену «языковой тюрьмы», т.е. исторического текста, и переключив внимание с языка на «возвышенный исторический опыт» (учитывая тот фактор, что у всякого текста есть структура, подчиненная строгой логике), можно провести более или менее успешную историческую реконструкцию прошлого и, быть может, приблизиться к исторической истине.

Исторический текст, созданный в лоне «победителей» (имею в виду победу в конфессиональном или вероисповедальном поединках) таит в себе много «ловушек». Имея в распоряжении два исторических источника, содержащих сведения о загадочных событиях, происходивших в Грузии после Халкедона (451 г.), инициатором которых был грузинский царь Вахтанг Горгасал (ум. 502 г.), неизбежно оказываешься в такой «ловушке», иначе говоря, в плену текста. Это тот случай, когда контекст со всеми его инструментами воздействия заставляет ощутить свою неотразимую силу, поскольку значение многих суждений ограничено контекстом, а сам контекст при этом неограничен ничем. Ни в «Обращении Картли» (*mokcevai kartlisai*) в своих двух редакциях, шатбердской и челишской, ни у историка XI в. Джуаншера («Жизнь царя Вахтанга Горгасала») нет

сведений о том, что Вахтанг стал монофизитом и изменил вероучительные взгляды.

Джуаншер повествует о перипетиях конфликта между предстоятелем Картлийской церкви греком Микаэлом и возвратившимся из военного похода царем Вахтангом Горгасалом. Интронизация отдельного католикоса для Картли, по аналогии, быть может, с католикосом Ктесифон-Селевкийским, который фактически никогда не был зависим от Антиохии, на столование 12 новых епископов, извержение из сана ультрахалкедонита Микаэла и его осуждение патриаршим судом в Константинополе требует учета контекста, поскольку субъект-историк ловко самоустраняется из текста. По утверждению И. Джавахишвили, вышеперечисленные хронисты деликатно умалчивают о некоторых аспектах церковной реформы Вахтанга Горгасала, поскольку они не совсем вписываются в позднюю традицию Грузинской церкви (VII—VIII вв.), согласно которой она *всегда* придерживалась халкедонского православия.

Для низложения ультрахалкедонита Микаэла Вахтанг имел вескую причину. Глава епископов сломал царю челюсть, когда тот, по старому обычаю, хотел поцеловать ему ногу. По никейскому законодательству (правило 6) процедура извержения из сана требовала решения поместного собора, который проводился раз в два года, а фактически после Пасхи в первую седмицу пятидесятницы. Вряд ли Вахтанга поддержало бы большинство епископов. Делегация грузинских священнослужителей, отправленная в Константинополь на переговоры с императором и Константинопольским патриархом, достигла своей цели. Микаэла судили патриаршим судом и вынесли следующий приговор: «По причине тебя разлилась кровь на земле и не достоин ты быть епископом, и за такую дерзость по отношению к царю заслуживаешь ты смерти». Но такая кара миновала низложенного Микаэла, и он был отправлен в монастырь неусыпающих (акимитов) Константинополе.

Как известно из других источников, ультрахалкедонитов во время действия Энотикона (при императорах Зеноне [474—475, 479—491] и Анастасии [491—518]) держали в указанном монастыре. После эксории Микаэла, по сведениям хрониста,

делегацию во главе с Петром и 12 кандидатов на рукоположение в епископы из Константинополя отправили в Антиохию с сопроводительными письмами императора и Константинопольского патриарха. Именно достоверность содержания этих писем вызвала огромное сомнение у И. Джавахишвили. «Поскольку в те далекие времена обращения Картли святой жено из Рима епископы были рукоположены нами и они не смогли устроить все по чину и по закону церкви, а мы хорошо осведомлены в том, что весь Восток и Север сей должны находиться под пастырством и окормляться исключительно от святого престола Антиохии, поскольку первенство Антиохии утверждено самими апостолами. Учитывая все это, мы (константинопольцы) направляем их (иберов) к вам», – пишет Константинопольский патриарх и император Антиохийскому патриарху. Константинопольцы как бы извиняются за право хиротонисать картлийских иерархов и объясняют данное положение разладом между Ираном и Византией в I в.: мол, у Константинополя не было иных возможностей устроить Грузинскую церковь в соответствии с вселенскими правилами. Так, по Джуаншери, Картли должна была иметь институциональную связь с Антиохийским престолом, и эта ошибка, мол, была исправлена. Если данное сведение встроить в сетку тех событий, которые происходили во Вселенской церкви в период режима Энотикона, каждый отрезок текста Джуаншера будет более чем соответствовать истине.

Является ли изложение Джуаншера описанием частного случая? Ничего невероятного с точки зрения вселенских правил и ситуации, имевшей место на всех кафедрах. Исторический контекст позволяет утверждать, несмотря на алогичную формулировку правила, что случай интронизации католикоса Картли в Антиохии и его толкование полностью ограничивается данным конкретным моментом в истории Вселенской церкви. Анналы вселенских соборов явно свидетельствуют о том, как епископы Антиохии, опираясь на 6-е правило Никейского собора, претендовали на свои особые права. С конца IV в. данное никейское положение начали трактовать иначе, ибо «в то время это правило понимали как относящееся к области юрис-

дикции над митрополитами, хотя первоначально оно имело совершенно иной смысл». Об особом статусе и правах Антиохии, ее сверхюрисдикции говорили и на Эфесском соборе (правило 8). В начале V в. папа Иннокентий на этом основании поддерживал притязания Антиохийской кафедры на власть над всем диоцезом Востока, а также то, что именно в Антиохии должны проводиться архиерейские хиротонии. Аргумент И. Джавахишвили о том, что император не мог поддержать решение в пользу Антиохии, тоже имеет свою аналогию и подтверждение, но в зависимости от того, кто был императором и какова была его этническая принадлежность.

В хронике Джуаншера содержится много намеков на то, что могло заставить Вахтанга пойти на переговоры в обход первосвященника, архиепископа Микаэла с епископом Петром, которого он хотел видеть на престоле католикоса Картли. Во время пребывания в походе вместе с иранским шахом Перозом Вахтанг побывал в Урхаэ, Антиохии, Нисибине, в этих космополитических центрах сирийского христианства. Необходимо учитывать тот фактор, что лидер монофизитского движения епископ Газы и Майума Петр Ивер был близким родственником Вахтанга Горгасали. Петр Ивер был тесно связан духовными братскими узами с Петром Валяльщиком и Тимофеем Котом. Все они разделяли режим Энотикона, и даже Палестина, где монахи поддерживали решение Халкедонский собора, приняла Энотикон во главе с Мартирием Иерусалимским. В этих условиях и в этой атмосфере грузинский царь Вахтанг вполне мог стать на сторону антихалкедонитов и добиться рукоположения отдельного католикоса для Картли именно в Антиохии – в знакомой ему ситуации.

Учитывая вышесказанное, мы можем реконструировать текст Джуаншера, причины того, что Вахтанг был настроен против Микаэла, даже до своего возвращения в Грузию и знакомства с ним. Несмотря на то что Константинопольская церковь была единственной, которая время от времени противостояла монофизитской тенденции Энотикона, во многих случаях она была вынуждена под давлением светских властей сдавать свои позиции и как-то договариваться с монофизитским лагерем.

Захарьин Б.А.

Имя «врага» Будды в культурно-религиозном контексте

Традиция южноиндийского буддизма одним из главных «врагов» царевича Готама Шакьямуни (впоследствии Будды) называет Девадатту, двоюродного брата Готама. В текстах «Суттанипаты» Девадатта характеризуется как «злокозненный» соперник Готамы: в юности они состязаются по линии изучения наук и искусств (и при этом царевич неизменно одерживает верх над кузеном), позже оба участвуют в брачном состязании претендентов на руку прекрасной Ясодхары, и победивший Готама вступает в брак с царевной, что усиливает чувство зависти в душе Девадатты. В то время, когда Готама, стремясь к достижению просветления, в течение 49 дней сидит под смоковницей «бодхи», искуситель – демон Мара сообщает ему о совершенном Девадаттой дворцовом перевороте на родине и о постыдных приставаниях Девадатты к Ясодхаре. Когда же Готама (уже ставший Буддой) с целью распространения своего вероучения ненадолго возвращается в родные места, Девадатта сначала пытается уничтожить брата, напустив на того бешеного слона, но, потерпев неудачу и вымолив у великодушного Будды прощение, вступает в буддийскую общину. Однако, как выяснится позже, принятие буддизма Девадаттой было чисто формальным актом, поскольку уже очень скоро он организует из таких же, как сам, раскольников т.н. «секту шести» и в дальнейшем активно противодействует кузену и при обсуждении проблем доктрины, и в практических делах общины – тем самым окончательно выступая в роли идеологического «врага» Будды.

Санскритское и палийское имя собственное *‘devadatta’*, использовавшееся в Древней Индии задолго до рождения Будды (оно присутствует уже в грамматике Панини V – IV вв. до н.э.), представляет собой сложное слово из двух компонентов: *deva* – «бог, господин» и *-datta* «данный» (причастие от *da-* – «давать»). Имена собственные такой же структуры засвидетельствованы и в других составляющих и.-е. языковой общности: в древнегреческом *Θεό-φορος* – (*theó-phoros*-), давшем впо-

следствии имена собственные святых подвижников «Θεодоръ» (мужское) или «Θеодора» (женское); в славянском мире последние оказались представленными полузаимствованными «Фёдор» и «Федора», а также калькированным «Богдан». На каком-то этапе истории древнегреческая основа *φορος-* в качестве второго компонента композита-имени собственного оказалась замещенной отглагольным производным от корня *δο-* «давать, дарить»; детали преобразования остаются не вполне ясными, но итоговая структура типа *Θεό-δωρες* являет собой аналог древнеиндийского *‘deva-datta’* и славянского «Богдан».

Таковы данные об *означающем* имени *deva-datta*, истолкование же его *означаемого* связано с решением вопроса о том, каков характер семо-синтаксической связи между первым (подчиненным) и вторым (подчиняющим) членами композита. Причастие *datta* – (от *da-* – «давать») имплицитно три валентности: на (а) *агенси*, (б) *пациенси*, (в) *адресату*. Валидность варианта (б) должна быть отвергнута из-за семантики первого компонента композита: «давание» бога или богов кем-либо невозможно, хотя обратная («от бога/богов») направленность «давания» вполне допустима. Таким образом, реальны лишь трактовки (а) и (в). Теоретически обе они равновероятны, но в традиционной индийской и – вслед за ней – в западной лексикографии предпочтение неизменно отдается варианту (а), т.е. композит *deva-datta* интерпретируется только как «богом-данный»; при этом греческие и, в особенности, славянские данные во внимание не принимаются.

Трактовка (а) достаточно убедительна, однако можно предположить, что такое понимание композита, повидимому, закрепилось в Индии достаточно поздно – в эпоху создания эпических и раннебуддийских текстов. Для предшествующего периода истории социума и языка не исключен и вариант (в), валидность которого может быть подкреплена соображениями грамматического и религиоведческо-культурологического планов. Грамматически свертываясь в композит *deva-datta* – могли две конструкции: и инструментально – *агенсиная* («богом/богами данный»), и дативно-адресатная («богу/богам данный»). В

аспекте же религиоведческой культурологии существенны славянские (точнее русские) параллели: имя «Богдан» распространено у славян, но, по данным «Православного энциклопедического словаря», «святого с таким именем в месяцеслове... нет». В православии отношение между окрещаемым младенцем и святым, имя которого присваивается ребенку и который этим становится «ангелом-хранителем» окрещенного, предполагает адресативный характер обряда: не святой «дает» имя ребенку, но его родители (или восприемники), присваивая младенцу имя данного святого, этим «отдают» ребенка под его покровительство. В своем «Словаре» В. Даль напоминает: «**Богдán, богдáшка...** – общее название всех некрещеных... младенцев». Но в таком случае и связь между некрещеным ребенком и Богом как прямым его покровителем тоже адресативна: не Бог «дает» некрещеного младенца родителям, но эти последние «дают», т.е. препоручают, Богу своего отпрыска. На языковом уровне именно эту связь и демонстрирует имя «Богдан» (уличное «Богдашка»), означающее «Богу данный», т.е. «предпущенный заботам Бога». Подобная импликация вполне возможна и в случае древнеиндийского *‘deva-datta’*: помимо обычного понимания этого имени как «богом/богами данный», допустима и адресативная трактовка «богу/богам данный».

*Захарьин Б.А., проф.-зав. каф. индийск. филологии ИСАА.
Шриффт – ‘Times New Roman’ (в примерах использована и его
греческая разновидность).*

Мишин Д.Е.

Государство Ардашира Папакана и его опора

Эпоха Ардашира I Папакана (224 – 240 или 241) имеет большое значение для любого исследования по истории раннесредневекового Ирана. Именно в это время были заложены основы, на которых покоилось впоследствии государство Сасанидов. В настоящем докладе сделана попытка рассмотреть, что представляли собой основы государства, созданного Ардаширом.

Государство Ардашира опиралось на поддержку ряда мощных политических и социальных сил. К таковым относилась прежде всего персидская знать, поддержавшая Ардашира в период борьбы с парфянами. По сообщениям некоторых источников, переход персидских воинов, служивших парфянскому царю Ардавану, на сторону Ардашира помог последнему одержать победу. Причиной, побудившей персидскую знать примкнуть к Ардаширу, было, видимо, усиление влияния парфян на юге Ирана, которое должен был повлечь за собой перенос столицы Ардавана в Истахр. Имеются данные о том, что некоторые представители персидской знати пострадали от злоупотреблений парфян. Разумеется, не все персидские вельможи пошли за Ардаширом; мы знаем, что некоторые из них активно выступали против него. Однако, в общем и целом Ардашир имел основания рассчитывать на поддержку персидской знати.

Другой значительной силой, поддерживавшей Ардашира, были знатные парфянские роды. По сообщениям источников, на сторону Ардашира со временем встали роды Суренов и Испахбадов, считавшиеся младшими по отношению к Каренам и царскому роду Арташесов. Впоследствии эти роды снискали немалое влияние в государстве; в середине IV в. Сурены уступали могуществом только царю. Ситуация с родом Каренов была несколько более сложной. По некоторым сведениям, они не подчинились Ардаширу, и он принял решение полностью истребить их. Однако, данные источников показывают, что представители рода Каренов впоследствии служили Ардаширу и даже занимали при нём высокое положение. Это показывает, что на каком-то этапе компромисс был найден.

К числу сил, поддерживавших Ардашира, относились также признавшие его верховенство удельные правители Ирана. Из источников известно, что Ардашир, объединяя страну, направлял правителям областей письма с предложениями подчиниться добровольно. Те, кто соглашался, сохраняли власть и царские титулы. Однако, к каждому такому титулу неизменно прибавлялось название области, которой правил данный монарх (например: *кирман-шах*). Это указывало на ограниченность власти правителя, его подчинённое положение по отношению к саса-

нидскому «царю царей» (шаханшаху). Некоторые из таких царей (правители Абаршахра, Мерва, Кирмана и Систана) стали ближайшими сподвижниками Ардашира.

Важным союзником Ардашира выступало зороастрийское духовенство. Судя по всему, оно благосклонно относилось к действиям Ардашира по объединению страны; во всяком случае, это соответствовало идеалу централизованной империи, построенной на зороастрийских религиозных принципах. В правление Ардашира зороастризм стал государственной религией, а влияние духовенства, приближенного теперь к монарху, заметно возросло. При этом унификация религиозного учения, а также установление иерархии мубедов служили делу централизации.

Таким образом, созданное Ардаширом государство опиралось на поддержку как основных групп знати, так и духовенства. Это позволило покончить с господством парфян и объединить страну под властью новой династии, правившей более четырёхсот лет.

Мишин Д.Е

«Ты победил, Галилеянин!» Гибель императора Юлиана Отступника (361–363) в христианских произведениях и иных источниках

Поход римского императора Юлиана Отступника на Персию (363 г.) стал одним из важнейших событий IV в. Совершив марш вниз по Евфрату, римская армия вплотную подошла к столице персов Ктесифону, однако в стычке неподалёку от города Юлиан был убит. Гибель императора имела неоднозначные последствия. Для Римской империи она обернулась общей неудачей похода и территориальными уступками, прежде всего – сдачей Нисибина. Для христианской общины, однако, последствия были иными, так как со смертью Юлиана прекратились развязанные им преследования.

С гибелью Юлиана связана легенда, по которой он, получив смертельное ранение, подбросил к небу капли крови и вос-

кликнул, как бы обращаясь к Иисусу Христу: «Ты победил, Галилеянин!» Впервые она обнаруживается в церковной истории Феодорита Киррского, а впоследствии – в историческом своде Георгия Монаха. Легенда сохранила известность и до наших дней.

С позиций критически настроенного современного учёного усомниться в достоверности легенды очень легко. Можно отметить, например, что она не встречается в важнейших церковных историях Созомена и Сократа Схоластика, опиравшихся на рассказы участников похода. Кроме того, достоверность практически любого высказывания, приписываемого древним, практически всегда можно поставить под сомнение (за редкими исключениями мы не знаем, кто слышал те или иные слова, кто их записал, каким образом они шли от передатчика к передатчику). В христианской литературе есть ещё одна легенда, связанная с гибелью Юлиана. В сохранившихся фрагментах церковной истории Филосторга мы читаем, что Юлиан, получив ранение, сказал; «Насыться в полной мере!». В более развёрнутом виде это высказывание присутствует в сирийском «романе о Юлиане» («послание Аполлинария»), созданном, видимо, в течение первых ста лет после похода. В этом произведении в уста Юлиана вложены слова: «Насыться, Иисус, насыться, наконец, в полной мере. Тебе дана теперь и власть царская наряду с божественностью».

В более поздних произведениях выделенные мотивы смешиваются. Их различные сочетания мы обнаруживаем как в греческих (Георгий Кедрин, Лев Грамматик), так и в сирийских (Михаил Сирийский, Бар Эбрей) трудах. Это только усиливает впечатление, что с течением времени легенда всё более приобретала литературный характер.

При всём критическом отношении к легенде вряд ли правомерно, однако, отводить христианам роль людей, которые в угоду своим представлениям искажали действительность. В конечном счёте, Юлиан вполне мог сказать приписываемые ему слова; известно, что его обычаем было называть христиан галилеянами. В то же время, не все рассказы авторов-язычников отличаются объективностью. С явной тенденциозностью

рассказывает о гибели Юлиана римский софист-язычник Ливаний, согласно которому император нашёл в себе силы вновь подняться в силу и кричал при этом, что рана не смертельна. Рассказ Ливания не находит подтверждения в произведениях позднеантичных авторов, прежде всего – у Аммиана Марцелина, участника похода, труд которого является нашим основным источником по описываемым событиям.

Многообразие легенд и рассказов, связанных с гибелью Юлиана, объясняется, видимо, значимостью этого события и самой фигуры императора. Вокруг Юлиана и его похода шла полемика. Для язычников (Ливаний, Зосим) Юлиан был настоящим героем. Ливаний представляет его как стойкого солдата и великого полководца, искусство которого спасало войско во время трудного похода. В глазах христиан Юлиан, наоборот, являлся злодеем, действия которого были неправильными чуть ли не по определению. Отметим, что в произведениях христианских историков поход неизменно представляется как череда ошибок императора, едва не приведших к гибели войска. В гибели Юлиана христианские авторы видели кару, ниспосланную свыше гонителю веры. Приписываемые императору слова были в этом отношении символом признания язычеством победы христианства.

Моисеева С.

Житие православного Антиохийского патриарха Христофора (959–967)¹, составленное его младшим современником и учеником Ибрахимом ибн Юханной, — оригинальное произведение арабо-христианской словесности периода так называемой «византийской реконкисты», когда Антиохия бо-

¹ Издано с французским переводом: *Zayat H. Vie du patriarche melkite d'Antioche Christophore (967) par le protospathaire Ibrahim b. Yuhanna. Document inédit du X siècle//Proche-Orient Chrétien. Jérusalem, 1952. T. 2. P.11–38; 333–366.* В настоящее время готовится комментированный русский перевод. Имя патриарха Христофора, несмотря на почитание его современниками, отмеченное в Житии, в настоящее время не входит не только в полный православный месяцеслов Востока, но и в святцы Антиохийской Православной Церкви.

лее чем на сто лет (969–1084) была отнята у мусульман и вернулась в состав Византийской империи. Житие представляет для исследователя большой интерес и как исторический источник, и как литературное произведение агиографического жанра.

С исторической точки зрения патриаршество Христофора пришлось на десятилетие арабо-византийских столкновений, осложнявшихся начавшимися еще ранее внутренними междоусобицами среди мусульман. Указанные события, естественно, не могли остаться незатронутыми в Житии в той мере, в какой они касались патриарха. Более того, автор передает множество деталей, никак не влияющих на образ его героя, — очевидно, что описываемые события интересуют его и сами по себе. В целом, в Житии можно выделить три исторических отрывка, соответствующие трем направлениям в жизни Антиохии 50-х — 60-х гг. X в.: церковно-административному (спор между общинами Багдада и Шаша о местопребывании католикоса, назначавшегося Антиохийским патриархом), внутривизантийскому (описание двух антиохийских мятежей) и внешнеполитическому (взятие Антиохии византийцами). При этом от первого к последнему постепенно расширяется круг параллельных источников (разрозненные свидетельства из писем и документов > арабские хроники > арабские, византийские и другие восточные хроники) и соответственно меняется характер Жития как исторического источника (незаменимость для создания целостной картины и хронологии > предположительный первоисточник для части событий > сведение повествования до необходимого минимума с единственным уникальным фактом и потерей общего масштаба события).

В отношении литературной стороны памятника можно констатировать, что Житие явилось порождением своей эпохи со следующих точек зрения: 1) жанровой неоднородности (переплетение элементов агиографического произведения и исторической хроники), 2) следования византийскому канону (схема классического «похвального жития») и 3) специфики мученичества своего героя. В отношении первого пункта, оно является примером общей закономерности в агиографии: чем

более обостренный характер носит эпоха, чем интенсивнее Церковь отзывается на явления жизни, тем более жития, возникающие в эту эпоху, носят исторический характер. В отношении второго пункта, составление Жития патриарха Христофора шло в русле оживления литературной деятельности православных арабов (мелькитов) в тесном контакте с византийской традицией (выражавшемся, в частности, в переводах религиозной литературы), чему способствовало возвращение Антиохии под скипетр византийского императора. В отношении третьего пункта, Житие представляет собой одну из попыток обосновать как мученическую ту смерть, которой нередко умирали предстоятели Церкви в период мусульманского владычества. В этом отношении имелась определенная трудность: убийство патриарха произошло, на первый взгляд, по политическим, а не религиозным мотивам, и само по себе не могло быть центром повествования агиографа. Несмотря на стоявший перед автором путь прямой аргументации, он предпочел доказать мученический характер смерти своего героя исключительно художественными средствами: наименованием патриарха мучеником в ключевых для мученичества местах; приготовлением читателя к мученичеству еще в «мирный» период жизни патриарха; двумя диалогами, разделенными хронологически, но неразрывными по содержанию и составляющими психологическую кульминацию произведения; наконец, занимающей не менее семи глав аллюзией на евангельское повествование. Тонкие стилистические приемы, необходимость сопоставления отдельных частей текста, фрагменты исторической хроники — все это указывает на то, что данное произведение не предназначалось для обывателя. Данная установка была присуща агиографии того времени в целом. В Византии на эту эпоху приходится деятельность Симеона Метафраста, осуществившего колоссальный труд по собиранию и литературной обработке житий святых. Впрочем, вопрос о непосредственном влиянии школы Симеона на мелькитскую агиографию X–XI вв. требует дальнейшего исследования с привлечением большего числа фактов.

Орлов В. В.

Реформа семейного кодекса в современном Марокко: позиции королевского двора, исламистских кругов и светских партий

В сложных взаимоотношениях между троном, исламскими движениями и светскими партиями Марокко немалую роль играют реформаторские инициативы короля Мухаммеда VI (правит с 1999 г.). Его последовательный либерализм в отношении положения женщины в обществе постоянно осложнял его контакт с традиционалистски настроенными лидерами исламистов и в то же время содействовал наведению между дворцом и светскими партиями Марокко мостов взаимного понимания.

Уже в первые годы своего правления Мухаммад VI сделал ряд назначений женщин на высокие посты, обычно занимаемые мужчинами: в частности, на посты советника короля и представителя королевской администрации в Высшем совете алимов. Однако подлинным прорывом в этой деликатной для мусульманской страны сфере явилось принятие парламентом новой редакции Семейного кодекса. Его в Марокко называют «ал-Мудаввана» сообразно названию ключевого труда основателя маликитского мазхаба Малика ибн Анаса (ум. в 795 г.) в переработке Асада ибн ал-Фурата ат-Туниси (ум. в 829 г.).

Первые попытки Мухаммеда VI укрепить правовое положение марокканок вызвали ожесточенное сопротивление как со стороны структур официального ислама, так и исламистских сил в парламенте. Массовые демонстрации против любых перемен в «ал-Мудавване», а также обвинения властей в «забвении основ веры» и «внедрении чуждых марокканским традициям норм» заставили короля отложить законопроект до лучших времен. Однако в 2003 г. Мухаммад VI преодолел сопротивление как исламистов, так и служителей официального ислама, и смог провести через обсуждение в парламенте изменения и дополнения к Семейному кодексу. Этот документ в его новой версии предоставил марокканкам значительно большую, чем раньше, свободу в семейно-брачных отношениях. В частности, минимальный возраст заключения брака был поднят с 15 до 18

лет, женщина получила равные с мужчиной права попечительства над несовершеннолетними, отменялась обязательная ранее санкция мужчины как покровителя (*вали*) на вступление в брак женщины из его семьи. Освященные исламом полигамия и одностороннее право мужа на инициирование развода (*талак*) были сохранены, однако обставлены рядом условий, отсутствующих в шариатских законоположениях. Талак отныне становился более затруднительным, а второй, третий или четвертый брак допускался только при наличии юридически оформленного согласия первой жены. Феминистки Марокко, тем не менее, выразили огорчение тем, что обновленный кодекс узаконил и полигамию и право мужа на талак, пусть то и другое ограничено рядом условий.

Либеральные настроения дворца проявились также в мае 2006 г., когда министерство хабусов и по делам ислама, следуя указаниям короля, подготовило и лицензировало корпус гражданских служащих-проповедников в составе 150 мужчин (*муршидов*) и 50 женщин (*муришидат*). Их главной задачей было заявлено выполнение гуманитарных миссий и организация религиозного просвещения в тюрьмах, а также в местных религиозных советах. Взрыв негодования со стороны религиозных консерваторов стих только после того, как глава ведомства хабусов профессор Ахмад Тауфик заверил общественность, что женщинам-проповедницам ни при каких обстоятельствах не будет разрешено чтение проповедей после пятничной молитвы (в исламе руководство молитвой и чтение проповеди признается исключительной прерогативой мужчин).

Для ослабления критики со стороны консервативных кругов двор при всех своих начинаниях в «женском вопросе» неизменно использовал мусульманское законодательство и традицию. В частности, в 2003 г. Высший совет алимов постановил по поводу перемен в «ал-Мудавване», что они допустимы, поскольку «не являются простым заимствованием чуждых норм и практики». В отличие от тунисских властей, избравших путь секуляризма, марокканская монархия в начале XXI в. по-прежнему стремится обеспечить религиозную санкцию для своих социально-экономических и политических реформ. Этот под-

ход не только помогает приглушить противодействие религиозных кругов королевства, но и способствует терпимому отношению к новшествам в глубоко патриархальных горных и полупустынных регионах Марокко – Рифе, Среднем и Высоком Атласе, Присахарье.

Впрочем, преувеличивать значимость проведенных при Мухаммаде VI реформ в семейно-брачном положении марокканок тоже не стоит. Численность пока подготовленных муршидат едва ли позволяет говорить об их решающем вкладе в духовную жизнь мусульманок Марокко. В том же, что касается пересмотра «ал-Мудавваны», реальные результаты проявляются пока довольно слабо. Это связано как с тем, что обучение судей всех уровней тонкостям нового кодекса (особенно в сельских округах) требует значительных затрат и времени, так и с высоким уровнем неграмотности среди марокканок (в начале XXI в. более 40 % в городских округах и более 80 % – в сельских), который усложняет их оповещение об их новых правах.

Светские партии Марокко, поддерживая либеральный курс Мухаммада VI, положительно относятся к реформам Семейного кодекса, воспринимая их как своеобразный буфер, сдерживающий влияние исламско-консервативных сил в марокканском обществе.

А.Л. Рыбаков

«Этика благорастворения»: парадигма отношений Церкви и светской элиты в Грузии

С X в. в составе духовенства Грузинской церкви начинают происходить важные изменения. Этот процесс зафиксирован, в частности, в сочинении Гиорги Мтацминдели «Житие св. Иоанэ и Эквтимэ Атонели». По свидетельствам агиографа, не только епископы, но и простые монахи в монастырях в то время уже в подавляющем большинстве случаев принадлежали к аристократическому сословию. Что касается священников, то практически исключалось рукоположение в этот сан человека неблагородного происхождения. Хотя еще в VIII в. считалось

вполне обычным делом, когда, например, кафедру Анчи (в Тао – одной из провинций Квемо Картли) или пост настоятеля монастыря получил пастух – известный грузинский инок отец Башили (VIII в.). После X в. такое было уже невозможно. К этому времени водораздел между «родовитыми» (*gvarovnebi*) и «незнатными», «низкородными» (*ugvaroni*) в церковной иерархии обозначился вполне четко.

Высшее грузинское духовенство пополнялось за счет вторых, третьих и более младших сыновей феодальной аристократии. В Грузии действовало правило примогенитуры – передачи власти внутри, например, эриставского рода от отца к старшему сыну. Во избежание междоусобной борьбы за власть остальных сыновей отдавали в монастырь. По достижении 35-летнего возраста они чаще всего становились епархиальными архиереями. Это, однако, не означало, что тот же эристав мог просто назначить одного или даже нескольких своих сыновей предстоятелями кафедр, расположенных, например, на территории его эриставства.

В грузинском социуме, условно делившемся на светских (*saeroni*) и духовенство (*samgzdeloni*), до начала XIX в. продолжала господствовать «этика благорастворения» (*šezavebis eṭika*), сформулированная еще в VIII в. самцхийским дидазнаури (эриставт-эристави), отцом католикоса Арсения Великого Габриэлом Дапанчули: «Мы обладаем вещественным благом (*xorcieli ketili* – букв. плотское, тварное, осязаемое благо), а у вас есть благо духовное, и да так благорастворимся друг в друге» – сказал он архимандриту Кларджетской пустыни Григолу Хандзтели. Оказывая материальную помощь Кларджетскому пустынному граду, Габриэл Дапанчули взамен рассчитывал на место погребения для себя и своих потомков в главном монастыре Хандзта и постоянное упоминание в молитвах за упокой и за здравие, а также агапы – особую заупокойную панихиду. Кроме этого, «соглашение» предусматривало гарантию предоставления места в монастыре, как в женском, так и в мужском, для представителей феодального дома.

В отличие от раннего средневековья личное стремление к стяжанию добродетелей, врачеванию души и совершенству от-

ходили на второй план. Эрисмтавари фактически откупались от кропотливого домостроительства своей души материальными пожертвованиями. Так что проблема безвозмездной благотворительности со стороны аристократии осталась в целом нерешенной. «Торг» этот фактически длится на протяжении всей истории Грузинской православной церкви, и, пожалуй, не только грузинской. Евангельское учение о добродетельной бедности («богатый никогда не войдет в рай») церковные мужи модифицировали еще в II–III вв. Климент Александрийский сформулировал новую доктрину о богатстве и бедности. По его мнению, богатство – только орудие, само по себе оно не зло и не добро, если мы употребим его справедливо, может принести благо, а если неправильно – оно станет источником зла. Согласно этой этике, богатый, который занимается благотворительностью, вполне может войти в рай. Так что агиограф и знаток церковного права VIII в. Гиорги Мерчулэ, автор «Жития св. Григола Хандзтели», не выглядит слишком оригинальным со своей «этикой благорастворения» (*греч.* симфония, «премудрая двоица»).

Если в VIII в. великий старец Григол Хандзтели считал, что «монастыри и пустыни должны строиться руками нищих и обездоленных монахов», то в IX–X вв. обители воздвигали уже крупные феодалы и цари, назначая им содержание и полное обеспечение в виде земель, крестьян, другого движимого и недвижимого имущества. Проблема труда ради хлеба насущного отошла для монашествующих на второй план. Как свидетельствует об этом типик Ваханского монастыря (Имерети) XIII в., управляющими церковными землями назначались светские люди (*eriskacni*), дабы монахи не отвлекались от молитвословия. Нельзя сказать, что монашество отказалось от труда и впадо в мессалианскую ересь¹, но можно утверждать, что доктрина труда претерпела определенные изменения в пользу модели попечения монастырей со стороны светской элиты.

¹ Мессалианская ересь была осуждена в VI в. Ее приверженцы считали, что добывание куска хлеба своим трудом необязательно для монаха, потому что всякие работы вызывают смуту и страсти. Первая его обязанность – молитва.

«Этика благорастворения» оказалась устойчивой парадигмой отношений «Церковь-элита». Свидетельства тому, что она продолжала действовать и в начале XIX в., можно найти в материалах, связанных с восстанием в Имерети (Западная Грузия) 1819–1820 гг. в связи с церковной реформой российских властей в Грузии. Так, призыв представителей местной аристократии к жителям Имерети звучал следующим образом: «На твердо основанную со дня Христова крещения и распятия веру нашу посягнули, после того, как мы ясно видим еще тягчайшие дела, устроенные ими же по Карталинии. Прежде всего, многие святые церкви наши разрушатся и честные и всехвальные образа и кресты от нас отберутся; *нами воспитанные, собственно за нас молящиеся* (здесь и далее курсив мой. – А.Р.) священники будут отняты, и мы лишимся возможности, во-первых, прославлять Христа и, во-вторых, *служить ему телесно*; от благословения наших архиереев будем вовсе удалены». Безусловно, очевиден категоричный тон этого послания и заметно апокалипсическая картина будущего Грузинской церкви и ее паствы, что можно отнести просто к желанию авторов создать сильный пропагандистский эффект. Однако в выделенных курсивом фрагментах речь фактически идет о разрушении традиционной системы отношений церкви и достаточно многочисленной части грузинского общества – элиты, той самой «этики благорастворения», когда «нами (т.е. феодалами. – А.Р.) воспитанные священники» молятся «собственно за нас», а «мы» помогаем им материальными подношениями и тем самым получаем возможность «служить ему (Христу. – А.Р.) телесно».

А.Л. Сафронова

Особенности межобщинной конфликтности в Шри Ланке в начале XXI в.

Сингало-тамилский конфликт, ставший острейшей проблемой Шри Ланки (Цейлона) еще в колониальный период, прошел через несколько этапов в своем развитии после завоевания страной независимости в 1948 г. Противостояние двух

основных общин острова – сингалов, составляющих большинство (74 %), и тамиллов, крупнейшего меньшинства (12,7 %), – началось с борьбы за увеличение политического представительства тамиллов в законодательных органах власти, за придание тамилскому языку статуса государственного наряду с сингальским, за автономию территорий, населенных тамилами (1948-1983 гг.) и постепенно трансформировалось в затяжную гражданскую войну, в ходе которой было сформулировано требование отделения северных и восточных районов острова, с преимущественно тамилским населением, и образования государства Тамил илам на полуострове Джафна (1983 – 2009 гг.). Период открытой вооруженной борьбы, в свою очередь, подразделяется на 1-ую, 2-ую, 3-ью и 4-ую Иламские войны, разделяемые между собой периодами переговорных процессов и «мирных передышек», вновь сменяющихся боевыми действиями. Начало XXI в. принесло ряд существенных изменений в развитие межобщинной конфликтности. Иным стал внутриполитический расклад во властных структурах Шри Ланки, включая соотношение сил между двумя крупнейшими политическими партиями страны – Объединенной национальной партией (ОНП) и ее союзниками, с одной стороны, и Партией свободы Шри Ланки (ПСШЛ), возглавляющей коалиционное объединение Народный альянс, с другой. Произошел раскол внутри политического лагеря, выступавшего под знаменами тамилского сепаратизма. Изменилось отношение к борьбе тамиллов за самоопределение на уровне международного общественного мнения и международных правозащитных организаций после 11 сентября 2001 г.: сложившееся сочувственное представление о нарушении гражданских прав тамилского меньшинства в Шри Ланке сингальским большинством постепенно сменилось признанием тамилского движения террористическим и подлежащим осуждению. Изменения затронули как особенности процесса урегулирования конфликта, так и ведения военных операций. Мирные переговоры 2002 – 2006 гг. проходили при посредничестве нейтральной стороны по отношению к конфликту – Норвегии, а не Индии, как это было ранее. Между тем, и они закончились срывом и возобновлением

кровопролития, сопряженного с массированными атаками подразделений регулярной ланкийской армии на отряды повстанцев и, по версии ланкийских правительственных кругов, практически полным истреблением вооруженных подразделений «Тигров освобождения Тамил илама», крупнейшей военизированной террористической организации, контролировавшей север и восток Шри Ланки и создавшей, по сути, «параллельное» государство на территории Джафны. В начале февраля 2009 г. в средствах массовой информации появились официальные сообщения об окончательном разгроме тамильских повстанческих отрядов и завершении военной операции по подавлению очагов тамильского сепаратизма на севере страны. Победное наступление ланкийской армии было приурочено к празднованию Дня независимости (4 февраля), а также к готовящимся в середине февраля президентским выборам. Тем не менее, вслед за провозглашением окончания гражданской войны последовала атака «тигров» с воздуха на центральные районы столицы – Коломбо, а в разных районах страны прогремели взрывы, организованные тамильскими террористами.

Можно ли говорить о прекращении конфликта и решении вопроса сингало-тамильских общинных отношений или следует вести речь о переходе его в новую фазу, связанную с другими формами и методами борьбы? Сингало-тамильское противостояние в Шри Ланке имеет глубокие корни и представляет собой многослойную проблему, связанную с последовательным решением целой череды вопросов политического, социального, экономического, конфессионального, межкультурного, языкового характера. Одномоментно и исключительно военным путем этот узел проблем разрешить невозможно, тем более, что сингало-тамильский конфликт является многоуровневым и имеет различные измерения: внутригосударственный в масштабах Шри Ланки, межгосударственный (ланкийско-индийский) в масштабах Южной Азии, международный в масштабах распространения тамильских диаспор за пределы южноазиатского региона (в Юго-Восточную Азию и острова Индийского океана, в Европу и США). Тамилы, в отличие от сингалов, составляющих этническое большинство в пределах Шри Ланки,

являются трансграничной этнической общностью, представляющей собой классический образец так называемых «разделенных народов», для которых характерны тяга к преодолению исторически сложившейся разобщенности и созданию (или воссозданию) своей моноэтнической государственности. При рассмотрении сингало-тамильского противостояния в широком контексте, выходящем за пределы Шри Ланки, соотношение сил меняется: количественные характеристики сингальской общины остаются прежними – около 15 млн. чел., в то время как к «тамильскому меньшинству», составляющему в Шри Ланке около 3 млн. чел., прибавляются более 60 млн. тамилы, проживающих в индийском штате Тамилнаду и других регионах мира. «Тамильские тигры» давно перестали представлять собой базирующуюся в джунглях Шри Ланки группу боевиков, превратившись в международную корпорацию, объединяющую ресурсы многочисленной тамильской диаспоры во всем мире и контролирующей различные сферы коммерческой деятельности, включая торговлю оружием. Идеи тамильского национализма крепко связывают представителей этой трансграничной этнической общности, хотя, безусловно, далеко не все ее лидеры, в том числе в Индии, поддерживают методы борьбы «тигров», которые стали рассматриваться организациями, отстаивающими права тамилы (как в Шри Ланке, так и за ее пределами) средствами легитимной политической деятельности, как дискредитирующие идею тамильской общности и идущую вразрез с интересами тамилы.

Г.В.Стрелкова

Тема поисков Бога в современной литературе хинди

Поиски Бога – одна из важнейших тем мировой литературы, она связана и с поисками истины, и с так называемыми «вечными вопросами» – кто мы, откуда пришли и куда идём? Трактовка этой темы изменилась в XX веке, когда литература начала отражать духовные искания человека, ступившего в эпоху «смерти богов» и принявшего этот тезис, провозглашен-

ный Ницше. В современной индийской литературе, на наш взгляд, эта тема разрабатывается в двух основных направлениях. В первом случае Бог уже обретен по рождению человека в той или иной религиозной общине, он воспринимается как данность, и лишь какие-то радикальные изменения в судьбе человека могут привести его к поиску нового бога – и даже переходу в другую конфессию. В индийских условиях в реальности сосуществуют и взаимопроникают, порождая синтез религиозных представлений, обычаев, святынь и т. д., индуизм, ислам, христианство, джайнизм, буддизм и другие вероисповедания. Это делает отраженную в литературе картину поисков Бога необыкновенно разнообразной и насыщенной. Еще со времён средневекового бхакти решался вопрос о том, находится ли бог в храме, или же в душе верующего, достигается ли он путём любви, индивидуального служения и благого деяния, или же ритуала и следования традиции. Современная литература хинди по-прежнему задаётся этим вопросом. Иной характер и другое направление поисков у человека XX и XXI века, одинокого и «отчуждённого», лишившегося Бога. В целом, литература хинди утвердительно отвечает на вопрос «Жив ли Бог?» В докладе оба варианта трактовки темы поисков бога будут рассмотрены на примере произведений писателей старшего поколения: Агъеи, Кришны Собти, Кришны Балдева Вайда и молодого – Гитанджали Шри. Романы Агъеи «Сами себе чужие» (1961) и К.Собти «Эй, девочка!» (1991) представляют отношение и восприятие Бога в индийской литературе второй половины XX в.. В том и другом романе практически одинаковый состав героев: две женщины, старая и молодая, поставленные на пороге жизни и смерти. Это делает проблему обретения или утраты Бога неизбежной. Точка зрения на основные проблемы и темы, обсуждаемые авторами: жизнь и смерть, взаимоотношения между поколениями и родственниками, вечность и мгновенность, быстротечность бытия, тоже близки. Основная проблема двух романов, хотя и не выраженная явно, – существует ли Бог, какую роль играет идея Бога в жизни индивидуума и общества? Оба автора, каждый своим путём, приходят к разным выводам. Очевидно, эта разница может быть объяснена индийским ментали-

тетом (преимущественно индуистским) или же европейски ориентированным мировоззрением. Кришна Собти представляет индийский подход (индуизм как образ жизни): её умирающая героиня не сомневается в существовании Бога и уходит из жизни умиротворённой, так как знает, что её жизнь продолжится жизнью дочери. Агъея испытал сильное влияние марксизма и русской философии, что нашло отражение в его ранних рассказах и первом романе «Шекхар: история одной жизни» (1941-44). Позже он увлёкся французским экзистенциализмом. Последний роман Агъеи демонстрирует европейский подход к проблеме Бога, но в двух вариантах. Верующая старая Сельма уходит из жизни умиротворенной. Противоположность ей – молодая героиня Йоке, которая делает свой экзистенциальный выбор. Хотя Бога она так и не обрела, накануне самоубийства Йоке принимает христианское имя Мария, а открывает душу индузу Джаганатху. Тем не менее, её отнюдь не умиротворённый уход из жизни осенён символическим крестом, обращенным к звёздному небу. Произведения К.Б.Вайда (романы и рассматриваемые в докладе рассказы «Сарнатх» и «О прошлом рождении речь...») демонстрируют отношение к Богу со стороны человека мыслящего, ироничного и сомневающегося во всём, более того, неверующего в Бога. Однако этот человек живёт в мире, пронизанном религиозными традициями и установлениями, и ему приходится, так или иначе, находить в этом мире своё место и сохранять индивидуальность. В романах К.Собти «Сердце и разум» (в нём на первый план выступает противостояние и сосуществование индуизма и ислама в одной семье), и Гитанджали Шри «В тот год, в том городе» и «Мама» Бог – будь то индуистские божества или Аллах – присутствует как неотъемлемая часть мироздания. В этих романах во главу угла ставятся межличностные отношения и отношения, навязываемые человеку обществом, живущим в соответствии с религиозными традициями и обычаями, которые часто ведут к конфронтации. Тем самым общество вынуждает человека выбирать Бога, в которого он верит или должен поверить, – и навязывает соответствующее поведение, т.е. лишает личность права свободного выбора.

Тюркер, Ташансу*

Османская идентичность и национализм

Тема предлагаемого доклада – идеология османизма, сформировавшаяся в Османской империи в XIX в., и проблема соотношения национализма с «имперской структурой».

Становление «открытой» политической системы, участие простых подданных в общественной и политической жизни связано с процессом модернизации. До этого невозможно говорить о личности, построенной на целостной социальной и, соответственно, политической структуре и на сплоченности. Объединение свободных и равноправных индивидуумов на пути к гражданственности стало явным только в XIX в., когда сформировалась идеология национализма. Этот период, идущий параллельно с осознанием «границ и территории», сузил и «централизовал» государство, давшее гражданство подданным и тем самым привязавшее их к себе. Что же заставляло индивидов держаться вместе, быть связанными друг с другом в определенной конфигурации? Все это было обусловлено понятием «нации», построенным таким образом, чтобы обеспечивать добровольный союз граждан, – конструктом, придающем сплоченность социальной структуре при помощи идеологии, смысл которой заключался в национальном государстве, национальном языке, религии или национальной этнической принадлежности.

Схожие процессы наблюдались и в Османской империи, сохранявшей черты традиционной империи, но уже не способной продолжать использовать имеющуюся идеологию. Порта не осталась в стороне от набиравшего силы в мире после Великой французской революции национализма. *Миллеты* («общины», основанные на религии), составлявшие звенья особой социально-политической структуры Османской империи, отказывались подчиняться центральной власти. В результате, османская политическая элита приняла решение о построении «современ-

* Ташансу Тюркер, научный сотрудник кафедры Государственного Управления и Политологии, Факультета Политических Наук Анкарского Университета. (A.U. S.B.F)

ного государства» в границах империи и создала идеологию османизма.

Слово *millet* («нация» в современном турецком языке), обозначающее любое религиозное общество в традиционной османской социальной структуре, было заимствовано из арамейского языка. Его корень – *mille* означает «вера». Каждая нация представлена *milletbaşı*, т. е. лидером определенной группы людей, берущим на себя всю ответственность за свою общину и представляющим интересы своего «народа» перед Османским правительством. *Milletbaşı* ответственен за любые происшествия, нарушающие социально-экономический или государственно-политический порядок внутри общины, отвечает за исполнение всех «повинностей» (налоги, служба в армии и т. п.). Т. о. в традиционной Османской социальной системе столкновения между государством и индивидуумом были исключены. Подобная социальная и политическая организация была характерна для всех классических империй со времен Древнего Рима. Когда на Западе подобные традиционные политии замещались национальным государством, в мире все еще оставались три государства, где господствовала прежняя структура: Габсбургская, Российская и Османская империя. Империя Габсбургов, несмотря на большое политическое влияние, оставалась в тени немецкого национализма, представленного Пруссией, а не сумев защитить своих подданных от немецкого влияния, потеряла свою легитимность и возродилась в системе национализма после Первой Мировой войны. Россия, несмотря на потерю обширных территорий в период расцвета местного национализма после Первой Мировой войны, сумела с приходом к власти большевиков заново построить имперскую социально-политическую структуру и, спасаясь от развала, создать новую и отличную от прочих общественную модель.

В XIX в. на фоне финансово-экономического и социально-политического кризиса Порты потеряла значительную часть своей территории. В это время начала развиваться османская общественно-политическая мысль. «Родная» мысль объединилась с понятием «преданности государству» и стала предпосылкой гражданственности и гражданства в Османской импе-

рии, развивающегося параллельно с системой *миллетов*. Согласно этой идеологии, Родина священна, и все, кто проживают на ней – равноправные субъекты, обязанные быть верными государству. При этом прежние общинные связи сохранялись, т. е. современная политическая система строилась на прежней традиционной основе.

После реформ Танзимата понятие гражданства получило дальнейшее развитие, были введены паспорта, в Меджлисе после Первого конституционного периода, а ранее в районных Меджлисах, была принята на рассмотрение смешанная общественная структура, представлявшая интересы общин и соответствующая понятию *миллет*. Она стала настолько действенной, что в XIX в. евреи, армяне, арабы и греки стали пламенными защитниками идеологии османизма. Даже основоположник греческого национализма *Rigas Velestinins* называл своей целью устранение гнета в Османской империи и хотел присоединиться к восстанию турок. В пользу этого говорит и то, что движения за независимость армян начали формироваться относительно поздно, и то, что во Второй конституционный период армянские партии продолжали бороться за преобразование страны в рамках партии «Единение и прогресс».

Фактор, повлиявший на полное уничтожение османской идентичности, – это политическая борьба. Более «низкая» «национально-общинная» идентичность миллетов разрушила надстроечную общеосманскую идентичность, «преданность государству» больше не ассоциировалась с «преданностью султану», переставшему быть сколь-нибудь значительным фактором наднациональной и надэтнической сплоченности. Ко всему этому добавилась и неспособность Порты в период роста местного национализма осуществить необходимые реформы для решения назревших социальных проблем, что вызвало немало протестов в среде турок и других этнических групп.

Полное отделение христианских элементов, рассеивание исламистской идеологии, а позже и потеря арабского населения заставили Османскую империю положить конец классической османской системе и обратиться к единственной оставшейся идеологии – тюркизму. Т. о., османизм как попытка введения

имперского национализма пришел к концу, а турецкой элите вместе с поражениями на Балканах и в Первой мировой войне остались только понятия границы и родины. Государство стало маленьким и гомогенным по западным стандартам, т. е. обладающим потенциалом для постройки системы национального государства.

Хохлова Л.В.

Исторические причины приоритета религиозных факторов над языковыми в самосознании этнических панджабцев

Панджабцев, разделенных границей двух государств – Индии и Пакистана объединяют многие черты, обычно приписываемые единому этносу: исторически общая территория проживания, общая история, язык, культура (за исключением ее религиозного компонента), однако на уровне самосознания идея религиозной принадлежности доминирует над языковой. В докладе будет сделана попытка проанализировать исторические причины преобладания религиозного компонента в самоидентификации панджабцев.

На языке панджаби существует развитая литературная традиция. Наиболее ранним поэтическим памятником считаются шлоки суфийского поэта Шейха Фарида, включенные в сикхский канон «Ади Грантх». Некоторые исследователи приписывают их Фариду-уд-дину-Гандж-и-Шакару (1173 – 1265), другие – Фариду Сани, жившему в 14-15 вв. В 17 в. возникли наиболее ранние прозаические памятники – «Джанам Сакхи», агиографические истории, описывающие жизнь основателя сикхизма гуру Нанак (1469 – 1539). В то время как «Джанам Сакхи» распространялись в основном внутри сикхской общины, стихи Бабы Фарида и других суфийских поэтов, фольклорные произведения – народные песни и т. д. и особенно «кисса» – истории о трагической любви, авторами которых были известные поэты-суфии Ахмад Яр (род.в 1768), Кадир Яр (род.в 1805), Варис Шах (1735 – 1784) и др., составляют общее наследие всех панджабцев.

Сейчас невозможно определить, какие из факторов: этнический или религиозный – был приоритетным в самосознании панджабцев эпохи феодализма, при том, что до установления британского правления в Индии эта оппозиция, по-видимому, не имела для жителей Панджаба большого практического значения.

Европейское образование¹ принесло в Панджаб новые секуляристские идеи демократии, прав личности, создало новый средний класс, относительно свободную прессу, формировавшую общественное мнение. Сходное развитие в Европе привело к развитию национального самосознания, однако в Индии – и в частности в Панджабе – напротив, усилилась религиозно-общинная ориентация населения. Причинами такого развития была, во-первых, политика британского правительства, поддерживавшего в разные периоды своего правления разные религиозные сообщества: после сипайского восстания 1857 – сикхов и хинду против мусульман, начиная с 20-х годов 20 в. – мусульман против хинду и сикхов, стоявших во главе национально-освободительного движения. После реформы Минто-Морли 1909 г., расширившей представительство индийцев в органах управления государством, каждая из общин усилила борьбу за представительство в центральных и местных органах власти.

Второй причиной коммуналистской ориентации была протестная реакция населения на активную и весьма успешную деятельность христианских миссионеров. Третьей причиной могут быть названы агрессивные антимусульманские кампании, организованные индуистской организацией Арья Самадж. В противовес им в Панджабе возникла организация в поддержку ислама («Анджуман-и-химайат-и-ислам» в 1885 г.) и сикхская реформистская организация, ставившая целью защиту «чистоты» сикхского вероучения («Сингх сабха», основанная в 1873). Начиная с 20-х годов 20 в. сикхские интеллектуалы и политики стали использовать термин *нация* (каум) в отношении сикхов как общности отдельной от хинду.

¹ В 1849 г. Панджаб перестал существовать как самостоятельное государство, в 1857 перешел под управление Британской короны

Государство Пакистан было создано в 1947 г. под лозунгом «один язык» (урду), «одна нация» (исламская), «одно государство» (Пакистан). Рост национального самосознания в Бенгалии, приведший к образованию самостоятельного государства Бангладеш, а также в других провинциях Пакистана, меньше всего затронул панджабцев, занимавших многие контрольные позиции в политике, бизнесе, литературе и искусстве. Таким образом возникла ситуация, парадоксальная с точки зрения типологического развития этносов: панджабцы, которые вместе с носителями западных панджабских диалектов составляют больше половины населения государства, говорят на языке, не выполняющем почти никаких общественных функций, за исключением немногочисленных радио – и телепередач и ряда художественных произведений, не находящих своего читателя, поскольку язык панджаби не преподается в школе.

В Индии после упорной борьбы, проходившей при доминации коммуналистских идей, в 1967 г. был создан штат Панджаб с официальным языком панджаби, использующим шрифт гурмукхи. В секуляристской Индии границы штатов формально выстраиваются на языковой основе, однако при демаркации штатов Панджаб и Хариана предпочтение реально отдавалось религиозно-общинному принципу: районы, где большинство составляли сикхи, были отделены от районов с преобладанием индусского населения.

Одним из «разделяющих» три общины религиозных символов выступают также алфавиты: арабский у мусульман, деванагари у хинду, гурмукхи у сикхов.

Таким образом, во всех трех общинах для большинства говорящих на панджаби религиозное самосознание преобладает над этнической и языковой самоидентификацией.

В.И. Шлыков

Кемалистское государство и ислам

1. Действия кемалистского режима на протяжении всего существования Турецкой Республики направлены на вытеснение

исламского фактора из сферы общественной и политической жизни, принижении его значения.

2. Воспользовавшись им в ходе национально-освободительной борьбы, которая велась под откровенно исламскими лозунгами и активно эксплуатировала религиозные чувства, кемалисты, начиная с ликвидации султаната 1 ноября 1922 г. повели наступление на ислам.

3. С провозглашением Республики 29 октября 1923 г. этот натиск усилился, выразившись в упразднении института халифа, а затем в целой серии т.н. кемалистских реформ, завершившихся в 1928 г. изъятием из Конституции статьи об исламе как государственной религии, а затем включении в неё принципа лаицизма.

4. Создание особой модели взаимоотношений религии и государства. С целью подчинить религию политическому истеблишменту, как это было сделано в Советской России, новая кемалистская Республика создала свою собственную версию ислама, учредив Главное управление по делам религии. Главная задача ведомства заключается в контроле и приручении ислама в соответствии с потребностями государства. Например, статья 136 Конституции гласит, что «Главное управление будет выполнять свои функции и обязанности в соответствии с принципом лаицизма». Государство контролирует все восемьдесят тысяч мечетей Турции и нанимает имамов в качестве государственных служащих. Показательно, что Управление признаёт в качестве законной только суннитскую интерпретацию ислама, но не алевитскую.

5. Турецкий модернизационный проект характеризовался в большей степени озабоченностью за свою «западную видимость», чем реальными социальными и философскими корнями современности. Кемализм, являющийся формой авторитарного вестернизма, стал идеологией, создавшей не только т.н. «белых» турок, но также контролируемую и регулируемую государством публичную сферу и вследствие этого является источником современного кризиса.

6. В сердцевине современного кризиса в Турции лежат три социально-политических аспекта кемализма: во-первых, его ав-

торитарная идеология модернизации препятствует ведению открытой дискуссии, способной привести к новому и всеобъемлющему общественному договору, признающему существование культурного многообразия в Турции; во-вторых, он нетерпим к артикулированию в публичной сфере разных идентичностей и образов жизни, поскольку они «подрывают» кемалистское видение идеального общества; в-третьих, он трактует политику как процесс формирования направления политического развития и построения нового общества. Таким образом, кемализм не рассматривает социальные, культурные и политические различия в качестве интегральных элементов демократии, а скорее трактует подобные различия как источники нестабильности и угрозы национальному единству, в то время как члены существующих этнических (курдских) и религиозных (суннитских исламских и алевитских) движений стремятся позиционировать себя именно как мусульман, курдов и алевитов. Эти идентичности и социальные движения, ищущие справедливости, находятся в прямом конфликте с кемалистским проектом.

6. Современный социально-политический ландшафт Турции расположен между двумя полюсами: западной культуры, как понимает её кемалистская элита, определяющая будущее Турции, и османской/исламской культуры со своими собственными латентными практиками и ролями. В значительной степени эти два конкурирующих и конфликтующих источника культуры, образов, институтов и практик селективно используются для того, чтобы слепить вместе современную идентичность Турции, являющуюся гибридом и продолжающую эволюционировать. Поэтому на сегодняшний день идентичность Турции является ни османской/исламской, ни европейской, но включает в себя элементы обеих.

6. Важным аспектом исламистской массовой политической активности в Турции является её ключевое влияние на формирование личностных, коллективных и социальных ценностей. Для негосударственных элит исламское движение является одновременно источником силы и инструментом социального контроля над государством и обществом. 7. Исламский сектор

в Турции образует архипелаг автономных и всё же взаимосвязанных организаций, добывающих пространства для маргинальных групп в обществе. Например, религиозные сети накшибандий, сулейманджи и нурджу представляют различные идентичности со своими собственными уникальными характеристиками, но которые формулируются в понятиях народного ислама. В рамках исламистских движений имеет место наличие напряжённости между выражением солидарности и явлением фрагментации. Основным фактор, объединяющий различные группы исламистов заключается в их коллективном сопротивлении кемалистской гегемонии «белых турок», управлявших страной на протяжении всей истории республиканской Турции. Фрагментация исламистского движения является результатом демократизации общества, расширения сферы влияния рыночных сил, появления альтернативных мировоззрений и растущего уровня образования. Религиозный плюрализм превращается в основную тенденцию эволюции турецкого ислама.

8. На религиозно-политическом ландшафте Турции, который укоренён в структуре суфийского тариката накшибенди и формируется изменяющейся политикой государства и экономическими возможностями, доминируют несколько групп. Эти группы можно разделить следующим образом: государственный ислам; социо-культурный ислам, который является или суфийским или же смягчён суфизмом, особенно суфийские тарикаты накшибенди и политический ислам в лице Партии благоденствия (Fazilet Partisi) в 90-х гг., а ныне Партии благополучия (Saadet Partisi) и Правящей партии справедливости и развития (Adalet ve Kalkınma Partisi).

Шлыков П.В.

Институт вакфа в Турции: от «национализации» к «возрождению»

Политическая история Турции последних десятилетий демонстрирует устойчивую тенденцию усиления позиций ислама в общественной жизни страны. В «самом вестернизированном»

мусульманском государстве, как нередко именуют Турцию, вместо постепенного снижения роли религии, отхода ее на второй план по мере модернизации и становления гражданского общества, ислам оказывал и продолжает оказывать сильное влияние на межличностные и политические отношения. Вместе с ростом значения исламского фактора в политической и социальной жизни страны (с конца 1940-х гг.) начался процесс реанимирования институциональных основ ислама. Одной из таких основ по праву можно считать систему благотворительных фондов, традиционно именуемых вакфами.

Законодательные перипетии, происходившие с вакфами в первые десятилетия республиканской истории, полностью вписывались в концепцию Мустафы Кемаля по выстраиванию взаимоотношений между государством и религией. Задача, которую ставила перед собой новая власть, заключалась не столько в отделении религии от государства, сколько в подчинении первой государственной машине. Вытесняя ислам не только из политики и экономики, но и из сферы культуры и образования, государство устанавливало тотальный контроль над духовной жизнью, стремясь разрушить религиозный базис общественной культуры, а вместо традиционных исламских ценностей внедряя новые, «научно обоснованные». С этого времени началась постепенная «национализация» вакфов, коснувшаяся, в первую очередь, религиозно-культурных и просветительских учреждений (школы, медресе, библиотеки, текке, завие, тюрбе, затем мечети, месджиды). Непроизводительный («покорный и фаталистический», согласно официальной терминологии тех лет) характер этих институтов, дававших кров и кормивших толпу религиозных служителей или сочувствующих (проповедников, шейхов, дервишей, мулл и т. д.), казался кемалистам несовместимым с современным государством. Не решившись полностью упразднить институт вакфа, кемалисты попытались его «секуляризировать», чтобы «поставить в распоряжение турецкого национализма». Следуя этой установке, многие общественно-политические деятели в то время стали основывать «светские» вакфы (*lâik vakıflar*), связь которых с религией всячески отрицалась.

Вторая половина XX в. стала переломной эпохой в истории вакфов, не только выстоявших в противостоянии с властью, но и нашедших новые формы для своего существования и развития. Реставрации вакфов в Турции способствовал целый ряд факторов. Среди них – переход к многопартийности в 1950 г. и ослабление «кемалистского режима», усиление либеральных тенденций и становление нового национального капитала, турецко-американское сближение и знакомство с деятельностью европейских и американских благотворительных фондов, желание удовлетворить исламистские круги и необходимость привлечения в экономику страны частных инвестиций. Смена общественно-политического климата позволила деятелям «новой элиты» выступить с инициативой принятия нового закона о вакфах 1967 г. и масштабного реформирования вакуфной системы.

Существенная поддержка со стороны правительств, пришедших к власти после военного переворота 12 сент. 1980 г., установка на возрождение традиционных для Турции систем ценностей, как препятствия распространению левых идей, позволила вакфам вновь стать фактором мобилизации и социализации, экономическим инструментом, используемым представителями разных социальных групп. Вакфы приняли на себя функции многочисленных ассоциаций, существовавших до 1980 г., в таких областях, как образование, здравоохранение, защита окружающей среды, прав женщин и детей, распространение и сохранение турецкой культуры. Наряду с этим вакфы выполняют роль социальных, страховых и пенсионных фондов, обеспечивают материальную базу исследовательских центров и спортивных клубов, наконец, осуществляют финансирование всего спектра религиозной исламской деятельности в Турции.

Важно иметь в виду, что современный турецкий вакф или «новые вакфы», следуя терминологии Гражданского кодекса – это не к «возврат к прошлому», а оживление традиций в современной форме, демонстрация возможности адаптации мусульманского общества (в данном случае турецкого) к современным социальным, экономическим и политическим реалиям.

Другой важной характеристикой этого института, является то, что он функционирует, исходя из социально-политического консенсуса, обретая свое право на существование благодаря поддержке, с одной стороны, властных кругов, а с другой – финансово-промышленных и религиозных групп.

Законодательная база новых вакфов основывается, с одной стороны, на нормах мусульманского права, исламской традиции и многовековой практики османов, а с другой – на опыте западных гражданских кодексов. Таким образом, их нынешний юридический статус является синтезом режима благотворительных фондов американского типа, французских ассоциаций и традиционного мусульманского вакфа. Зачастую вакфам предоставляется освобождение от налогов, и они всегда пользуются ощутимой финансовой и организационной независимостью. Одновременно консервативно-религиозный и социально и экономически детерминированный характер вакфов обеспечивает им твердую правовую и организационную базу, делает их в глазах большинства одной из институциональных основ общества.

Впечатляющее развитие сектора вакфов с 1980 г. совпало с началом господства либеральной идеологии, исходя из принципов которой, частной инициативе предоставлялась значительная свобода действий, чтобы она взяла на себя часть функций государства и заняла более важное место в обществе. Вакфы, создававшиеся начиная с 1970 г., нашли существенную экономическую поддержку турецкой буржуазии, а затем и финансовых компаний из Саудовской Аравии и Кувейта, обособившихся в Турции с 1983 г., стали активно использоваться различными исламистскими течениями в качестве юридической, экономической, социальной и политической базы и основы для «всеобщей» реисламизации. Важным противоречием современных вакфов является то, что фонды, созданные исламистами, далеки от создания сферы индивидуальной свободы. Они замыкают индивидуума в кругу общины, ставят его под защиту идеологической группы, к которой он принадлежит, используют непрочность его экономического положения в интересах системы клиентелизма.

м.н.с. М.М.Якушев

Османский протокол в восприятии российских дипломатов и паломников

Османский протокол и его модернизацию следует рассматривать в контексте внутривластных преобразований в различных сферах государственной власти. Необходимость реформ была вызвана сокрушительным поражением Порты в русско-турецкой войне 1768–1774 гг., утратой Крыма в 1783 г. и поражением османских войск при Фокшанах в 1790 г.

Усилия османских реформаторов были сосредоточены главным образом на реорганизации османской армии, финансовой системы и модернизации внешнеполитической деятельности. Первая фаза реформ, получивших название «низам джедид» (новое устройство), пришлась на правление султана Селима III (1789–1807 гг.). Второй этап «нового устройства» был связан с реформами Махмуда II (1808–1839 гг.), а третий – с именем его сына султана Абдул Меджида (1839–1861 гг.).

Османский протокол, основанный на староосманских традициях, присущих некогда могущественному государству Османов, стал также претерпевать некоторые изменения. Особенно это было заметно на примерах приёмов иностранных дипломатов. Военное превосходство европейских держав позволяло послам нарушать церемонии их приёма у великого визиря (*садр-паши*) и султана (*падишаха*).

Османский протокол включал в себя религиозные и светские церемонии. Религиозные церемонии можно условно разделить на торжественные мероприятия по случаю мусульманских государственных праздников: праздник жертвоприношения (араб. *ид аль-фитр*), праздник разговения (араб. *ид аль-адха*) и день рождения пророка (араб. *маулид ар-расул* или *аль-маулид ан-набавий*) и на султанские дворцовые мероприятия по случаю принесения клятвы султаном (араб. *марасим аль-бай'а*), восшествия на трон (араб. *джулус курсий аля-ль-арш*/осм. *джулус-и хумаюн*) и опоясывания мечом (араб. *марасим тамантук ас-сейф*/осм. *та'лик ве таклид-и сейф-и мубарек-*

де) – ритуала, который соответствовал обряду коронации у европейских монархов.

Важным религиозным событием для мусульманского населения Стамбула оставалась еженедельная церемония выезда султана из дворца Топкапы на пятничную молитву в мечеть, получившая название «пятничного приветствия» (араб. *тахий-ат аль-джум'а*). Её свидетелями становились не только османские подданные (*райа*), но также иностранные дипломаты и христианские паломники.

К светским церемониям можно отнести официальные аудиенции послов и посланников у султана, великого визиря и других османских сановников. Церемонии приёма посланников у великого визиря и султана имели место в нескольких случаях. Самым распространённым поводом было вручение посланнику верительных грамот (*наме*), когда он впервые пребывал в Константинополь, или вручение отзывных грамот (*авдет-наме*), когда посланник покидал османскую столицу. Ещё одним важным поводом аудиенции эмиссаров у садразама и падишаха было получение писем, адресованных их монархам или правительствам. Это могло быть султанское письмо (*наме-и хумаюн* или *джеваб-наме*) или визириальное письмо (*наме-и асафи* или *мектуб-и асафи*), либо письма от них обоим накануне отъезда посланника из Стамбула.

Вышеупомянутые правительства затем направляли поздравительное письмо (*тебрик-наме*) новому падишаху по случаю его восшествия на престол и это являлось очередным поводом для посланников быть принятыми в султанском дворце. Эмиссары, прибывающие после заключения договора для обмена подписанными копиями документов (*мубадале-и тасдик-наме*), а также в случае передачи формальной декларации преемственности (*ихбар-наме*) или дружественного послания (*садакат-наме*) также имели право на аудиенцию у великого визиря или султана.

Во всех этих случаях, в XVIII в. приём принимал одну из трёх форм. Посланник принимался падишахом во дворце Топкапы или садразамом в Высокой Порте официально (*ресмен*) или неформально (*би-ля-ресм*).

В условиях отсутствия отдельной дипломатической службы при османском правительстве официальный османский протокол не имел специального дипломатического подразделения. Протокольными вопросами заниматься несколько османских чиновников: обер-гофмейстер (*чавуш-баши*), обер-церемониймейстер (*теширифати*), помощник обер-церемониймейстера (*халифе-и теширифати*) и главный драгомана Порты (*диван теркумани*). До греческой революции 1821 г. должность главного драгомана занимали исключительно греки, затем на эту должность стали назначаться мусульмане-османлы.

С начала 90-х гг. XVIII в. Селим III учреждает институт постоянных посольств за рубежом, с начала в Лондоне (1793 г.), Париже (1797 г.) и других европейских столицах. Донесения его послов содержали много информации, в том числе о существовавших при европейских дворах церемониях и протокольных мероприятиях. Теперь османский протокол стал учитывать базовый принцип европейской дипломатии – принцип взаимности в контактах с иностранными дипломатами.

До первой трети XIX в. традиционный ритуал одаривания халатами (араб. *марасим ильбас аль-хиль'ат*) являлся важным аспектом османского протокола. Однако с 30-х гг. XIX в. в османском церемониале произошли существенные изменения, вызванные его «европеизацией». Иностранным посланникам, послам и их свите стали дарить портреты с изображением османских султанов, ювелирные изделия, а также награждать их специальными государственными орденами и знаками отличия в соответствии с европейской практикой.

Огромное значение для османского протокола и церемониала, основанных исключительно на прецедентах, имели протокольные и церемониальные журналы, или регистры (*теширифат дефтерлери* и *русум дефтерлери*).

В XVIII в. некоторые русские паломники, посещавшие Стамбул (Василий Григорович-Барский, Леонтий и Мелетий и др.), описывали в своих дневниках, в том числе и дворцовые церемонии.

Самые подробные описания аудиенций у великого визиря в Высокой Порте и у султана во дворце Топкапы представлены в

реляциях русских дипломатов второй половины XIX в.: посла Н.В. Репнина (1775 г.) и посланников А.С. Стахиева (1775–1781 гг.), Я.И. Булгакова (1781–1787 гг.), М.И. Голенищева-Кутузова (1792–1794 гг.).

В первой половине XIX в. некоторые российские писатели и дипломаты (А.Н. Муравьев, К.М. Базили и др.) в своих трудах описывали османский протокол. Имеющиеся описания дают нам возможность составить представление об этапах его развития.

Литературоведение

Е.О. Акимушкина

Особенности «тематической композиции» «охотничьих» касыд Фаррухи Систани (XI в.)

Настоящее сообщение посвящено проблеме анализа «тематической композиции»¹ так называемых «охотничьих» касыд Фаррухи Систани (ум. 1037/1038), принадлежавшего к газневидской школе придворной поэзии. Такого рода касыды содержат в своем составе в качестве одной из тематических составляющих мотивы *тардиййат* (в пер. с персидск. «стихи об охоте», «охотничьи стихи»). Жанр *тардиййат*, заимствованный из арабской поэзии², относится к второстепенным (периферийным) жанрам средневековой персоязычной поэзии, и мы рассматриваем «охотничьи» касыды Фаррухи в рамках исследования второстепенных (периферийных) жанров персоязычной поэзии, наряду с такими жанрами, как *хабсиййат*, *шахрашуб*, *гарибиййат*³ и др.

¹ Термин В.М. Жирмунского.

² Возможно, «охотничья» тематика присутствовала в персидской поэзии доисламского периода. По крайней мере, охота считалась одной из традиционных царских забав Древнего Ирана, о чем свидетельствует, например, анонимное произведение раннесредневековой персидской литературы о Хосрове Парвизе и его паже.

³ См.: Е.О. Акимушкина. Жанр хабсиййат в персоязычной поэзии XI – XIV веков: генезис и эволюция. М., 2006; Она же: Жанр шахрашуб в поэзии Масуда Сада Салмана (1046 – 1121): проблемы тематики и композиции. Тезисы научной конференции «Ломоносовские чтения 2008». М., 2008.

Специальных исследований мотивов *тардиййат* в персоязычной поэзии в иранистике не проводилось. Об этих мотивах упоминает Е.Э. Бертельс при рассмотрении творчества Фаррухи Систани в фундаментальном труде, посвященном истории персидской литературы⁴. К анализу композиции одной из «охотничьих» касыд обращается и М.Л. Рейснер в своем исследовании генезиса и эволюции персидской лироэпической поэзии⁵.

Материалом для настоящего доклада послужили шесть касыд Фаррухи (№№17, 37, 47, 53, 104, 172)⁶, поскольку во-первых, они являются примерами наиболее подробного использования мотивов *тардиййат* в персоязычной поэзии классического периода, известными на данный момент (они представляют собой своеобразный «каталог» мотивов «охотничьей» поэзии), во-вторых, эти произведения представляются нам вполне обозримыми в рамках доклада (их общий объем составляет 207 бейтов). Во всех шести касыдах отсутствует вступительная часть, они состоят из целевой части и открываются панегириком в адрес восхваляемого. Однако помимо панегирических мотивов – мотивов восхваления повелителя и мотивов «служения» и «договора» (мотивов, описывающих взаимоотношения восхваляющего и восхваляемого)⁷ в состав данных касыд входят блоки мотивов *тардиййат* (описание охоты восхваляемого), винные (*хамриййат*) и/или календарные мотивы (описание иранских сезонных праздников – Ноуруза и Михргана), а также мотивы философско-аскетической лирики (*зухдиййат*).

Следует отметить, что во всех вышеупомянутых касыдах панегирические мотивы включают в себя описание сражения, или рассказ об итогах победоносной военной кампании, прове-

⁴ Е.Э. Бертельс. История персидско-таджикской литературы. М., 1960. С. См. также учебное пособие, посвященное рассмотрению ряда основных произведений Фаррухи, в том числе и фрагмента одной из его «охотничьих» касыд. – Ф. И. Абдуллаева. Жизнь поэта при дворе: Фаррухи Систанский (XI в.) и его «Ода о тавре»). СПб., 2000. С. 24 – 25.

⁵ М.Л. Рейснер. Персидская лироэпическая поэзия X – начала XIII века. Генезис и эволюция классической касыды. М., 2006. С. 200 – 204.

⁶ Фаррухи Систани. Диван. Тегеран, 1957.

⁷ Термин М.Л. Рейснера.

денной восхваляемым, или хотя бы упоминание об участии восхваляемого в военных действиях. На основании анализа и сопоставления «охотничьих» мотивов и панегирических мотивов, описывающих сражения, в которых участвует восхваляемый, можно сделать вывод о том, что во всех шести произведениях в более или менее явной форме проводится параллель между охотой восхваляемого и военным сражением под его командованием (шире – войной): при их описании используется одна и та же образность, сравнения, метафоры и т.п. Точнее, охота восхваляемого описывается Фаррухи по модели военного сражения, при этом роль врага выполняют дикие звери. Охота трактуется Фаррухи как своеобразная «проекция войны», ее «репетиция». Образ восхваляемого Фаррухи выстраивает, взяв за образец Бахрама Гура (V в.), легендарного царя Древнего Ирана из династии Сасанидов, героя мифов и эпоса, прославившегося как выдающийся воин и охотник. В образе восхваляемого в «охотничьих» касыдах Фаррухи прослеживаются черты культурного героя: он выступает как восстановитель гармонии (путем ведения справедливой войны), защитник и кормилец подданных, усмиритель диких зверей (борец с хаосом).

В докладе также рассматриваются варианты взаимного расположения «охотничьих» мотивов и панегирических мотивов, описывающих боевые действия восхваляемого, в структуре касыды. В заключение отметим, что в творчестве Фаррухи нами не обнаружено касыд, в которых описание сражения и охоты давалось бы с равной степенью подробности. Такая закономерность в подаче мотивов отражает существовавшее во времена Фаррухи разделение сферы государственных дел (в данном случае ведение войны) и развлечений правителя (охота, игра в конское поло, пиры, ристалище).

Акинина О.Г.

Арабские рукописи на Северном Кавказе

1. В арабском влиянии на Кавказе можно проследить два этапа. Первый, связанный с ранними завоеваниями, не глубоко

затрагивал местное население Закавказья. Второй этап, начавшийся в XVI в., характеризовался созданием местной оригинальной литературы на арабском языке в Дагестане, Чечне, Ингушетии, отчасти Кабарде и Черкесии.

2. Начиная с позднего средневековья, на Северном Кавказе наблюдается необычное в языковом и литературном отношении явление. В живом употреблении, в быту существует большое количество местных разнообразных языков, не имеющих письменности и не получающих литературной обработки. Основным и часто единственным общепринятым письменным языком оказывается арабский в его литературной «классической» форме. На нем производится вся административно-деловая переписка, он поддерживается школьной традицией, на нем создается местная письменность как в прозаической, так и в стихотворной форме.

3. Арабская письменность Кавказа характеризуется специфическими особенностями, отличавшими ее от письменности арабских стран и других областей распространения данного языка. В ней была выработана особая система подстрочных и надстрочных значков, которые облегчали понимание синтаксических конструкций, и простых, и более сложных. Долгое время расшифровка этих значков была невозможна. Лишь перед Великой Отечественной войной исследователь А.М. Барабанов с успехом расшифровал всю упомянутую систему¹, считающуюся одной из специфических особенностей кавказско-арабского письма.

4. В составе местной литературы, возникшей на арабском языке на Северном Кавказе, академик И. Ю. Крачковский выделял два основных слоя². Первый – это типичная схоластическая литература средних веков, в центре которой лежат канонические науки (особенно экзегез и право); а также поэзия. Второй слой – это оригинальная литература, выросшая на местной почве и отражающая местные исторические события. К

¹ А.М.Барабанов «Пояснительные значки в арабских рукописях и документах Северного Кавказа». СВ, III, 1945.

² И.Ю.Крачковский «Арабская литература на Северном Кавказе» (Избранные сочинения, т.VI, М.-Л., 1960, сс. 615 – 616).

этому слою относятся также письма и документы официального и частного характера, то есть источники, которые редко представлены в других областях. Они убедительно свидетельствуют о высоком развитии эпистолярного стиля на Кавказе. Число таких документов особенно растет в эпоху Шамиля (1798 – 1871). Этот период считается временем особого расцвета арабской литературы на Северном Кавказе, когда она культивировалась уже местными силами, а арабская письменность развивала самостоятельные черты.

5. После Октябрьской революции 1917 г. языковая ситуация на Северном Кавказе коренным образом изменилась. Там, как и в других регионах страны, развернулось активное языковое строительство: были созданы письменности, разработаны алфавиты, усовершенствованы орфографии, упорядочены нормы национальных литературных языков, начали создаваться их нормативные грамматики и словари. Нужда в арабском языке как своеобразном средстве межплеменного общения отпала, и его культурно-историческая роль в этом смысле оказалась сыгранной. Однако местная арабская литература на Кавказе не утратила своего основного значения – не только исторического источника и литературоведческого материала, но и живого человеческого документа, настоятельно требующего к себе внимания современности.

6. В связи с этим изучение арабских рукописей на Северном Кавказе рассматривалось в качестве одной из важнейших задач отечественных ученых. Начиная с XVIII в. письменные памятники, найденные на Кавказе, привлекали внимание российской академической науки (Френ Х.Д., Клапорт Ю., Ханьков Н.В., Казем-Бек А.К., Дорн Б.А., Генко А.Н., Крачковский И.Ю., Петрушевский И.П. и др.), но изучались они преимущественно экспедиционными методами.

В 1916 г. в Азиатский музей РАН в большом количестве начали поступать мусульманские рукописи, спасенные на Кавказском фронте. Их общее число к марту 1917 г. дошло до 1289. Среди них арабские рукописи составляли приблизительно 1050 экземпляров. Их систематизацией было предложено заниматься И.Ю.Крачковскому.

7. В советский период стали заметны первые попытки создания местных центров научных исследований, включая гуманитарные. Например, в 1924 г. при участии академика Н.Я. Марра в Дагестане был основан научно-исследовательский центр Национальных культур. Вскоре был начат сбор рукописей, привлечение кадров арабистов традиционной школы. В Махачкале на базе Академии наук СССР начал создаваться особый архив восточных рукописей, ставящих одной из своих задач сохранение, опубликование и исследование рукописных памятников. Эти задачи остаются актуальными и в настоящее время.

С.В.Никольская

Современная китайская городская проза

Процесс урбанизации, происходящий во всем мире, оказывает влияние на развитие различных областей культуры и, в свою очередь, отражается в художественном творчестве. В повествовательную прозу современного Китая все чаще проникают «городские мотивы». Объектом пристального внимания писателей становится жизнь и мегаполиса, и маленького городка, которая идет по одним и тем же законам и правилам, а людей волнуют одни и те же проблемы и заботы. Именно такая общность ситуаций и узнаваемость персонажей является главной особенностью городской прозы.

Признанный мастер современной городской прозы Лу Вэньфу создал поэтический портрет одного из красивейших южных городов Китая Сучжоу, а так же собирательный образ небольшого городка, в переулках которого протекает жизнь обычных людей. Для разговора о серьезных проблемах Лу Вэньфу находит несколько иронический тип повествования и всем знакомый простой язык.

Городская проза талантливой писательницы Те Нин отличается стилевым разнообразием. Иногда автор занимает позицию стороннего наблюдателя. Не вмешиваясь в происходящее, он внимательно следит за своими героями, у каждого из которых

собственная судьба и история, из которых потом складывается общее мозаичное полотно жизни города.

В некоторых рассказах Те Нин особая атмосфера создается благодаря доверительно-интимной манере повествования. Рассказчик (обычно это молодая женщина) подробно излагает молчаливому собеседнику историю жизни своих родных и знакомых, перемежая рассказ личными воспоминаниями о пекинских улочках. В таких лирических отступлениях голоса автора и повествователя сливаются в одно целое, придавая рассказу особый колорит.

Сюжеты городских рассказов известного писателя Су Туна и молодой писательницы Сюй Кунь отличаются простотой построения, отсутствием внешнего конфликта, но усиленной детализацией описаний. Авторы-повествователи буквально по пятам следуют за своими героями, фиксируя их каждое действие. Таким образом удается не просто нарисовать картину жизни мегаполиса или маленького городка, а создать целый портрет эпохи.

Особое место в городской прозе занимают короткий рассказ (сяо сяошо) и эссе. В таких произведениях внимание авторов сконцентрировано на какой-то одной проблеме, в которой, как в капле воды, отражается вся жизнь большого города.

Современная китайская городская проза отличается отсутствием острых идеологических столкновений и эпических описаний. Персонажи произведений узнаваемы, как узнаваемы и обыденные житейские обстоятельства, в которых происходит действие. Психологические наблюдения просты, кратки и понятны как сами сюжеты рассказов и повестей. Для разговора о серьезных проблемах выбран всем знакомый, достаточно простой язык. Практически для всей городской прозы характерна открытость финалов и отсутствие назидательности, а привлекательность ее состоит главным образом в том, что она отражает повседневность, а следовательно саму жизнь.

Литература

1. Лу Вэньфу. Сяосян жэньу чжи (Люди из маленьких переулков). Пекин, 1984.

2. Лу Вэньфу цзи (Избранное Лу Вэньфу). Фучжоу, 1986.
3. Синь шицзи чжунго сяошо пайханбан (Современная китайская проза. Избранное). Тяньцзинь, 2007.
4. Су Тун дуаньпянь сяошо бяньнянь (Рассказы Су Туна за несколько лет). Пекин, 2008.
5. Ши Кан. Бэйцзин гунянь (Пекинские девушки). Пекин, 2004.
6. Ши нянь сяо сяошо цзинсюань (Избранные короткие рассказы за десять лет). Лицзян, 2007.

Померанцева Л.Е.

Каталожный стиль в китайской литературе III в. до н.э. – III в. н.э. (культурологический аспект)

**«Пять родов, разные виды прыснули во вне, формы, рожденные подобием, размножились»
(«Хуайнаньцзы». Гл. «Земные формы»)**

Начиная с III в. до н.э. в Китае наблюдаются признаки наступления принципиально нового культурного периода. Это связано с историческими, экономическими и политическими факторами. Эпоха царств сменяется эпохой империй. Происходит много перемен. Они с трудом усваиваются сознанием, зачастую ассоциируются с полным крушением идеалов. В литературе первым ярким знаком наступившего кризиса явилось творчество южного поэта Цюй Юаня, прежде всего, его поэмы «Лисао» и «Вопросы Небу» (天問). Последняя имитирует древнюю форму «трудных» вопросов. Это первый каталог в поэзии. Сто семьдесят вопросов обращены к самым основам прежней веры, к самому Преданию – под сомнение поставлены его правда и справедливость. Трагически переживаемый слом веры заставлял искать выхода. У одних он вел к переосмыслению старого, не задевая основ, у других – к поискам новых горизонтов. Начинается процесс записи текстов, составляющих общее Предание – будущее «Пятикнижие», а также основной корпус классических текстов. Это тоже каталогизация. С другой стороны, приобретает все более заметное влияние культура юга.

Это знаменательно: до сих пор она числилась в ряду варварских. Ее идеология построена на шаманизме, у нее другие, чем в северной традиции, ценностные ориентации. Не культ обоженных предков, а культ богов природы – стран света, гор, вод и их хозяев. Эта религия с ее экстатическими обрядами, связанными с культом плодородия, пришлась как нельзя кстати. Взгляд и душа современников обратились к миру природы в ее реальном, фантастическом и частично мистическом виде. Свою лепту внесли философы. Цзоу Янь (304–240 гг. до н.э.), заявил, что мир необозрим, и исследование его надо начинать с малых вещей, «следуя аналогии». Приобретает популярность «Ицзин» («Метаморфозы», пер. В.М.Алексеева), в частности, благодаря акценту на диалектику большого и малого. Включение малого и низкого в сферу Целого вызвало желание описать это Целое во всем объеме и как можно подробнее, что в древнем понимании означает исчислить по частям. В некоторых парадигмах малое и «низкое» выступает даже предком большого и высокого.

Появляется «Книга гор и морей» (山海經 «Каталог гор и морей», в пер. Э.М.Яншиной). В нем в перечневом стиле описывается земное, обжитое пространство. Оно описывается в формах мифа с добавлением реальных и фантастических сведений о землях, населяющих их народах, травах и деревьях, птицах и зверях, о чудесных свойствах вещей. Его пространственная модель иная, чем представлена была в Предании, – не царства, а стороны света «внутри морей» и «за морями», «внутри пустынь» и «за пустынями». Если мир Предания замкнут, то этот мир простерт за границы суши и моря. Это было принципиально – пространство разомкнулось. Удивление и жажда утоления этого чувства будут питать многочисленные подражания «Шань хай цзину», а открытый им мир чудес возбуждать фантазию поэтов – и в древности и в средние века,

Расширившийся мир становится предметом описания по множеству параметров, которыми обозначаются парадигмы. Тексты философские, исторические, географические, астрономические, по истории музыки, и др., не считая обрядовых, включают в себя длинные перечневые записи, преследующие

как главную цель – исчерпание множества и разнообразия форм жизни. Не случайно именно в этот период появляются знаменитые древние словари (爾雅, 釋名, 說文解字, 方言), заложившие основы позднейших классификационных принципов китайских энциклопедий (類書). Перечневой принцип, включающий и задачи каталогизирующего плана, свойствен, повидимому и искусству этого времени. Существует предание, что «Вопросы Небу» были навеяны Цюй Юаню фресками, обнаруженными им в пещерах юга, к которым он и подписал свои вопросы. Можно вспомнить и ряды воинов армии Цинь Шихуана из недавних раскопок – ни одно лицо не повторяет выражения другого. Безмерное количество ответвлений, которые имеют виды, входящие в роды, возбуждает эстетическое чувство и рождает в поэзии жанры, подобные ханьским фу (賦). Огромное, учитывая ранний период авторской литературы, их количество (более тысячи), даже в дошедших до нас примерах, свидетельствует об активной работе с этими перечневыми формами. Повод к описанию варьируется от псевдообрядового (как в «Призывании души») до коллизий придворной жизни (Сун Юй, Мэй Шэн) или восхваления императорских дворцов и парков (Сыма Сянжу), картин городских праздников и гуляний (оды о столицах Бань Гу и Чжан Хэна) и пр. Сыма Цянь в «Исторических записках» поставит в ряд жизнеописания и подчеркнет этот принцип названием – «Ряды жизнеописаний» (列傳). В них Сыма Цянь, как на оселке, в духе своего времени испробует «отличия в одинаковом» и «схожесть в различном» в поведении огромной вереницы лиц «разных сословий и состояний» на протяжении по крайней мере двухсот лет, включая и современников. В этом разделе «Исторических записок» хронологическая связь как средство упорядочения материала по важности уступит место внутренней связи, основанной на принципе со-противопоставления (термин Лотмана), а удивление множеством и разнообразием форм, порожаемых «Творцом изменений», сменится удивлением перед таким же многообразием мотивов человеческого поведения.

М.М. Репенкова

Децентрированная модель книги в «Романе о преступлении» Пынар Кюр

Нарративный (повествовательный) постмодернизм в турецкой литературе представляет Пынар Кюр (род. 1943). На повествовательно-текстовой характер её произведений указывает включение в них на равных многочисленных дискурсов (вплоть до научных), которые так же, как и код нарратора, призванного подчеркнуть риторическую природу нарратива, подвергаются вторичному пародийно-ироническому кодированию. Для романов этой писательницы характерны «этическая направленность и повышенный интерес к фигуративности»¹. В то же время данная модификация постмодернизма является самой «умеренной» и как бы «переходной», ибо, осуществляя переоценку ценностей, разрушая метанарративы, размыкая структуру произведения, ризоматически организуя текст, Пынар Кюр на новой философско-эстетической основе использует и ряд признаков реализма.

В «Романе о преступлении» (1989) Пынар Кюр прибегает к коду «романа в романе», подчёркнуто отграничивая друг от друга в начале повествования два пласта романной реальности – художественное обрамление и основной текст, отношения между которыми аналогичны оппозиции «жизнь/искусство», а затем переплетает их между собой, давая понять, что её интересует сфера эстетики. «Главный герой» произведения – литература (шире культура) XX века, основные жанровые и стилевые коды романа массовой литературы, которые воссозданы в «Романе о преступлении», так что возникает своеобразная антология его характерных образцов (детективный, женский/любовный, псевдо «нравственного расследования», метапрозаический и др.). Представлены в книге Пынар Кюр и такие жанры, как комментарии (культурологические и литературоведческие), стихотворные вставки, а также разно-

образные жанрово-стилевые вариации масс-медийного и рекламного дискурсов.

Плюрализм дифференцированных культурных знаков (языков), ослабление канона сочетаемости частей (границы романа словно утрачивают чёткую оформленность) компенсирует рост множественности. Автор прибегает к сверхязыку, составной частью которого является каждый из используемых культурных знаков, языков. Объединяет гетерогенные элементы общего текста, во-первых, заглавие, равно относящееся ко всем частям, во-вторых, – рассматриваемая проблематика, линейная последовательность в изложении событий. Центрирование структуры у Пынар Кюр имеет, однако, локальный характер и входит в состав сложноорганизованной плюралистической системы, утрачивая свою детерминирующую роль.

Как «литературная машина» «Роман о преступлении» соизмерим с «машиной массовой культуры XX века», с которой образует ризому. Аппелируя к миру-тексту, Пынар Кюр высмеивает примитивно-аляповатые стереотипы массового сознания и показывает, что собой реально представляет роман в конце XX века.

Всё в романе Пынар Кюр рассматривается под углом зрения, присущим массовой культуре, соотносится с созданными ею текстами и образами. Реализуя свою задачу, писательница обращается к различным типам интертекстуальности: буквальному цитированию², архитектекстуальности как воспроизведению определённых жанровых кодов, гипертекстуальности как пародийной игре с культурными знаками «детектив-любитель», «инспектор полиции», «отцы и дети», «любовный треугольник» и т.п. В большинстве случаев используемые жанровые коды массового романа подвергаются перекодировке в направлении размыкания канонических жанровых признаков. Писательница демонстрирует их «изношенность», вызывающую ощущение вторичности, подражательности, что является конкретизированным выражением явления *déjà vu*.

² Цитируются А.Кристи, Ж.Сименон, Г.Леру, М. Лебланк, Д.Сейерс, М.Аллингхам, А.Беркли, Р.Кнокс, Н.Марш, М.Иннс, Х.Бейли, П.Макдональд, Д.Хэммет, Р.Стаут, Р.Чандлер, М.Спиллейн, Э.Квин, К.Диксон и др.

¹ Маньковская Н.Б. «Париж со змеями» (Введение в эстетику постмодернизма». М., 1995, с.128

Жанровые и стилевые коды традиционного романа у Пынар Кюр приобретают открытый характер: использование принципа вариативности, уравнивание и «выдвижение кодов друг из друга» по принципу оплывающей свечи; сознательный акцент на процессуальности исследования «механизма» романа; открытость/незавершённость финала, предполагающего активное соучастие в нём читателя; изменение (развенчание, уничтожение) роли автора, традиционно выступавшего в роли Бога. Фигура автора подвергается децентрированию, что связано с отказом от «пророческих» установок, передачи своих функций другим (персонажам), словно автор отстраняется от написанного, «уходит» из текста, а ещё точнее «умирает».

Фиксация слова «роман» в названии свидетельствует о том, что проблема жанра, а точнее межжанровости выносится в нём на первое место. У Пынар Кюр под шапкой одного названия присутствует как бы сразу несколько книг, которые «функционируют» в ризоматическом текстовом пространстве, что формирует у читателя представление о множественности истины. Восприятие такого романа предполагает активное творческое соучастие читателя в процессе смыслопорождения.

Г.В.Стрелкова

Образ Пери и богини в современном рассказе Хинди

Рассказ – сравнительно молодой жанр для литературы хинди, он возник лишь в начале XX века. Начиная с 30-х годов этот жанр становится всё более популярным, а в конце 50-х годов возникает целое литературное направление «новый рассказ» (*naī kahānī*). Оно характеризуется обращением к актуальным, современным темам, созданием образа нового героя, стремлением к стилистической простоте и лаконичности языка. Герой «нового рассказа» утратил связи с патриархальным, преимущественно деревенским, обществом и ищет своё место в современном, развивающемся городе независимой Индии, где он страдает от одиночества и непонимания со стороны окружающих – таких же «отчужденных» персонажей. Одновременно с

этим возникает и развивается литературное направление «региональный роман/рассказ», его главные герои – жители деревенской Индии. «Региональная» проза создавалась на литературном хинди, который включал в себя множество диалектизмов. Создателем и ярким представителем этого направления был Пх. Рену. Одно из главных литературных направлений хинди последних лет – т.н. «женское письмо» (*mahilā lekhan*). Как явствует из названия, его творцы – писательницы хинди (М. Бхандари, Кр. Собти, М. Калия и др.). В их творчестве возникают новые темы, проблемы и их решения, прежде не рассматривавшиеся в литературе хинди. Образ литературного героя и героини «женского письма» также обладает своеобразием. (Как правило, герой слаб, героиня – сильна и независима, или же стремится к независимости, сопротивляясь «патриархальному» и консервативному обществу). При всех различиях между этими литературными направлениями и самими рассказами, написанными в рамках «новой», «региональной» или «женской» прозы, специфике каждого из направлений, их объединяет социальная направленность, обращенность к современности и что очень важно – общая литературная традиция. На примере рассказов Пх. Рену «Третья клятва, или Погубленный Гульфам» (1958), К.Б.Вайда¹ «Вечер с Барышней голод» (1999) и произведений К. Собти будет рассмотрено использование традиционных образов – «масок» пери и богини. Они не только служат созданию образа героини современного рассказа, но и дают возможность решить самые разнообразные задачи, стоящие перед писателем. Так, героиня «Третьей клятвы» – Хирабаи, танцовщица передвижного театра, т.е. героиня низкого социального статуса, воспринимаемая как гетера (*вешья, та-ваиф*). Это еще один образ-маска, связанный с типом героини – «падшей женщины». В репертуаре Хирабаи роли нескольких пери, но главная – Сабз Пери из первой музыкально-танце-

¹ К.Б.Вайд (род. в 1927) начинал писать как реалист, был одним из активных участников направления «новый рассказ», продолжает творить до сих пор – уже в иной творческой манере, преимущественно модернистской и постмодернистской.

вальной драмы на урду «Двор Индры» (1853)². Используя этот мотив и образ пери, Пх.Рену, который по праву считается «бытописателем индийской деревни», рисует взаимопроникновение реалистической атмосферы и полусказочной, песенно-фольклорной, а вместе с тем и литературно-художественной и театральной. В представлении главного героя рассказа, Хирамана, танцовщица Хирабаи ассоциируется также с образами богини красноречия, наук и искусств Сарасвати и Ситы – супруги эпического Рамы, дочери богини Земли. Благодаря сочетанию этих характеристик писатель демонстрирует индо-мусульманский синтез, характерный для культуры Индии, и связь современного рассказа с классической традицией. В рассказе К.Б.Вайда традиционный мотив любви к пери трансформируется: перед стареющим писателем, который ищет умиротворения и вдохновения, является нищая девочка, которая живёт тем, что перебирает мусор (и обрывки его рукописей). Она кажется ему прекрасной пери, а становится Музой, которая выводит его из творческого кризиса. Рассказ, отличающийся изысканной литературной игрой, демонстрирует гармоничное сочетание модернистского (поток сознания, «метарассказ») и традиционного. Писательница Кришна Собти, как правило, трактует и использует образ пери и богини для того, чтобы изобразить противостояние сильной героини и слабого героя, который безуспешно стремится доминировать. Образ пери/богини в каждом случае сочетается с определённой символикой, традиционной или актуальной, злободневной.

² Она, в свою очередь, была создана по мотивам дастанных сказаний, послуживших основой для первых прозаических произведений на урду «Роза Бакавали» Нихалчанда Лахори и «Сад и весна» Мира Амана (нач.XIX в.).

Африканистика

Н.В.Громова

Средневековый суахильский город в XXI веке

Большинство городов на восточно-африканском побережье возникли в результате торговых контактов местного населения с мореходами из Аравии и других стран Востока. Во время своих первых переселений в 7-8 веках арабы встретили на побережье и островах уже существующие к тому времени суахильские города, названия которых нашли отражение в суахильских хрониках. При этом следует напомнить, что первые хроники, в частности хроника города-государства Пате, были записаны арабским шрифтом, что не всегда точно передает суахильское звучание. Тем не менее, даже простой перечень названий городов «проясняет...очень сложную и специфическую историю суахильских топонимов вообще» (Мисюгин, 1972, 51).

Так, в хронике Пате сообщается о завоеваниях султана Умари – праправнука основателя династии ан-Набхани в Пате. Эти события относятся к первой половине 14-го века н.э.: «И получил он силу великую и завоевал много суахильских городов: Узива, Малинди, Кивайю, Китао, Мийя, Имизи и Ватаму, и дошел до Киримбы. Он владел всеми в своем бантуском происхождении. Так, Ватаму = watamu «приятные, хорошие (люди)» (прилагательное, согласованное по 2-му классу «людей» множ. числа).

Топоним Пате – производное имя существительное от глагола -pata «получать» с нулевым префиксом и суффиксом -е, непродуктивным в современном суахили (mtume «посланец» > -tuma «посылать», funde «порошок» > -funda «толочь»). Общее грамматическое значение этого суффикса – отсутствие активности реализуется в данном случае в конкретном значении – результат воздействия, т.е. значение топонима Пате – «нечто полученное», возможно. «прибыль, доход».

Название города Малинди означает «каналы» > kilindi в современном языке «канал, фарватер» > lindi аугментатив «большой канал».

Южный терминал цивилизации суахили обозначен в хронике топонимом Киримба, что, по мнению В.М. Мисюгина, должно соответствовать современному топониму Килва: Киримба.> Кириба > Кирба > Килва (Мисюгин, 1972, 58). Хотя на современной карте Восточной Африки обозначена группа островов Kerimba islands, находящихся значительно южнее Килвы. Все эти крупные города были известны с 9-10 веков. Невилл Читтик, известный английский историк и археолог, считает, что одним из ранних суахилийских городов был Манда, расположенный на одноименном острове: «В тот период, когда на Ламу появились первые мусульмане, на Манда уже строили дома из коралловых блоков, весящих больше тонны. Такого я еще не встречал нигде к югу от Сахары. Вплоть до конца XII века, когда начался закат Манда, здесь велось огромное строительство» (Кулик, 2001, 427). Вероятно, то же самое можно было бы сказать и о других городах суахили, расцвет которых приходится на раннее средневековье или более позднее время.

Так, великий арабский путешественник Ибн Батута посетил город Килва-Кисивани в 1331-1332 гг. и описал его как один из красивейших городов в мире. В настоящее время город находится в руинах, которые как музейные экспонаты охраняются государством Танзания, и в 1981 году включены в список всемирного наследия ЮНЕСКО. Здесь можно сохранились развалины султанских дворцов, мечетей, домов местной знати, португальской крепости, позволяющие представить себе, как это

монументально выглядело несколько веков назад. В таком же состоянии находятся города Манда (Кения) и Каоле (Танзания), комплекс развалин которых охраняется государством.

Такие крупные города как Занзибар в Танзании, Ламу, Малинди и Момбаса в Кении стали центрами паломничества туристов, и их прежний облик сохраняется лишь в старых кварталах, которые также подвергаются перестройке и обновлению, теряя при этом свою экстравагантность и аутентичность. Для привлечения туристов строятся в старых кварталах новые современные отели, что резко искажает их первозданный облик.

В этом отношении город Пате представляет собой исключение. Туристические тропы сюда еще не проложены, чему мешает некоторая удаленность острова Пате от аэропорта на острове Манда и от острова Ламу, который уже хорошо знаком туристам. Побережье этих двух островов успешно застраивается европейскими виллами, а самобытная архитектура суахили вытесняется на задворки или вообще уничтожается. Так, от города Шела на острове Ламу осталась, по существу, лишь одна мечеть. В городе же Пате сохранились много объектов, построенных во время «золотой поры» этого города-государства.

Современный город Пате делится на два квартала: Митаю, где проживают «арабы», считающие себя потомками рода Набахани, основателя династии правителей Пате, и район Кичокве, населенный африканцами из этносов баджун и покомо. Оба района застроены домами из кораллового известняка, но «арабский» район выглядит более ухоженным и чистым. В «африканском» квартале можно увидеть также более простые глинобитные дома. В городе сохранились развалины десятка мусульманских мечетей и португальских церквей, старого кладбища, султанского дворца. Местные жители помнят о своем богатом прошлом и готовы часами рассказывать историю каждого, ныне обветшалого дома. До настоящего времени люди живут в практически «музейных» средневековых домах с типичной для суахилийской культуры архитектурой и системой канализации, без электричества и прочих благ современной цивилизации. Пате все еще остается неким заповедным местом, где мож-

но познакомиться с традиционным бытом и городской культурой суахилийского социума. Именно здесь, вдали от европеизированных африканских городов, прикасаешься к истокам автотонной цивилизации суахили.

М.И. Каплун
Ю.Г. Суетина

Специфика реализации тонов в просодической системе хауса

Просодическое устройство тональной системы языка хауса – тема многолетних дискуссий в среде тех лингвистов, кто в той или иной степени соприкасался с ней.

Дело в том, что, признавая хауса тональным языком, надевая эти тоны определёнными функциями, традиционно делается, ставшее уже ритуальным, добавление, в котором постулируется тезис о специфичности функционирования тонов хауса в сравнении с тонами других тональных языков (йоруба, китайский, вьетнамский. Что же имеется в виду;

П.Ньюмен, говоря о функциях тонов хауса, считает их (тоны) в этой ипостаси «поверх ностными» (surface), тем самым констатируя и признавая то особое место, которое занимает тональная система хауса в типологии тональных языков. [P. Newman. 2000:658]¹

В тональной системе хауса функционируют несколько тонов. Неопределённость количества тонов акцентируется нами намеренно, так как, во-первых, в этом вопросе в среде хаусанистов нет единой точки зрения; во-вторых, и это самое главное, важно не само количество тонов в системе, а какими функциями наделила их эта система и как выполняют тоны эти функции. Если бы удалось выявить механизм взаимодействия тонов с другими просодическими средствами, определить их (тонов) вклад в процессе дифференциации лексических и грамматических единиц, то это стало бы той надёжной базой, на основе которой можно было бы внести некоторую определённость в дискуссию и о количестве тонов и их функциях.

Итак, тоны в хауса могут выполнять лексическую и грамматическую функции. В первом случае они служат для различения двух одинаковых по фонемному составу лексем; во-втором, тональный рисунок лексемы служит критерием для причисления её к тому или иному грамматическому классу.

Однако когда мы констатируем, что тоны в хауса *могут выполнять* эти функции, то это ещё не означает, что они их *выполняют* так, как это происходит в таких тональных языках, как йоруба, китайский, вьетнамский, когда любое нарушение тонального рисунка ведёт к неразличению лексем. Например, явление «downdrift» (скольжение тона вниз) не возможно при реализации высокого и среднего тонов йоруба, в то время как тональная система хауса допускает присутствие этого феномена в любой ситуации просодического контекста.

Из этого следует, что тоны в хауса в процессе речевой коммуникации выполняют свои функции, следуя терминологии П. Ньюмена, «поверхностно», играя в процессе передачи и восприятия информации какую-то свою характерную для них роль. И как показывают многочисленные инструментальные и психолингвистические эксперименты, роль эта отнюдь не первого плана.

Литература

1. [P. Newman, 2000] P. Newman The hausa language. An encyclopedic reference grammar. New Haven and London, 2000

Кравченко С.Л.

Старший преподаватель кафедры африканистики

Формирование терминологии в амхарском языке

Для каждой специальной сферы человеческой деятельности характерна своя система понятий, отражающаяся в присущей данному языку системе терминов.

Развитие языка и пополнение его словарного состава можно проследить по терминологическим словарям амхарского языка, поскольку терминология является областью, где наиболее чет-

ко видны современные тенденции морфологической и лексической инновации словарного состава амхарского языка.

Язык постоянно подвержен внешним влияниям. Развитие науки и техники в Эфиопии, средств связи, образования и торговли и другие факторы ускорили процесс лингвистических изменений.

Создание терминов лишь на базе родного (амхарского) языка связано с некоторыми трудностями, т.к. амхарские словообразовательные дериваты не всегда могут быть равнозначными эквивалентами для слов-терминов европейских языков, в которых основная часть терминов представляет собой сложные слова, состоящие из нескольких морфем, а для амхарского языка наиболее типичным способом является словообразование на базе одного корня.

В период становления научного знания термины, созданные на базе родного языка, представляют большие трудности для понимания, чем иностранные. В.М. Белкин отмечал, что слово родного языка должно еще стать термином, слово иноязычное – готовый термин, поэтому в определенных языковых сферах невозможно обойтись без заимствований. Поэтому Академия эфиопских языков совместно с Аддис-Абебским университетом и при финансовой поддержке Эфиопской комиссии по науке и технике ООН в рамках проекта «Создание научно-технической терминологии в Эфиопии» занялась разработкой языкового стандарта в научной сфере. Несомненно, стандартизация является этапом развития языка, который свидетельствует о культурном развитии и внимании государства и общества к научно-общественной жизни страны. Результатом этой деятельности явилось издание тринадцати тематических словариков по различным отраслям знаний (сельскому хозяйству, ботанике, математике, химии, электромеханике, статистике, зоологии и т. д.), а также создание англо-амхарского научно-технического словаря.

Источником для создания терминологических единиц послужил английский язык, а также слова, заимствованные из языков народов Эфиопии (тигринья, оромо, сомали и др.) и из классического эфиопского языка гыыз. Например, несогласное

напластование (геолог.) – *kilaf* (заимствование из языка сомали), морская ракушка – из языка сомали), морская ракушка – *gwangul* (из тигринья), диафрагма (анатом.) *dəlši* – из оромо.

В результате этой работы было создано более 15000 лексических единиц. Стремление избежать сложных синтаксических конструкций и создать краткие функционально адекватные термины побудило Академию эфиопских языков использовать различные способы, например, усечение слов и их сокращение, стяжение синтаксических конструкций в сложносокращенные слова. Главное условие, которым руководствовалась Академия эфиопских языков – соответствие словообразовательной системе амхарского языка при создании терминологических единиц. Например, *abazərt* «стручок, бобы» (ботан.) (*abəba* «цветок» и *azərt* «семя, семечко»); *ənqult* «яичник» (мед.) (*ənqulal* «яйцо» и *əti* «гланды»); *qultera* «считывание» (мат.) (*qulqul* «вниз, по склону», а *qotera* «подсчет»); *saragrafer* «земля, покрытая травой, дерном» (географ.) (*yəsar* «травянистый, травяной», *ager* «земля, территория», *afer* «почва»).

Таким образом, создание таких тематических словарей дает импульс дальнейшему развитию современного амхарского языка.

В.Я. Порхоновский

Пути формирования письменных традиций в Африке: лингвистический и социокультурный аспекты

Становление письменности в бесписьменных обществах, особенно в новое и новейшее время, как правило, происходит в ситуациях интенсивного внешнего воздействия. Как правило, это проявляется в заимствовании самой графической системы, что влечет за собой значительный объем лексических заимствований и калек, причем этот процесс происходит под воздействием комплекса разнообразных внешних факторов, политических, религиозных, культурных, экономических, которые могут иметь как гомогенное, так и гетерогенное происхождение. Переход от устного способа хранения и передачи словес-

ной информации к письменному означает кардинальное изменение базовых социальных и культурных параметров в результате взаимодействия внешних и автохтонных культурных парадигм. Именно это явилось основным стимулом для создания в новую и новейшую эпохи оригинальных систем письма, как, например, для языков бамум, ваи, менде в Западной Африке. Но подобные попытки не имели сколько-нибудь значимых практических последствий и представляют интерес лишь для специалистов по истории и теории письма.

История письма позволяет выделить следующие основные варианты формирования письменных традиций: 1) «первичное» изобретение письма; 2) заимствование письма; 3) изобретение оригинальной системы письма в условиях прямого или косвенного внешнего влияния; 4) заимствование новой системы письма, которая вытесняет уже имеющуюся в данном социуме или функционирует параллельно с ней; 5) изобретение оригинальной системы письма при наличии уже существующей письменной традиции.

Первый тип по нашей классификации, т.е. «первичное» изобретение письма, выходит далеко за пределы хронологических рамок нашей проблематики. Различие между вторым и третьим типами имеет скорее количественный, чем качественный характер, поскольку довольно трудно оценивать степень новизны. Здесь могут играть роль различные параметры: а) тип письменности – словесно-слоговая, слоговая, консонантная (как особый вариант слоговой), алфавитная; б) внешняя форма знаков, в) добавление новых знаков и различных графических элементов. Необходимо отметить еще один существенный аспект. Важно различать ситуации, где заимствованная письменная традиция отвечает уже сложившимся внутренним потребностям соответствующего бесписьменного общества, и ситуации, когда потребность в письменности приходит извне вместе с самим письмом.

В этом плане несомненный типологический интерес представляет ситуация с языком хауса, где представлены три типа формирования письма по нашей классификации, а именно второй, четвертый и пятый. Поскольку первый тип по определе-

нию не может быть здесь представлен, ситуация хауса отличается исключительным типологическим разнообразием. В случае хауса письменная традиция изначально сложилась на базе арабской графики, т.н. аджами, в результате распространения в землях хауса ислама, арабского языка и арабо-мусульманской культурной парадигмы. Латинская система письма, т.н. боко, получила распространение в Нигерии в рамках колониального режима. Этот процесс продолжился и после получения этой страной независимости. Причем латиница стала все больше ассоциироваться с современными политическими, экономическими и культурными реалиями. Однако преобладание латиницы не привело к окончательному вытеснению аджами из употребления. В настоящее время можно говорить об относительно стабильной ситуации параллельного сосуществования двух письменных традиций хауса, характеризующейся преобладанием латиницы, функционально-жанровым распределением текстов между аджами и боко, а также довольно заметными различиями в языковой норме. В заключение отметим, что в языке хауса недавно, в самом конце XX века, была сделана попытка изобрести третье, оригинальное, письмо в дополнение к двум уже имеющимся системам на основе арабской и латинской графики (см. Awagana, 2008). Это письмо, разработанное в Нигере и именуемое гобири (по названию самой северной из исторических областей хауса), во многом опирается на берберское традиционное письмо тифинаг, восходящее к пунической письменной традиции. Разумеется, как и более известные оригинальные системы письма у народов бамум, ваи, менде и т. д., эта письменность не может иметь никакого практического значения, хотя безусловно свидетельствует о наличии глубокого культурного конфликта, возникшего внутри традиционного общества после появления там заимствованного письма.

Литература

- Awagana A. 2008. Die Hausa-Schrift. // 5000 Jahre Schrift in Afrika. Entstehung – Funktionen – Wechsel. Begleitband zur Ausstellung in der Universitäts- und Stadtbibliothek Köln von 7. November 2008 bis 8. Januar 2009.

Суетина Ю.Г. к.ф.н.

Синтаксическая структура кирари хауса

Термин *кирари* не имеет точного соответствия в русском языке, как и в других европейских языках, поэтому различные исследователи переводят этот термин как «прозвище», что, на наш взгляд, не вполне соответствует истине. В советской, а теперь в российской африканистике было принято употреблять этот термин без перевода. Ю.К.Щеглов определяет кирари как развернутый эпитет. Этого определения придерживались и мы в предыдущих работах [Суетина, 2002], придерживаемся и в этой, хотя и не полностью.

Кирари являются неотъемлемой частью культуры хауса. Практически все, что окружает человека хауса, будь то предметы домашнего обихода, одежда, обувь, ландшафт, населенные пункты, транспорт, животные, люди, имеет свой *кирари*. Большинство из этих *кирари* давно существуют в языке и известны большинству членов общества. Некоторые возникают спонтанно и не всегда остаются в языке.

Иногда кирари вытесняет наименование предмета из обихода и остается его единственным денотатом. Примером тому могут служить такие кирари как *malam-buve-littafi* (учитель-открой-книгу) «бабочка», *favi-ka-mutu* (падай-ты-умри) «фарфоровая посуда», *a-ci-da-mai* (ешьте-с-маслом) «шарики из просяной муки, сваренные в воде» и некоторые другие.

По своей синтаксической структуре *кирари* представляют собой большое разнообразие. Они могут быть как именной, так и глагольной группой. Некоторые кирари состоят из одного слова – имени (поэтому мы не разделяем полностью определение Ю.К.Щеглова, что *кирари* – это развернутый эпитет), а некоторые представляют собой развернутое предложение.

На наш взгляд, можно выделить следующие структурные группы кирари:

1. *кирари*, состоящие из одного слова. Как правило, подобные односложные *кирари* имеют имена людей. Так, *кирари* женщины по имени Билкису всегда будет *Gado* «трон» как напоминание о царице Савской, в честь которой она и названа.

Женщина по имени Фатима имеет *кирари* *Zaga* «название планеты Венера». Некоторые кирари, состоящие из одного слова, не поддаются объяснению. Так, *кирари* ребенка, рожденного после того, как у его матери родились ранее близнецы, всегда будет *Gambo* Гамбо, а старшего ребенка в семье – *Dikko* Дикко. Особенно странным кажется кирари девочки по имени Амина – *kuga* «гиена». А кирари гиены – *Aminar dare* «ночная Амина». Кирари слона, производное от *касса* «ломать».

2. *кирари*, состоящие из двух имен, соединенных между собой генитивной связкой. Примерами таких *кирари* – их большинство – могут служить *кирари* льва *wan dawa* «старший брат леса», пальмового вина *гийя* – *madarar arna* «молоко язычников», героя – *kusar uaki* «гвоздь войны», города Дикко – *gandun mata* «заповедник женщин», шакала – *sarkin dabara* повелитель хитрости» (в фольклоре хауса шакал выполняет ту же функцию, что и лиса в русском фольклоре) и др.

Значительно реже встречаются двусложные *кирари* прилагательное + существительное: второе *кирари* льва – *manyan dawa* «великие леса», или *кирари* из двух имен, из которых второе оформлено формантом обладания *mai*: *Abdullahi mai bindiga*.

3. *Кирари*, состоящие из трех слов: прилагательное/существительное + существительное + существительное: *кирари* поезда – *baki takarkarin fira'una* «черный мул фараона», кирари ямса – *cimar mutanen Kudu* «еда людей юга».

4. *Кирари*, состоящие из назывного предложения, вводимого словом *ga* «вот»: *ga gogon yuma, ga na madaci* «вот сосуд с медом, вот с горечью» – *кирари* судьи, содержащее намек на то, что судья может вынести как решение в пользу истца, так и в пользу ответчика.

5. *Кирари*, в состав которых входит глагол: в большинстве подобных *кирари* глагол стоит в форме императива или в форме *su*. В таких *кирари* наиболее часто встречаются глаголы *bi* «следовать», *ci* «есть», *sha* «пить», а также некоторые другие: *a sha lafiya* «выпейте-благополучно» – *кирари* лекарства от отравления, а *ci da mai* «ешьте-с-маслом» «шарики из просяной муки, сваренные в воде», *bi salla* «следуй-за-праздником Идэль-Фитр» – *кирари* ребенка, рожденного после этого праздни-

ка, а bar banza «оставь-понапрасну» – *кирари* ананаса, tafi da malaminka «иди-с-учителем» – *кирари* книги, в которой содержатся пояснения к Корану и др.

Если в состав глагольных *кирари* входит глагол «превосходить», то он всегда стоит в форме sun: kin fi kare gudu «ты-превозмогла-собаку-в-беге» – *кирари* дрезины, kin fi kwana a daji «ты-лучше-ночевки-в-лесу» – *кирари* автомобиля.

5. Некоторые *кирари* представляют собой развернутые предложения, например кирари бедности: gandun gurjiya da duhu, amma ba wurin buya, ko kaza ba ta buya «посадки дерева гурджия густые, но нет места, где спрятаться; даже курице негде спрятаться».

Некоторые *кирари* построены на аллитерации, Например, уже упомянутое выше *кирари* ананаса abarba a bar banza, ружья – bindiga Gidigo uwar yaki «Гидиги мать битвы» или земляного ежа – bushiya bush da kaya «буш с колючками».

Литература

- Сутина Ю.Г. Кирари городов хауса//Под небом Африки моей. Вып. 1., 2002 г.
Щеглов Ю.К. Литературы на языках тропической Африки. М., 1973.
Abraham R.C. Dictionary of Hausa Language. London, 1962

Урб Моника

Словообразовательные модели в языке африкаанс

Основными способами словообразования (woordvorming) в языке африкаанс являются словопроизводство (afleiding) и словосложение (samestelling), а также субстантивация различных частей речи (substantivering).

Словосложение является важным и широко распространенным словообразовательным приемом в языке африкаанс. Так, например, следующие сложные слова, образованные путем сложения основ, а также целых слов: dagblad «газета» (dag «день» и blad «лист»), deelneem «участвовать» (deel «часть» и neem «брать»), valskermsspringer «парашютист» (valskerm «па-

рашют» и springer «прыгун», причем valskerm, в свою очередь, является сложным словом, состоящим из val «падение» и skerm «ширма», «завеса»), waarheen «куда» (waar «где» и heen «отсюда») и др. Особенно распространен этот способ при образовании имен существительных.

Сложные существительные по своей структуре распадаются на полносложные и неполносложные. Полносложные существительные представляют собой простое сложение основ без всяких соединительных элементов, например, hoofstraat «главная улица» (hoof «глава» и straat «улица»), slaapkamer «спальня» (slaap «спать» и kamer «комната»), driehoek «треугольник» (drie «три» и hoek «угол»), jonkvrou «незамужняя молодая женщина» (jonk «молодой» и vrou «женщина»). Из примеров видно, что первым компонентом сложного слова может выступать не только основа существительного (hoofstraat), но и основа глагола (**slaap**kamer), прилагательного (**jonk**vrou), числительного (**drie**hoek). Для неполносложных существительных языка африкаанс характерно наличие особых соединительных элементов -s-, -e-, -er-, -en (s) – между двумя компонентами сложного слова, например, stadslewe «городская жизнь», heldedaad «подвиг», suiderkruis «южный крест», koppenent «изголовье», etenstyd «прием пищи». В языке африкаанс имеется кроме того ряд сложных слов с соединительным гласным -e-, который является или окончанием основы существительного (например, briewe**e**bus «почтовый автобус», hanekam «петушиный гребень»), или застывшей флексией прилагательного (например, Laeveld «низкий вельд»). Иногда употребление соединительного элемента -s – служит средством дифференциации значения сложного слова в отличие от другого (без соединительного -s-), например, watersnood «наводнение» и waternood «недостаток воды».

В значительно меньшей степени словосложение в языке африкаанс распространено в системе прилагательных. Сложные прилагательные также могут быть по своей структуре полносложными и неполносложными. Первым компонентом полносложных прилагательных могут выступать прилагательное doofstom «глухонемой», donkergroen «темно-зеленый», суще-

ствительное **peperduur** «очень дорогой», **bloedrooi** «крово-красный», глагол **weetgierig** «любопытный». Первым компонентом неполносложных прилагательных (с соединительным элементом -s-) является обычно имя существительное. Например, **leuensmoeg** «усталый от жизни», **doodsbleek** «смертельно-бледный», **hemelsblou** «небесно-голубой».

Сложные наречия в языке африкаанс образуются путем сложения двух наречий, например, **daarheen** «туда», **hierheen** «сюда», а также из застывших предложных конструкций с существительными, прилагательными, местоимениями, наречиями: **vanoggend** «сегодня утром», **vantevore** «раньше», **buitegewoon** «чрезвычайно», **binnekort** «скоро», **dientengevolge** «вследствие этого».

Образование сложных глаголов в языке африкаанс происходит путем сложения основ существительных, прилагательных, наречий, глаголов (в том числе причастий) и глагола. Сложение компонентов происходит, как правило, без всяких соединительных элементов. Например, **deelneem** «участвовать», **houthak** «рубить дрова», **visvang** «ловить рыбу», **goedkeur** «одобрять», **stihou** «молчать», **tuiskom** «возвращаться домой».

Сюда же относятся сложные глаголы, вторые компоненты которых образованы от существительных, обозначающих преимущественно части тела, например: **klappertand** «стучать зубами», **knipoog** «моргнуть», **stampvoet** «топать ногами», **knarsetand** «скрежетать зубами».

Отделяемые первые компоненты сложных глаголов всегда несут на себе ударение и не утрачивают полностью своего независимого употребления. По происхождению эти компоненты особенно часто являются предлогами и наречиями, например: **toe** (**maak toe** «закрывать»), **op** (**staan op** «вставать»), **terug** (**kom terug** «возвращаться»), **verby** (**gaan verby** «проходить мимо»), **saam** (**sing saam** «подпевать»). Во многих случаях отделяемыми компонентами являются также: существительные **perd** (**ry perd** «скакать на лошади»), **plaas** (**vind plaas** «иметь место»); прилагательные **vy** (**maak vy** «освобождать»), **skoon** (**maak skoon** «чистить»); целые предложные обороты **aan die gang** (**sit aan die gang** «пускать в ход»), **van kant** (**maak van kant** «убивать»).

Многие компоненты сложных глаголов могут быть как отделяемыми, так и неотделяемыми (в безударной позиции). Большой интерес вызывает наличие в африкаанс глаголов-дублетов, которые различаются лишь ударением, но достаточно далеки с точки зрения семантики. Глаголы, образующие формы с неотделяемым компонентом (ударение на втором или третьем слоге), имеют переносное, более абстрактное значение, чем глаголы с отделяемым компонентом (ударение на первом слоге). Примерами такого различия могут служить глаголы **undergaan** «заходить (солнце)» и **ondergaan** «подвергаться, претерпевать (операцию, наказание)»; **oordryf** «перегнать (лодку)» и **oordryf** «преувеличивать».

Федорова Н.Г.

«Обзор лексико-грамматического материала суахилийских газет «Рай» и «Маджира»»

Суахилийский текст, текстовая информация – это не только языковое, но и социальное явление, средство социальной коммуникации. Поскольку газетные тексты образуют особую разновидность, то им присущи определенные дифференциальные признаки, например, официальность изложения, безличные высказывания, особого рода заголовки, текстовые штампы. Мы взяли для примера две довольно популярные суахилийские газеты «Рай» («Наше мнение») и «Маджира» («Время»), в которых проявляются все эти признаки. Привлекают внимание рубрики, которые повторяются, большей частью, из номера в номер.

На первой странице газеты «Рай» публикуются внутренние события Танзании. Подзаголовки: **Elimu ya juu** (слева). О высшем образовании. Далее идет заголовок «Дерево, которое помогает нашему единству» (Речь идет об объединении Танганьики и Занзибара). Справа идут объявления о материале на других страницах (14, 25, 26). Вторая страница также посвящена внутренним событиям (Создание правительством специальной комиссии по незаконной продаже государственных учрежде-

ний). Далее идет речь о забастовке студентов Дар-эс-Саламских ВУЗов с требованием улучшить обстановку в этих учреждениях (структура управления, руководства, а также улучшения жизненных условий). Третья страница посвящена разным событиям. Это, прежде всего, «Ucheleweshaji wa haki ni udhalimu» (автор Озоро Ньявангах) – юридическая тема: «Каждый танзаниец свободен перед законом и получает наказание за совершенное преступление в соответствии с законом». Дела идут медленно, документы хранятся до 4-х лет и более. В суде провинции Магу замечены случаи дачи взятки. Полиция и армия в этом случае должны заявить о себе. Основное внимание нужно уделить экономике, политике, культуре и прогрессу. Привлекают внимание письма читателей газеты, которые содержат советы по улучшению государственных дел в масштабе всего государства. Приводим часть письма, направленного автором в редакцию газеты «Рай» (Март 2007 г., стр.7). Управляющий Электрокомпанией (ТАНЕСКО), округ Табора, не имеет права защищать кого-либо и самого себя в том, что заслуживает серьёзной критики положения, существующего в его офисе. Автор другого письма упрекает правительство в том, что оно не торопится ставить вопрос о создании Восточно-Африканской Федерации. По его мнению, мы можем потерять такого рода возможность. Большой материал в этой газете отводится политическим событиям в других странах, в частности, в России. Статья посвящена памяти президента Б. Н. Ельцина. Её автор, доктор Гидеон Шоо, говорит о том, что он является сторонником единения России. В этой ситуации он возражал Горбачеву, который, по его мнению, способствовал развалу этого государства.

Далее нами была проанализирована газета «Маджира» («Время»), август 27, 2007г. (24 страницы). На первой странице располагаются краткие статьи, которые имеют перенос на другие страницы. Жители одной деревни нападают на местную школу. Им необходимо было получить помещение для продажи мелких товаров и еды. Тем самым они нарушили установленный порядок. Деньги от продажи товаров они намеревались взять себе. В результате нападения был убит один подросток.

Подробная информация представлена на третьей странице. Международные события помещены на второй странице. Макро – и микро-объявления помещаются на четвертой странице. Как дополнительный материал в газете публикуются 20 объявлений.

Фотографиями полностью занята 21-ая страница. По сравнению с газетами десятилетней давности в газете сейчас печатаются статьи очень мелким шрифтом. Очень много рамок (за исключением первой страницы). В газете помещены цветные фотографии и многочисленные заголовки.

В газетах подобного рода есть определенные правила. В верхней части материала или страницы имеется постоянный заголовок: *Habari za Kimataifa*. Международные события (иногда: *Kutoka mataifa mengine* – из дальних стран), а также *Habari za Kitaifa*. Внутренние новости. Встречаются заголовки типа: «Обо всем понемногу», «Новости в фотографиях», «О спорте».

Последняя страница в каждом номере посвящена спорту, который является востребованной темой не только среди спортсменов, но и среди большинства населения.

Очень редкой рубрикой является рубрика «От редактора», т.е. «Разговор с читателем». Редактор отдела писем сообщает: «Я хочу рассказать немного о Танзании».

Горсовет Илала (округ Дар-эс-Салама) способствовал разрушению многоэтажного дома на перекрестке улиц Удое и Сикуккуу, тем самым предотвратив опасность его разрушения и уничтожения многих жителей. Этот дом был построен без согласия жителей этого района в этом месте, поэтому в этом случае следует обсуждать заранее необходимость такого строительства. В частности, место нахождения такого дома помешало благоустройству района. Погибло много деревьев и кустарников. Понятно, что мы хотим, чтобы у нас были многоэтажные дома и постройки. Но, в любом случае, следует до строительства их обсуждать этот вопрос.

В статье были изложены результаты исследования суахилийского газетного материала, которые свидетельствуют о том, что в этом языке можно выделить определенные стилистические черты, которые проявляются на публицистическом уровне.

История

Арешидзе Л.Г.

Политические и стратегические интересы США в отношении КНДР в начале XXI века

Северная Корея и в начале XXI в. оставалась для Соединенных Штатов Америки «враждебным государством» в Восточной Азии. Поэтому формирование политики на северокорейском направлении предполагало решение двух основных задач: во-первых, ослабление силового потенциала КНДР путем проведения курса на ее сдерживание, и, во-вторых, отстранение от власти антиамериканского режима Ким Чен Ира.

Задачей «номер один» для властей США является ослабление наступательной мощи северокорейской армии. Вашингтон хотел бы лишить северокорейский режим Ким Чен Ира главного козыря в переговорах с Америкой, а именно – возможности шантажировать угрозой применения ядерного и ракетного оружия, как против самих США, так и против американских союзников в Восточной Азии. В свою очередь, северокорейское руководство заинтересовано в прямо противоположном, а именно – во что бы то ни стало сохранить ядерный и ракетный потенциал для того, чтобы сдерживать политическое давление на Пхеньян со стороны Вашингтона, а также для того, чтобы предотвратить угрозу внешнего нападения на Корейский полуостров. Власти КНДР заинтересованы также в устранении помех на пути завершения процесса воссоединения обоих Корейских государств на северокорейских условиях.

Интересы США на северокорейском направлении подразумевают также создание условий, исключающих передачу Северной Кореей ядерных и ракетных технологий в другие страны, и прежде всего – в страны с антиамериканской направленностью своей внешней политики. КНДР, как известно, экспортирует такие виды технологий в другие страны для того, чтобы, с одной стороны, пополнить свои золотовалютные резервы, а с другой, – укрепить свой международный авторитет в качестве современного государства.

В рамках политики стратегического сдерживания Северной Кореи Вашингтон заинтересован как в ускорении процесса свертывания ядерных программ КНДР, так и в ограничении производства Пхеньяном современных ракет малой и средней дальности. Необходимо подчеркнуть, что стратегические объекты на территории Японии не являются единственной целью потенциальных ракетных атак КНДР. Испытания ракеты «Тэпходон-1» с радиусом действия до 3500-6000 км в августе 1998 г. показали, что объектом нападения могут быть также и морские коммуникации в акватории Тихого океана, равно как и военные корабли Тихоокеанского флота США.

Американские интересы в политике стратегического сдерживания Северной Кореи направлены и на защиту своего главного союзника в Восточной Азии – Японии, которая без соответствующих изменений в Конституции 1947 года ограничена в возможностях производства, как наступательных видов вооружений, так и ядерного оружия. Поэтому единственный выход из существующего положения власти Японии видят в присоединении к американской системе ПРО ТВД, а также в развертывании собственной ПРО на территории Японских островов.

Стратегические интересы США на северокорейском направлении обусловлены желанием не допустить укрепления отношений Пхеньяна со странами исламского мира, агрессивно настроенными в отношении американской политики глобального доминирования, а также, по возможности, избежать сближения Пхеньяна с Южной Кореей, Китаем и Россией. Вашингтон не заинтересован допустить сближения КНДР с Японией, Китаем

и Россией, как с участниками шестисторонних переговоров по ядерной проблеме Северной Кореи в обход США. Американские власти не намерены мириться с положением, когда, с одной стороны, на глазах мировой общественности Пхеньян нарушает закон о нераспространении ОМУ, а с другой, – США не могут этому воспрепятствовать, так как не получают достаточной поддержки со стороны других ведущих региональных игроков Восточной Азии.

США заинтересованы использовать объективные трудности в развитии диалога с северокорейским руководством по ядерной проблематике для оправдания своих далеко идущих планов в области развертывания систем ПРО ТВД в Восточной Азии. В американской риторике, направленной на осуждение Северной Кореи за ее ядерные амбиции, Вашингтон всегда представляет Пхеньян в качестве главного источника опасности, исходящей для безопасности других стран Восточной Азии, которых США должны защищать в силу взятых на себя союзнических обязательств.

Власти США заинтересованы также в провоцировании ситуации в межкорейских отношениях, в нагнетании напряженности между Сеулом и Пхеньяном.

В свою очередь США демонстрируют готовность ускорить процесс структурных преобразований политической и экономической жизни КНДР, включить Северную Корею в мировой рынок. Как минимум, три фактора, сдерживают процесс смены режима в КНДР и его модернизацию. Во-первых, это объективные трудности в ускорении процесса перехода страны на новую экономическую и политическую модель развития. Во-вторых, нынешнему руководству КНДР трудно отказаться от политической системы, которая долгие годы обеспечивала внутреннюю стабильность власти. И, в-третьих, это – нежелание руководства КНДР в одночасье отказываться от ориентации на построение сильного в военном отношении государства на Корейском полуострове. Власти допускают создание специальных экономических зон в пограничных с Китаем районах, так как одна из целей расширения экономических связей с мировым рынком состоит в том, чтобы использовать материальные выго-

ды от расширения связей с Западом для наращивания национального силового потенциала. Однако руководство страны никогда не допустит подрыва основ политического строя в КНДР, чреватого уходом с политической сцены правящей партийной элиты и замены ее либералами, которые будут вынуждены пойти на соглашательскую политику с Западом не только в экономической, но и в военно – политической области.

США не могут не учитывать также еще одного фактора, который препятствует ускоренной модернизации КНДР. Речь идет о том, что далеко не все ключевые игроки региона Восточной Азии заинтересованы -политически и экономически – в том, чтобы руководство КНДР в короткие сроки отказалось от идеологии «Чучхе». Южная Корея предпочитала бы затянуть процесс воссоединения обоих корейских государств до тех пор, пока ее оборонный потенциал, как минимум, не сравняется с северокорейским. Япония также предпочитала бы пролонгировать процесс «отказа Ким Чен Ира от идеологии Чучхе» и не торопиться с воссоединением корейских государств.

У проблемы ускоренной модернизации КНДР есть еще один аспект. Расширение торгово-экономических связей Пхеньяна с внешним миром и, прежде всего, в области закупок передовой технологии будет лишь способствовать наращиванию национального военного потенциала, а, следовательно, – увеличит боеспособность северокорейской армии, чего все соседи Северной Кореи по Восточной Азии хотели бы избежать или, по крайней мере, задержать.

к.и.н. Е.В. Волкова

Российско-мьянманские отношения в 2000-2008 гг.

Базовые принципы двустороннего сотрудничества закреплены в Совместной декларации об основах дружественных отношений между Российской Федерацией и Союзом Мьянма (2000 г.).

Взаимодействие двух государств заметно активизировалось на различных уровнях и направлениях в 2000-е годы. При этом

для подходов обеих сторон к развитию контактов становится приоритетным прагматизм.

Качественно новый этап в двусторонних отношениях, по мнению российских политологов, обозначил официальный визит в Россию заместителя Председателя Государственного совета мира и развития (ГСМР) Мьянмы вице-старшего генерала Маун Эйя (апрель 2006 г.). По итогам переговоров подписан пакет межправительственных и межведомственных документов, консолидирующих договорно-правовую базу и определяющих приоритетные направления активизации российско-мьянманского сотрудничества в торгово-экономической, технологической сферах, в области образования. Подчеркнуто стремление сторон к интенсификации отношений как на уровне государственных структур, так и в кругах бизнес-сообществ обеих стран. Одними из первых российских компаний, работающих в Мьянме, стали ОАО «Зарубежнефть», которая подписала Меморандум о взаимопонимании по стратегическому сотрудничеству в нефтяном секторе с Министерством энергетики Мьянмы, «Калмыкнефтегаз», «Тяжпромэкспорт».

Военно-техническое сотрудничество – успешная сторона российско-мьянманских отношений. Об уровне и перспективах развития контактов в этой области свидетельствует факт открытия в Янгоне представительств Объединенной авиастроительной корпорации (2002 г.) и ФГУП «Рособоронэкспорт» (2005 г.). Особенностью нового этапа двусторонних связей в этой сфере стало не только расширение поставок различных видов отечественной военной техники и вооружений, но и взаимодействие в области подготовки военных кадров.

Сотрудничество в сфере науки и образования – динамично развивающееся направление двустороннего взаимодействия. На протяжении 2000-х гг. наблюдается значительный рост числа мьянманских студентов, обучающихся в ведущих отечественных технических вузах; программа их языковой довузовской подготовки успешно реализуется с помощью российских специалистов, работающих в этой стране. Российская сторона вносит весомый вклад в формирование современной научно-технической элиты Мьянмы. Это обстоятельство можно рас-

сматривать как серьезный фактор, благоприятствующий развитию российско-мьянманских отношений.

Стороны расширяют сотрудничество в области высоких технологий. Межправительственное соглашение, подписанное 15 мая 2007 г., предусматривает содействие России в сооружении и эксплуатации под контролем МАГАТЭ научно-исследовательского ядерного центра в Мьянме.

Россия и Мьянма взаимодействуют на международной арене, в том числе в ООН и в формате диалога Россия – АСЕАН.

Анализ российско-мьянманских отношений в 2000-2008 гг. позволяет прийти к заключению, что их активизация является одним из значимых направлений российской внешней политики в ЮВА. Обе страны располагают потенциалом для наращивания взаимовыгодного сотрудничества, которое при определенных условиях может перейти в практическую плоскость.

Деоник Д.В., Ульянов М.Ю.

Основные этапы исторического процесса в регионе Восточная Азия в IX-I тыс. до н.э.

0. Одним из результатов исследовательского проекта «Археология Восточной Азии: неолит и ранняя бронза», выполняемого авторами, является уточнение исторической периодизации. Абсолютная археологическая периодизация истории региона Восточная Азия (далее – Регион¹) в неолите, энеолите и бронзе, предлагаемая нами, выглядит так:

9000 (8000)–5500 гг. до н.э. – ранний неолит
5500–4500 гг. до н.э. – ранне-средний неолит
4500–3500 гг. до н.э. – средний неолит
3500–2500 гг. до н.э. – поздний неолит

¹ О границах Региона см. Деоник Д.В., Ульянов М.Ю. «Ландшафтно-хозяйственные пределы зон интенсивного земледелия в регионе Восточной Азии в неолите» — Эволюция социально-политических систем в древних и средневековых обществах (по археологическим и этноисторическим источникам). Тезисы докладов Всероссийской научной конференции/Отв. ред. В.И. Гуляев. М., 2006, с. 13–14.

2500–1700 гг. до н.э. – энеолит
 1700–1400 гг. до н.э. – ранняя бронза
 1400–800 гг. до н.э. – средняя бронза
 800–300 гг. до н.э. – поздняя бронза

0.1. Предлагаемая периодизация основана на фиксации смен археологических культур в основных Зонах Региона (локализованных в долинах крупных рек, а не в горно-лесных и степных районах, занимающих большую часть территории Региона)². Границы периодов достаточно условны, т.к. развитие отдельных аграрных очагов в силу величины территории Региона шло неравномерно; в рамках каждого периода были Зоны более или менее развитые в социальном и экономическом отношении. Соответственно границы периодов в некоторых Зонах будут расходиться во времени, поэтому предлагаемая периодизация дается по уровню развития большей части Региона (так отдельные аграрные очаги могли по характеру материальной культуры находиться на уровне ранне-среднего неолита, а другие – на уровне среднего неолита).

0.2. Объединим Зоны в три группы по характеру возделывания с/х культур. Ирригационных: Нижняя и Средняя Янцзы (рис); суходольных культур: Средняя Хуанхэ, Древнее Приморье (просо); Шаньдун, Великая равнина (пшеница и просо).

Дадим краткую характеристику периодов.

1. **Ранний неолит.** Неолит в Восточной Азии земледельческий, что сближает его с Западной и Южной Азией. Докерамический неолит здесь пока не выявлен³. Общество сложное. В это время в единый этногенетический субстрат – аустрические

² О выявлении и описании историко-культурных Зон региона Восточная Азия, а также об отдельных аграрных очагах внутри них, см. Деопик Д.В., Ульянов М.Ю. Выявление аграрных очагов в Восточной и прото-Юго-Восточной Азии: на материале изучения археологических памятников неолита и ранней бронзы (VI – нач. II тыс. до н.э.) – Научная конференция Ломоносовские чтения. Апрель 2008. Востоковедение. Тезисы докладов. М., 2008, с.50-52.

³ В отдельных районах крайнего юга Региона найдены фрагменты более ранней керамики и использования злаков (риса), но они не меняют общей картины (п-к Юйчаньянь).

народы (включая мяо-аустроазиатов), по-видимому, внедрились носители сино-тибетских языков, которые пришли по течению р. Вэйхэ, верховья которой примыкают к «ланьчжоускому» аграрному очагу – важнейшей контактной области на границе Региона и евразийской степи.

Самые ранние рисоводческие памятники – на Янцзы. С IX тыс. до н.э. на Нижне-средней и Средней Янцзы (Сяньжэньдун, Пэнтоушань), несколько позже, с VIII тыс. до н.э., к югу от выхода Хуанхэ из ущелья Саньмэнься на формирующуюся Великую Равнину (п-к Пэйлиган) и на стыке между этим аграрным очагом и севером Средней Янцзы (Цзяху). Для каждой из трех групп Зон характерен свой керамический комплекс, но по двум важным категориям керамики имеются связи (корчага с горлом и ручками-ушками на плечиках, ритуальный предмет «рюмка», который не может быть поставлен на ровную поверхность).

2. **Ранне-средний неолит.** Растет плотность населения, надежно выделяются археологические культуры и контакты между ними. Земледельцы освоили долины средних и крупных рек во всех Зонах. На Средней Хуанхэ есть следы возделывания просяных культур. Керамика становится разнообразнее и качественнее (на севере в основном плоскодонная, на юге – круглодонная), распространяются свои для каждой зоны формы триподов и орнаментации (в основном штамп).

3. **Средний неолит.** В культурах всех основных Зон появляется расписная керамика, исчезающая в позднем неолите. Усиливаются внутрорегиональные связи, Зоны объединяют некоторые варианты росписи («лепесток» и др.). Роспись на использовавшихся в ритуальных целях сосудах с большей ясностью, чем рельефный декор, отражала сакральные идеи: знаки (рыбы и др.), композиции (голова с рыбами). Каменные орудия – технологически более совершенные в бассейне Янцзы (сравнительно тонкие топоры и тесла, топоры-вкладыши, тонкие ножи с отверстиями и без).

4. **Поздний неолит.** Социальное развитие быстрее всего шло у носителей культур Нижней Янцзы и Шаньдуна. Здесь появляются городские центры, идет процесс складывания институ-

тов власти. В разных зонах распространяются вариации кувшина-трипода с полыми ножками, который возник, по-видимому, на Шаньдуне и был известен на Нижней Янцзы. На Средней Хуанхэ, связанной с этносом *хуася*, появляется горшок-трипод с полыми ножками. К этому времени на месте Древнего Пролива, отделявшего Шаньдун от хребта Тайханшань, формируется Великая Равнина.

5. **Энеолит.** На Нижней Янцзы (будущие царства У и Юэ), за пределами распространения *хуася*, формируется ранняя государственность: с дворцовой и храмовой архитектурой, социальной иерархией, религией (вера в антропоморфных богов), атрибутами высшей власти (изделия из нефрита), письменностью нескольких видов. Ее социальный опыт распространяется на Регион и за его южные (Фуцзянь, Гуандун) и западные (Сычуань) пределы. В частности, основные сакральные предметы (нефритовые жезлы цун, двузубые клевцы, диски, топоры и др.) встречаются во всех Зонах; этот опыт воспринимается там по мере развития местных обществ, поэтому представлен в неполной форме, а предметы – в виде упрощенных модификаций. Близкий по уровню развития, но меньший по размерам и влиянию цивилизационный очаг находился на Шаньдуне (возможно, именно здесь зарождается иероглифика древнекитайского типа). Появляются изделия из металла (сразу бронзовые, индустрия меди пока не обнаружен). На юге Региона распространяется кельт (втульчатый топор, мотыга), известный за пределами Региона на Индокитайском п-ве., на севере через долину р. Вэйхэ – ножи с дугообразной спинкой, пришедшие из южной Сибири.

6. **Ранняя бронза.** Ранняя государственность распространяется вдоль течения Янцзы на запад (к-ра Учэн, п-ки Паньлунчэн и Саньсиндуй) и до Шаньдуна на север. Для нее характерно наличие города и ограниченная аграрная периферия, сохранение архаичной системы связей, отсутствие сложного аппарата управления. С XVII в. до н.э. она появляется и в бассейне Хуанхэ (к-ра Эрлитоу-3). Для нее характерен дворцовый комплекс, металлургия, сложная ритуальная практика – единичные

бронзовые сосуды, гадательные кости без надписей и др. Ее влияние распространилось в пределах Средней Хуанхэ (п-к Дунсяфэн).

Что касается средней и поздней бронзы, то выводы авторов в основном совпадают с существующей характеристикой этого периода и в данном кратком сообщении не приводятся.

Железняков Д.А.

К вопросу о вовлечении Монголии в большую политику в начале XX века. Возникновение «монгольского вопроса»

В начале XXI века Монголия представляет собой небольшое независимое государство в Центральной (или Восточной) Азии, находящееся вдали от мировых геополитических конфликтов и не оказывающее значительного влияния на события в мире и регионе. Политическая обстановка в стране после революции «белой лошади» 1990 года достаточно стабильна, и Монголия уверенными шагами движется к построению правового государства.

Однако 100 лет назад ситуация в регионе была прямо противоположной. Начало XX века явилось для Монголии и для всего Дальнего Востока переломным временем. И без доли сомнения можно отметить, что в первой четверти прошлого столетия решился сам вопрос о существовании такого государства как Монголия.

Бурные политические события начала XX века – войны и революции, экономические и политические кризисы, резкое обострение международных отношений, военные конфликты, борьба за передел сфер влияния между колониальными державами – всё это объективно направляло различные политические и общественные силы ведущих стран (в том числе и России) «повернуть лицо на Восток», активизировать политику в данном регионе. И постепенно сложился специфический расклад политических сил на Востоке, треугольник Россия – Китай – Япония, в центре которого находилась Монголия, как

стратегический объект внимания общественного мнения и политиков этих стран.

В 1911 году в результате национально-освободительной революции на карте Азии появилось новое независимое государство – Монголия, провозгласившая политическую независимость от Китайской республики. Обращение монголов к России за поддержкой вызвало бурную реакцию в российском обществе, вследствие чего эта страна была вынуждена ввязаться в сложную геополитическую игру под названием «Монгольский вопрос».

Сам «Монгольский вопрос» обрел самостоятельное звучание и формулировку гораздо раньше – в конце XIX века. По мере того, как изолированный в течение двух столетий регион начал постепенно «открываться» для проникновения иностранного капитала, рос и интерес к Монголии со стороны держав. А в авангарде этого процесса была неизменно Россия, считавшаяся традиционно самым сильным игроком в этом регионе.

Регион Восточной Азии в конце XIX – начале XX вв. был местом острого соперничества ведущих стран мира. Слабеющая Цинская Империя все более привлекала внимание европейских стран, Японии, США и России. Сооружение Великой Транссибирской железнодорожной магистрали и КВЖД создавали для российской буржуазии благоприятные условия для освоения рынков Дальнего Востока и Китая. Поэтому Россия постепенно перешла в данном регионе к активной внешней политике.

Внешняя Монголия (Халха) являлась до 1911 года составной частью Маньчжурской империи, обладающей значительной самостоятельностью во внутренних делах. Из всех вышеперечисленных держав, больше всего контактов у монголов было традиционно с Россией. Однако внешние отношения России с Китаем и Монголией строились целиком за счет заключения договоров с Маньчжурской империей. В 1727 г. согласно Буринского и Кяхтинского договоров были установлены пограничные посты вдоль русско-монгольской границы.

Длительное время маньчжурские правители запрещали китайцам переселяться в Монголию и самовольно пользоваться

там землей. Однако в последней четверти XIX и начале XX вв. усилилось переселение безземельных и малоземельных крестьян в Монголию. Когда оно приняло массовые масштабы, в Цинны создали специальное Бюро по делам колонизации при Министерстве Иностранных Дел (Ли Фань Юань).

С середины XIX века активизировалась и внешняя политика России по отношению к Внешней Монголии. В 1861 году учреждается русское консульство в Урге. Согласно русско-китайскому договору 1881 года Россия получила право беспошлинной торговли на всей территории Монголии. Активную коммерческую деятельность здесь начали известные русские купцы и торговые фирмы. В 1895 г. в Петербурге был создан Русско-китайский Банк, а в 1900 г. в Урге и Улясутае открылись отделения этого банка¹.

Были открыты консульские учреждения со штатами чиновников в Улясутае (1906), Кобдо (1911), Маймачене (1916). В 1912 году была учреждена должность агента Министерства торговли и промышленности, введена в 1914 году должность советника по финансовым и экономическим вопросам при монгольском правительстве. С 1913 года была организована Монгольская бригада во главе с русскими офицерами, налажено почтовое сообщение, создана телефонная станция. Из России в Монголию постепенно начался экспорт не только товаров но и капиталов. Так, в конце XIX в. Было организовано акционерное общество «Монголор», с капиталом в 5 млн. руб., занимавшееся поиском и добычей золота. В Урге и других монгольских поселениях строились небольшие фабрики и заводы.

Таким образом, к началу XX века наблюдается заметное усиление внимания к Внешней Монголии со стороны Китая и России, неизбежным оказалось здесь соперничество русских и китайских купцов.

Однако постепенно соперничество капиталов переходит и в более крупное противостояние – на политическом уровне. Причем, толчком к активизации этого процесса явилась от-

¹ И. Я. Коростовец. «От Чингис-Хана до Советской республики», У-Б. 2004, стр 205

нюдь не политическая воля какого-либо государства, имеющего интересы в Монголии, а сами монголы, впервые за 200 лет проявившие себя как субъект международных отношений. Монголия стала активно добиваться сначала признания собственной независимости, а также – объединения всех монгольских народов в составе единого независимого государства, обозначив идею панмонголизма, как одну из центральных проблем «Монгольского вопроса». Россия, Китай и Япония (в меньшей степени) были вовлечены в данный процесс, и их интересы неминуемо пересеклись, открыв широкое поле для дискуссий, переговоров, дав повод для новых конфликтов и выяснения отношений.

М. И. Заверяев

Караимский национализм на пороге XX века

Впервые «тюркско-хазарская» теория происхождения восточно-европейских караимов была высказана русским востоковедом В. В. Григорьевым в статье «Еврейские религиозные секты в России» в 1846 году¹. Основные положения этой гипотезы были: «... наречие Татарского Языка, которым говорят русские Караимы, не заключает в себе ни малейшей примеси еврейских слов, оборотов или каких-либо других следов того языка которым должны были говорить их предки, если эти предки были точно Евреи... в очертаниях лица, и вообще в физиономии наших Караимов, также нисколько не проглядывает тот резкий национально-еврейский тип... что они не Евреи, а потомки тех древних Турок-Хазар, которые, как известно, исповедовали Закон Моисея и владели Крымом с VII до XI века». Позднее эта гипотеза была развита в работах В. Х. Кондараки и В. Д. Смирнова.

«Тюркско-хазарская» теория происхождения караимов получает права гражданства среди караимов Российской империи

¹ Григорьев, В. В. «Еврейские религиозные секты в России». Журнал министерства внутренних дел. С.-Пб., 1846. Ч. 15, с. 11-49.

лишь в 1890 году, когда по инициативе З. А. Фирковича и, как было особо подчеркнуто, при одобрении Караимского духовного правления был выпущен «Сборник узаконений Российской империи касательно русско-поданных караимов». Сама книга была очередным звеном в традиционной для караимского руководства политике, направленной на доказательство правомерности юридического разделения караимов и евреев в законодательстве Российской империи. «Сборник» открывался статьей профессора-тюрколога В. Д. Смирнова, которая представляла собой наиболее полное и логичное изложение «тюркско-хазарской» теории происхождения караимов².

Свидетельством того, что идеи, изложенные В. Д. Смирновым, нашли отклик, по крайней мере, у части караимов может служить то обстоятельство, что неперенным атрибутом караимских произведений историографического характера, увидевших свет на рубеже веков, становится включение тех или иных элементов «тюркско-хазарской» теории. Зачастую в этих произведениях грань между традиционным взглядом на караимскую историю, как на часть еврейской истории и «тюркско-хазарской» теорией настолько размыта, что невозможно определить каких взглядов придерживается сам автор того или иного произведения. К сочинениям подобного «гибридного» типа можно отнести исторический очерк Юфуды Кокизова «Караимы»³ и статью Ильи Казаса по истории и быту караимов в журнале «Караимская жизнь»⁴. Тогда же последовательным сторонником «тюркско-хазарской» теории происхождения караимов заявляет себя С. М. Шапшал. В 1896 году он опубликовал брошюру «Караимы и Чуфут-Кале в Крыму», где практически дословно повторил аргументацию В. Д. Смирнова.

Кризис в караимской общине наступает в 10-х годах XX века, когда после смерти Самуила Пампулова и Ильи Казаса

² Фиркович, З. А. Сборник старинных грамот и узаконений Российской империи касательно прав и состояния русско-поданных караимов. С.-Пб., 1890. Предисловие, с. vii-xxxvi.

³ Кокизов, Ю. Д. Караимы. Краткий исторический очерк. С.-Пб., 1898

⁴ N. N. «Общая заметка о караимах». Караимская жизнь 3-4 (август-сентябрь 1911): 48.

остаются вакантными места Таврического гахама и инспектора Александровского караимского училища, и караимская община остается, по сути, без центрального руководства. Оказывается, что в масштабах страны караимская община потеряла связанность общественной жизни, кандидаты на пост гахама предпочитают оставаться преуспевающими промышленниками, удачно делающими карьеру российскими чиновниками или адвокатами, чем занимать пост главы караимской общины. После ряда отказов от поста и неудачного съезда представителей караимских общин по выбору гахама в 1913 году, в 1915 году на пост гахама избирается С. М. Шапшал.

Караимская община стояла на пороге реформ и их характер во многом зависел от руководства общины. Серая Шапшал во время распада империи и усиления националистических настроений предложил простой принцип, что должен был послужить новым идеологическим основанием для успешного существования караимской общины – принцип этнического самоопределения караимов Восточной Европы. К началу реформ руководство караимской общины подтолкнула Февральская революция. Уже в июне 1917 года было созвано совещание «караимского духовенства», т.е. руководителей караимских общин. А в конце августа – начале сентября в Евпатории прошел «национальный караимский съезд». Центральным вопросом съезда стал вопрос о «самоопределении караимов в связи с национальными и религиозными вопросами, выдвигаемыми современными событиями»⁵. После долгих дебатов было принято предложение С. М. Шапшала, что «караимы, являясь коренными обитателями Крыма, представляют собою объединенную общностью веры, крови, языка и обычаев особую народность, издревле сохраняющую духовную связь со своими Константинопольскими, Ерусалимскими и Египетскими единоверцами»⁶.

⁵ «Вопросы, подлежащие обсуждению на Караимском Национальном Съезде 27 августа 1917 г. в г. Евпатории». Известия Таврического и Одесского Караимского Духовного Правления 1 (май 1917): 5.

⁶ «Протоколы заседаний Общенационального Караимского Съезда» Известия Таврического и Одесского Караимского Духовного Правления, 5-6 (ноябрь 1917): 5.

Караимский национализм в условиях идеологического и юридического размежевания с еврейской общиной, принял облик «научной», «тюркско-хазарской» теории. Как и любая другая национальная идея, «тюркско-хазарская» теория, будучи новой идеологией, возводила себя к «старой», «утраченной» традиции, возродить и объяснить которую удастся лишь на новом витке развития знаний. Отметим, что, защищая тюркское языковое «первородство» караимов, сторонники этой теории выражали свою позицию исключительно на русском языке, обращаясь, таким образом, к наиболее аккультурированной части караимской общины и разговаривая с ней на языке современной европейской культуры.

Куделин А.А.

Политические процессы в Османском Египте XVII – первой половины XVIII века в освещении отечественной и зарубежной историографии

Во второй половине XX столетия в отечественной и зарубежной историографии обозначился устойчивый интерес к османскому периоду в истории арабского мира. Благодаря большому количеству работ, посвященных этой тематике, было преодолено стереотипное представление об этом этапе истории как о периоде «застоя» и «упадка». Сказанное в полной мере относится и к политической истории османского Египта.

Наиболее ранние работы, в которых освещается политическая история османского Египта, были написаны французскими учеными, которые после окончания Восточного похода Наполеона долгое время занимали ведущие позиции в исследовании египетского общества. Среди работ французских ученых следует выделить работы Жана Марсея (1848) и Анри Деэрена (1935). Обе книги написаны на основе оригинальных арабских источников, фактический материал которых подвергся первичной обработке.

Следующая волна интереса западных исследователей к политической жизни Египта в османский период относится к 60-

м гг. XX в. В этот период усилиями таких выдающихся ориенталистов как Андре Рэймон, Стэнфорд Шоу и Питер Холт были введены в научный оборот материалы арабских летописных сводов и документы османских архивов, необходимые для характеристики политических процессов в османском Египте.

Основные научные интересы французского ученого А. Рэймона лежат в области социально-экономической истории османского Египта, однако ряд его исследований затрагивает и политическую тематику, в частности, статья, посвященная «кризису» 1711 г. (1965). Американский османист С. Шоу провел колоссальную работу по систематизации материала архивов османского Египта, результатом которой стала монография «Финансово-административная организация и развитие османского Египта, 1517-1798» (1962). Английский ориенталист П. Холт приобрел известность благодаря своим обобщающим работам по политической истории Ближнего Востока, среди которых следует выделить монографию «Египет и Благодатный Полумесяц (1517–1922). Политическая история» (1966). Работы Холта сохраняют актуальность и в наши дни, хотя некоторые его выводы подвергаются корректировке современными западными и отечественными востоковедами.

Среди работ следующего поколения западных арабистов и османистов наибольшее значение для данной тематики имеют работы израильского ученого Михаэля Винтера и американских исследователей Джейн Хатавэй и Даниэля Креселиуса. Исследования М. Винтера в области египетской социально-политической истории были изложены в обобщенной форме в монографии «Египетское общество при османском правлении, 1517–1798» (1992). В этой работе на широком фактическом материале автор рассматривает вопросы взаимодействия различных групп египетской политической элиты, городского, сельского населения и бедуинов. Основные научные интересы Д. Хатавэй лежат в области отношений внутри мамлюкского общества между «домами» и «группировками» мамлюкских беев – этой теме посвящена ее первая монография «Политика формирования «бейтов» в османском Египте. Возвышение клана Каздоглу» (1996). Среди работ Д. Креселиуса следует выде-

лить монографию, посвященную политическому режиму, сложившемуся в Египте в период правления Али-бея ал-Кабира и Мухаммад-бея Абу-з-Захаба (1981).

В отечественной историографии начало исследования османского периода в истории арабских стран было положено в работе В.Б.Луцкого «Новая история арабских стран» (1965). Политические процессы в османском Египте сразу после османского завоевания рассматриваются в работе Н.А.Иванова «Османское завоевание арабских стран» (1984). Большое значение при рассмотрении данной тематики имеют ряд статей Ф.М. Ацамба, посвященных административному управлению и социально-политическим позициям различных групп египетского общества. Внимание в рамках данной темы следует также уделить работам Е.И. Зеленева, в которых существенное место занимает анализ структуры управления, а также политическая жизнь османского Египта. Вопросы характеристики военной организации османского Египта и ее роли в управлении рассматриваются в статьях В.Е. Смирнова. Проблемы взаимодействия улемского корпуса и политической элиты Египта ставятся в монографии С.А.Кириллиной, посвященной исламским институтом османского Египта XVIII – первой четверти XIX в. (2000).

Из арабских авторов необходимо упомянуть Лейлу Абд ал-Латиф Ахмад, исследование которой «Администрация в Египте в османский период» (1975) отличается высокой научной культурой и по праву стоит в ряду лучших работ по данной тематике.

Политическая жизнь османского Египта затрагивается в работах большого количества отечественных и зарубежных авторов. Тем не менее, данная тема продолжает сохранять актуальность благодаря наличию малоисследованных источников, анализ которых позволяет по-новому расставить акценты при характеристике некоторых событий политической истории этой османской провинции. Кроме того, в ряде работ уже ставились, но пока еще не получили полного освещения проблемы влияния политических процессов на экономическую, культурную и религиозную жизнь османского Египта.

Кузьмина А.С.
кафедра истории Китая

«Тайваньская идентичность и будущее отношений в Тайваньском проливе»

Темой данного исследования является проблема, которая прежде в отечественной историографии затрагивалась лишь косвенно в работах, посвященных истории Тайваня начиная с 1970-х гг., в свете процессов ускоренной экономической и политической модернизации острова, однако специальных исследований данной темы в российском китаеведении фактически не существует. При этом данная тема является одной из наиболее изучаемых среди вопросов послевоенной истории Тайваня как на самом острове, так и в западной историографии, прежде всего, в американской. Подобный интерес к ней обусловлен современным развитием политической ситуации на Тайване, а также тем прямым влиянием, которое вопросы самоопределения населения острова оказывают на отношения между двумя берегами Тайваньского пролива.

Под «тайваньской идентичностью» сегодня понимается прежде всего самоопределение жителей Тайваня (более 98 % которых являются переселенцами либо потомками переселенцев из материкового Китая) в качестве самостоятельной, отличной от китайской, нации. Чаще всего в качестве аргумента в пользу уникальности «тайваньской нации» приводится оторванность Тайваня от Китая на протяжении почти века в период пребывания острова в качестве японской колонии (1895-1945), а также во время фактически полного отсутствия контактов между двумя берегами Тайваньского пролива в эпоху существования на острове военного положения (1949-1987), введенного эвакуационным правительством Китайской республики во главе с партией Гоминьдан. Таким образом, зачастую утверждается, что зарождение «тайваньской идентичности» можно отнести к периоду колониальной зависимости Тайваня от Японии. Данное утверждение несет в себе определенную долю истины, поскольку именно в это время наметились наиболее существенные различия между тайваньцами и китайца-

ми как в экономическом, так и, как следствие, в ментальном плане. Однако, на наш взгляд, нельзя сказать, что уже в это время тайваньцы ощущали себя «не китайцами». Не стоит забывать, что многие жители острова (в том числе и апологеты «тайваньской идентичности») в своих воспоминаниях отмечали радость, которую они испытывали от «воссоединения с соотечественниками» и от «возвращения в лоно Родины» после поражения Японии во Второй мировой войне в 1945 г. На становление и эволюцию «тайваньской идентичности» повлияли, на наш взгляд, прежде всего события, произошедшие после капитуляции Японии, именно в период правления партии Гоминьдан, одной из идеологических установок которой было привитие тайваньцам сугубо китайского самосознания. Среди этих событий нужно назвать прежде всего Инцидент 28 февраля 1947 г., политические репрессии («белый террор») 1950-70-х гг. Именно во время правления партии Гоминьдан, в результате неэффективной экономической и социальной политики властей в первые годы после передачи острова под власть Китая и последующих событий тайваньцы начали осознавать свои отличия от материковых китайцев. «Тайваньская идентичность» развивалась вопреки идеологическому воспитанию со стороны гоминьдановского правительства. Сознательная демократизация властями общественной жизни на острове не только не способствовала угасанию «тайваньской идентичности», а наоборот, создала благоприятные условия для ее стремительной эволюции. Таким образом, становление и эволюция «тайваньской идентичности» тесно связаны с авторитарным правлением партии Гоминьдан.

Немаловажным катализатором развития «тайваньской идентичности» являются агрессивные заявления КПК о том, что «Тайвань является неотъемлемой частью Китая». Однако развитие и политическая реализация «тайваньской идентичности» сталкиваются с сопротивлением не только материкового Китая, но и с противодействием со стороны определенных групп населения на самом острове. В данной связи можно говорить о двух аспектах «идентичности», выделяемых в социологии и представленных на Тайване: это «государственная

(национальная) идентичность» и «этническая идентичность». С этнической точки зрения тайваньцы выделяют себя в качестве отдельной от китайской нации. Это выражается в призывах к распространению так называемого «тайваньского языка» (южнофуцзяньского диалекта китайского языка), в придании все большего значения собственно тайваньской истории и культуре в школьной программе, подчеркивание роли аборигенных жителей острова как его коренного населения и др. С точки зрения «государственной идентичности», можно выделить две основные группы населения, первая из которых выступает за независимость от материкового Китая, настаивая на том факте, что на Тайване уже на протяжении 50 лет существует самостоятельное государство под названием «Китайская республика». Эти люди не являются сторонниками «тайваньской идентичности» в ее этническом аспекте, подчеркивая культурную связь населения острова с населением материка. Вторая группа выступает за вступление острова в ООН в качестве независимого государства под названием «Республика Тайвань». Именно эти люди являются главными апологетами «тайваньской идентичности» в ее этническом смысле, отстаивая полную культурную отличность тайваньцев от китайцев. Большая часть из них проживает в экономически менее развитых южных районах острова. Таким образом, в настоящее время проблема «тайваньской идентичности» создает определенную напряженность не только между двумя берегами Тайваньского пролива, но и между различными группами населения на самом острове.

О.В. Новакова

Концепция властной идеологии Вьетнама в контексте общей дальневосточной цивилизации и основные догматы христианства

Первые, характерные для традиционных обществ Востока религиозно-мифологические представления о власти в целом отвечают свойствам «общемировой универсалии» – культа ха-

ризматического царя, обладающего магической силой. Благодаря этой силе он способен исполнять сакральные функции – «преображать» социум через «поучение», оказывать мироустроительное воздействие на Космос и устанавливать коммуникацию с высшими силами¹.

Основы вьетнамской культуры тесно связаны с китайской культурной традицией и китайские представления о власти распространились во Вьетнаме. Но это не означает, что вьетнамская властная концепция была полностью идентична китайской.

Суть вьетнамской «властной идеологии» составляет культ правителя, стоящий в центре всей идеологической системы традиционного общества. Именно вокруг культа правителя, а не культов божественных персонажей концентрировалась официальная религиозная традиция страны, сочетая в себе три элемента: культ Неба, императорских предков и жертвоприношения у алтаря – шэ (культ плодородия)². Таким образом проявляется главная черта монархической властной идеологии – стремление к всеохватывающей «монополии» на сакральные формы воплощения прижизненной и посмертной власти.

Появление и упрочение института культа правителя как носителя верховной власти обуславливалось в Китае и во Вьетнаме экономическим фактором – ограниченностью земельных ресурсов, что побуждало государство стремиться к присвоению права монопольного землевладения и концентрации власти в руках одного человека, а также древним китайским представлением о единстве и упорядоченности социокосмических процессов и жесткой сфокусированности мирового пространства, которые предполагали наличие единой фигуры координатора этих процессов.

Культом правителя не имел собственной социальной организации, отличной от государственных структур. Это значит, что все сакральные функции возлагались на правителя и административные чины в соответствии с их рангом: чиновники ведали организацией и проведением культовых, ритуально-этикетных и светских придворных церемоний. Даже астрология – типич-

но жреческая область для многих других регионов Азиатского мира – находилась в Китае и во Вьетнаме в ведении специальных чиновников, совмещавших обязанности летописцев, ученых – историографов и астрологов³.

Вся модель государства отождествлялась с упорядоченным и централизованным космосом, универсальным пространством, в основе которого лежала идея духовной и политической интеграции территорий в единое пространство монархической власти⁴.

Таким образом, создавалась специфическая ситуация, когда государство в лице верховного правителя обладало авторитетом в религиозных вопросах. Поэтому все религиозные системы, если они признавались в империи, трактовались как вспомогательное поучение.

Само же государство в странах Дальнего Востока и во Вьетнаме, в частности, опиралось на всю систему народных верований и поэтому обладало собственным сакральным фундаментом, а власть фактически представляла собой синтез религиозного и политического, ритуально-политический союз, персонифицированный фигурой правителя. Взаимодействие власти и народных верований носит активный характер и направлено сверху вниз: религиозная система страны представляет собой не хаос народных верований, а хорошо организованную систему религиозной активности, которая приобрела столь единообразный вид под несомненным воздействием со стороны властей⁵.

Верхний этаж этой структуры составляла собственно власть, государственный культ и политическая доктрина, объясняющая синтез ритуального и политического. Среди народных верований – нижний этаж структуры государственной идеологии вьетнамских правителей – функции «скрепления» нации, стабилизатора общественных настроений, гаранта преемственности поколений во Вьетнаме вместо религии исполнял квазирелигиозный институт – культ предков, во все время доминировавший в духовной жизни населения.

Специфическая ситуация, когда государство обладало авторитетом в религиозных вопросах, привела к тому, что в странах

Дальнего Востока распространение других религий – буддизма, в первую очередь, проходило постепенно, проникая в разные сферы жизни, но не приводя к полному обращению населения этих стран в новую веру⁶. Исключение составляла ситуация с христианством (католицизмом), особенно во Вьетнаме и в Японии (до «закрытия») страны.

Говоря о влиянии китайской культуры на вьетнамскую, особенно в области мышления, философии и науки, можно сделать вывод о переносе, «трансплантации» главных элементов китайской натурфилософии. Именно это, а не конфуцианство, даосизм или китаизированный буддизм, составляет по мнению российского исследователя А. В. Никитина, сущность китайского влияния⁷. Главным критерием служили ценности государственной идеологии – полезность государству и государственному управлению.

Наиболее полно концепция государственной идеологии Китая была воспринята во Вьетнаме в XIX в., в империи Нгуенов, найдя свое материальное воплощение в дворцовом императорском комплексе столицы империи Хюе. Само описание местности, где расположена столица, отражает ее восприятие как пространства с особым статусом, как географического центра вьетнамского государства⁸. Вместе с тем, центр государства понимался как сакрально-политический фокус всего мирового пространства, персонифицированный фигурой правителя и соотносимый с резиденцией правителя и столицей. Сакральный образ центра воспринимался также как в высшей степени благоустроенное, «идеальное» пространство в результате воздействия высших сил, Неба и Земли, культы которых занимали особое место в китайско-вьетнамской религиозной традиции и концепции власти⁹.

Таким образом, Вьетнам имея явные параллели в области властной идеологии, вписывается в контекст общей дальневосточной культуры с центром в Китае.

Встреча христианского вероучения Запада с Востоком произошла задолго до начала эпохи «классического» колониализма. Начавшаяся в странах Азии в XVI в. Проповедь христианского вероучения выявила цивилизационно – культурные и

менталитетные отличия стран Востока и Запада до их противоположности, в частности, в странах конфуцианского мира, в том числе и во Вьетнаме.

Имеется в виду религиозное дуалистическое христианское мировоззрение, основанное на Божием откровении и мире тварном, созданном Богом (в Китае и Вьетнаме – понятие извечной самосущной природы, мир состоит из десяти тысяч вещей), возвеличивание человеческой индивидуальности через учение о теологии души в христианстве, понимание смысла жизни для христианина в его связи с Богом и т. д.¹⁰ Архаическая религия Китая уже со времен Конфуция утратила всякий трансцендентный смысл и трансформировалась в чистую космологию. Идея единого Бога – Творца, Создателя мира в конфуцианской концепции отсутствовала.

Примечания

1. Кравцова М. Е. История культуры Китая. СПб, 1999. С. 145
2. Мартынов А. С. Государство и религия на Дальнем Востоке. М., 1987. С.125
3. Кравцова М. Е. История культуры Китая СПб, 1999. С. 147
4. Бандиленко Г. Г. Концепция монархической власти как объект систематического описания // « Три четверти века. Д. В. Деопику, друзья и ученики» М., 2007. С. 70-78
5. Мартынов А. С. Государство и религия на Дальнем Востоке // Буддизм и государство на Дальнем Востоке. М., 1987. С. 5
6. Мартынов А. С. Государство и религия на Дальнем Востоке. М., 1987. С. 15
7. Никитин А. В. Универсальные характеристики традиционной вьетнамской мысли // Универсалии восточных культур. М., « Наука» 2001 С. 265
8. Dai Nam nhât thông chí Ha-nôi, 1959, Т. I
9. Кравцова М. Е. История культуры Китая, СПб., 1999. С. 106
10. Новакова О. В. Христианство и конфуцианский мир // «Три четверти века. Д. В. Деопику, друзья и ученики» М., 2007 С. 220.

Олюнин С.В.

Доцент, кандидат исторических наук

Перспективы междисциплинарных подходов в изучении современной истории Турции

Почему мы сегодня обращаемся к вопросу применения междисциплинарных подходов в востоковедении? Односложного ответа на этот вопрос нет, но есть ряд взаимосвязанных позиций, которые в силу своей значимости и важности могут задавать проблемное методологическое поле. Неотъемлемой частью современного исследования является взаимопроникновение дисциплин, расширение проблемного поля, заимствование методов из других областей гуманитарного знания. Кроме того, изменилось отношение исследователя к объекту исследования – теперь это комплексный подход, включающий максимально возможный набор методологического инструментария. Проблематика исследований открывает выходы на дальнейшую работу ученых не только на «своем поле» или в смежных областях, но и в совершенно новых, ранее не изученных.

Опыт такого взаимодействия в рамках междисциплинарных подходов может быть показан на примере концепта идентичности. В применении к конкретному объекту исследования – современной Турции – речь будет идти о коллективной (национальной) идентичности. Важность комплексного изучения Турции заключается в том, что национальная турецкая идентичность переживает серьезные испытания. Появление национального Турецкого государства во многом стало результатом модернизационных процессов, проходивших в XIX и начале XX вв. в Османской империи. Созданное и поддерживаемое малочисленной политической элитой Турецкое государство стало примером относительно успешного конструирования коллективной идентичности в контексте взаимодействия традиционных мусульманских и европейских социальных институтов.

Построение и развитие национальной идентичности в Турции на протяжении всей истории имело конкурента в лице исламистских движений, влиявших на процессы идентификации

жителей Турции. Две силы – национальная политическая и военная элиты, опиравшиеся на концепцию кемализма с одной стороны, и различного рода часто не институализированные исламские объединения с другой, оспаривали право на функцию универсальной репрезентации национальной идеи.

При изучении современной национальной идентичности Турции, нельзя обойти вниманием турецкие общины в странах Западной и Восточной Европы. Новые турецкие общины сталкиваются с необходимостью социальной адаптации. Условия адаптации в Восточной Европе (Польша, Украина, Беларусь, Россия) отличаются от условий в странах Западной Европы (Германия, Франция, Италия). Соответственно, этими общинами применяется и иная стратегия социальной адаптации. В данном случае идентичность общин трансформируется не только под влиянием внутренних механизмов, но и инокультурной среды. Постановка проблемы соотношения идентичностей иммигрантов и коренных жителей, которые сами испытывают трудности со становлением национальных идентичностей, является актуальной и своевременной.

Важной составляющей формирования турок как политической нации стала лингвистическая общность. Создание нации сопровождалось постоянной реформой и преобразованием современного литературного турецкого языка, через который формировалось национальное сознание. Отношение к истории, к местам памяти, как важным элементам коллективной идентичности, проявилось в отказе от наследия Османской империи. Наиболее популярными сюжетами, разрабатываемые в Турецкой Республике, стали сюжеты представляющие Турцию наследницей древних цивилизаций Анатолии.

При изучении современной истории Турции через концепт идентичности значительно расширяется и круг источников. Наряду с традиционным подходом к изучению источников, в котором главный упор делается на письменный нарратив: документы, материалы, мемуары, пресса, публицистика и т.д., в данном случае в качестве источника привлекается комплекс, который можно назвать гипертекстом. Под гипертекстом понимается продукт коллективной и индивидуальной деятельности

людей, в который входят художественная литература, фильмы, музыка, организация быта, религиозные практики, устный нарратив (в широком смысле).

Таким образом, применение междисциплинарных подходов в изучении современной истории Турции позволяет значительно расширить круг проблематики, что в свою очередь увеличивает возможности исследователя для решения большего числа задач. Привлечение в историческое исследование методов из других социально-гуманитарных дисциплин, соответственно, расширяет и круг привлекаемых источников, что придает исследованию комплексный и многогранный характер.

Симонова-Гудзенко Е.К.
ИСАА МГУ

Кафедра истории и культуры Японии

Понятия географической карты в японской письменной культуре VIII-XII вв. (тезисы)

1. Одной из главных посылок данного исследования явилась коллективная монография, посвященная понятию *mxy* (яп. *dzu*) в китайской письменной культуре. «**Graphics and Text in the Production of Technical Knowledge in China: The Warp and Weft**». *Francesca Bray, Vera Dorofeeva-Lichtmann, Georges Metailie (eds.)*. Leiden: Brill, 2007. Монография состоит из 18 статей, посвященных исследованию понятия, от космограм и религиозных талисманов 200 г. до н.э. до изображений машин XIX в. Как пишет автор предисловия Франческа Брей: «Преимущество подобного подхода позволяет выявить то, что китайцы считали научно-техническими характеристиками, соответствующими всему спектру графических представлений, известных как *mxy*, самостоятельных или сопровождаемых письменными текстами». Рассмотрение функционирования понятия ретроспективно, в разные исторические эпохи, позволяет увидеть его изменение, усложнение, многоаспектность.

Например, в эпоху династии Суй (581-618) наиболее распространенным значением *mxy* было «карта, план, чертеж».

Если принять во внимание, что наибольший объем попавшего в Японию культурного материала, включая письменные тексты, относился ко времени династий Суй-Тан (581-907), логично предположить, что именно этот аспект понятие *тху* (изображение, план, карта) мог получить наибольшее распространение на Японских островах.

Однако думается, что появление и существование понятия *дзу* следует рассматривать в контексте рано выработанного японской культурой механизма заимствования и адаптации инокультурных форм и явлений, который проявлялся по-разному в каждом конкретном случае.

2. Современные словари древнеяпонского языка представляют два значения понятия: 1) картина, рисунок, географическая карта, 2) аспект, знак, способ. Причем на первое значение в качестве примера дается ссылка на указ государя в «Сёку ни-хонги» от 738 г. Причем текст указа в источниках не обнаруживается, а под 738 г. [Тэмпё 10-5-28] встречаем написание о необходимости составить карты всех провинций государства.

3. Источниками исследования явились как хроникальные своды «Риккоку си», законодательный свод, деревянные таблички – моккан, актовые материалы эпох Нара (710-794) и Хэйан (794-1192).

4. Первые упоминания *дзу* встречаются в ранних письменных памятниках *Нихонсёки* (720), *Сёкунихонги* (797) и *Тайхорё* (нач. VIII в.).

Уже в «*Нихонсёки*» есть некоторые сведения, позволяющие полагать, что составители хроники были знакомы с трудами китайских географов. Это и упоминания о китайских картах и книгах, которые попали на Японские острова в общем массиве текстов с материка.

Понятие *дзу* (кит. *тху*) встречается в первом японском своде законов Рицурё (нач. VIII в.) В статье 6 *Дзусёрё* (в русском переводе Архивное управление) раздела *Сёкуинрё* (Штаты ведомств). Известно, что, начиная с периода Хань, центральное управление китайской империи обязательно включало ведомство документов и карт Неба и Земли. Оно называлось *тхушу* (карты и документы) или *тхудзи* (карты и архивы). Подобно

административной системе в целом оно явилось моделью японского ведомства, которое подробно расписано как по штатам, так и функциям.

5. Моккан – особый тип источника, содержащий в первую очередь хозяйственную документацию, но в небольшой части и информацию об образовании, литературе и др. База данных моккан института Нара дает возможность посмотреть частоту встречаемости иероглифа, контекст, в тех случаях, когда он сохранился в более, чем 44 тысячах деревянных табличек. Исследование позволило выявить всего лишь 20. Однако для исторического исследования даже подобная небольшая статистическая частота существенна, поскольку позволяет увидеть специфику. В моккан встречается два вида использования иероглифа: фонетик в названии уезда *Хадзу* провинции *Микава*; и в названии ведомства *Дзусёрё*.

6. В документации периодов Нара (646-794) и Хэйан (794-1185) встречается довольно большое количество упоминаний.

Нара ибун – 213 в период с 731 по 832 гг. Упоминается как в названии ведомства, так и самостоятельно, как некие «планы», «карты» страны Тан, страны Сираги, «изображения» Будды и ряд других.

Хэйан ибун – 549 в период с 728 по 1185 гг. Преобладают упоминания «изображений» Будды, но также «планы, карты» и как элемент названия ведомства *Дзусёрё*.

Выводы. Исследованный материал, позволяет предположить, что

- иероглиф *дзу* был достаточно хорошо и широко известен, о чем свидетельствует его использование в качестве фонетика;
- авторы японских письменных источников VIII-XII вв. были знакомы с работами китайских и корейских картографов и художников;

Однако на данном этапе исследования говорить о существовании собственно японских географических карт и планов пока затруднительно.

Экономика

Ананьин М.А.

Трудовая миграция бирманцев в Таиланд

Международная трудовая миграция является одним из крупнейших явлений XXI века. В условиях развития современного мира, капиталистического производства, все большего проникновения товарно-денежных отношений она начинает играть особую роль во взаимоотношениях государств.

В современном мире, когда стремление к экономическому благополучию остается основной причиной для массовых и устойчивых миграционных потоков, азиатские государства, обладающие значительными людскими резервами, начинают играть все большую роль во внешней трудовой миграции. Особый интерес представляют страны-соседи, когда в силу более успешного экономического развития одна из них начинает привлекать трудовые ресурсы другой. К таким можно отнести Таиланд и Мьянму, расположенных в центре Индокитайского полуострова, имеющих общую границу протяженностью около 2400 км, общие исторические корни, этническую и национальную близость, которые оказывают влияние на характер развивающихся между ними межгосударственных отношений.

Отношения между Мьянмой и Таиландом имеют многовековую историю. Обе страны обладали районами с обшир-

ными площадями свободных, пригодных для освоения земель, благоприятный климат и плодородие почв позволяли получать большие урожаи риса на сравнительно ограниченных территориях. Войны между ними XVI и XVIII вв. велись не за захват территорий, а за контроль над людскими ресурсами. В результате происходил определенный процесс смещения населения, поскольку многочисленные людские группы, выведенные в результате войн, расселялись на территориях победителей.

В современный период трудовая миграция мьянманцев в Таиланд является существенным демографическим фактором, во многом определяющим взаимоотношения между странами и в определенной степени способствует их сближению. В тоже время большие потоки мигрантов из Мьянмы, которые получают возможность жить и работать в Таиланде, оказывают определенное влияние не только на социальные процессы внутри Мьянмы, но и на характер развивающегося там общества. В связи с этим будет интересно проследить количественные параметры трудовой миграции мьянманцев и попытаться определить степень воздействия данного фактора на происходящие в обеих странах экономические и социально-политические процессы.

К началу 90-х годов Таиланд был одной из наиболее быстро развивающихся стран ЮВА и переживал процессы интенсивного промышленного развития. Бирма же в эти годы, в результате изоляционистской внутренней политики военного правительства, переживала длительный процесс экономической стагнации и застоя.

Для поддержания и увеличения темпов роста экономики Таиланду был необходим приток дешевой рабочей силы, которую можно было использовать на низко квалифицируемых и мало оплачиваемых работах, так называемых, «3-D jobs» (dangerous, dirty and difficult).

Наиболее сильный поток мьянманских трудовых мигрантов начинается с 90-х годов, то есть на период происходящего в Таиланде экономического бума. В обеих странах не существует четкой системы статистического учета трудовых мигрантов,

поскольку значительная часть из них пребывает в Таиланд нелегально.

К концу 90-х гг. Общее количество проживающих в Таиланде мьянманских рабочих определялось в пределах от 1,5 до 2 млн. человек. В то же время количество официально зарегистрированных не превышало 800 тыс. человек.

Большинство мигрантов приезжают в страну из приграничных с Таиландом районов Мьянмы. Работа в Таиланде это возможность заработать деньги и прокормить оставшуюся на родине семью. Средний заработок мигранта составляет от 70 до 200 тайландских батт в день (2-7 долл. США).

Трудовая миграция способствует не только улучшению материального положения низко доходных граждан Мьянмы, но и в определенной степени оказывает влияние на происходящие в стране социальные и политические процессы происходящие там. Для них работа за границей это не только источник получения доходов, но и возможность привлечь к себе внимание окружающих. По сравнению с гигантским десятиллионным Бангкоком с его современной инфраструктурой Янгон – один из рядовых городов мира. Для большинства жителей Мьянмы поездка в соседний Таиланд становится эпохальным событием во многом меняющее их представление о собственной стране.

Закрытость страны, политика изоляции, ограниченность современных связей, недостаток информации неизбежно воздействует на менталитет рядовых мьянманцев и определяет их недоверие к сведениям, которые приносятся в страну иностранцами. Возможность работы и длительного пребывания в Таиланде, представляет им получить более реальное представление о современном мире. Основная масса побывавших в Таиланде мьянманцев возвращаются в страну обогащенные новой информацией, знаниями, новым уровнем квалификации. Большинство из них не стремятся трудоустроиться на родине, так как правительство не предоставляет им возможности, чтобы в полной мере реализовать, полученные в Таиланде знания.

Бакустин Александр Валерьевич

Старший специалист Отдела Ближнего и Среднего Востока
РИА «Новости» E-mail: a.bakustin@rian.ru

Новые тенденции во внешней политике современной Турции в 2000-е гг.

Окончание холодной войны явилось крупнейшим глобальным событием, эффект которого оказал сильнейшее влияние, затронув практически все государства современного мира. Кардинальные изменения 80-х — начала 90-х годов XX в. коснулись не только отдельных фрагментов мирового геополитического пространства, но и геополитической конфигурации мира в целом. В новых условиях стали меняться принципы международных взаимоотношений, причем уклон стал делаться больше на универсальность силы, а не на верховенство международного права. По замечанию Министра Иностранных Дел России Сергея Лаврова, «проясняются некоторые реалии, которые имеют определяющее значение для формирующейся новой архитектуры международных отношений». Современная история содержит в себе уже не мало примеров верховенство силы над международными нормами и обязательствами (распад Югославии 1999 г., военное вторжение США в Ирак в 2003 г.). Все перечисленные изменения заметно повлияли на выбор многих государств Евразии, подтолкнув их к пересмотру своих внешнеполитических ориентиров. К числу таких стран относится и Турецкая Республика.

Конец холодной войны предоставил Турции новые возможности для реализации своих внешнеполитических задач, однако вместе с этим, перед Турцией открылись совершенно новые географические области, которые таили в себе новые потенциальные угрозы. Традиционно, внешняя политика Турции республиканской эры, начало которой ведется с 1923 г., характеризовалась двумя центральными принципами. Первый и основной её элемент касался определенной ориентации на Запад, конечной целью которой была полная интеграция в Европейский Союз. Второй её принцип содержал в себе консервативный или защитный подход по отношению к внешней политике, который

основывался на том, что страна попыталась избежать экстерриториальных интересов или действий, простирающихся вне её границ. Распад СССР расширил турецкие горизонты внешней политики. Турция, точно так же как другие образовавшиеся государства, нуждалась в новом видении внешней политики, новом наборе принципов, новой парадигме, новой стратегии развития – чтобы справиться с последствиями окончания периода холодной войны и распада Советского Союза, который, как отмечает премьер-министр России Владимир Путин, «стал крупнейшей геополитической катастрофой века».

Турция пережила 1990-е гг. не имея четкой стратегии и концепции внешней политики, – именно такое мнение разделяют практически все известные исследователи проблем современной Турции (Баскын Оран, Зия Ониш, Бюлент Арас, Кемаль Карпат). Однако наиболее остро эту проблему обозначил известный турецкий политолог Мустафа Айдын. По его словам, «Турция оказалась не готова к столь стремительным изменениям геополитической картины мира и появлению у своих границ большого количества новых государств. Несмотря на все громкие заявления своих высших чиновников, она так и не смогла стать для них достойным партнером. Причинами этого стали непомерные требования и завышенные ожидания со стороны руководителей Турции в отношении этих государств. Несмотря на все очевидные успехи и неудачи внешней политики Турции, весь первоначальный период, который охватывает ровно десятилетие, начиная с официального признания Турцией новых независимых государств, можно охарактеризовать, как крушение надежд и ожиданий».

С приходом к власти в Турции партии Справедливости и Развития (ПСР), после парламентских выборов в ноябре 2002 г., внутренняя ситуация претерпела некоторые изменения. Новое руководство страны, ведомое премьер-министром Реджепом Тайипом Эрдоганом, предложило турецкой общественности программу внутривнутриполитического развития страны, новые принципы и стратегии, которые были положены в основу формирования концепции внешней политики Турции.

Ученые и исследователи проблем развития современной Турции используют различную терминологию в описании внешнеполитического курса правительства ПСР. Одна группа экспертов называют новый курс ПСР «Нео-османизмом», другие определяют его «Ре-исламизацией», третьи группы сходятся во мнении, что более точно современную внешнюю политику Турции следует обозначать «Частичной переориентацией на Восток».

Следует отметить, что с приходом к власти партии Т.Эрдогана на политической арене страны появились новая группа политиков (глава МИД Турции Али Бабаджан, президент турецкой части Кипра Мехмет Али Талат, председатель Парламента Турции Кёксан Топтан...). Однако в данном контексте хотелось бы остановиться на одной из ключевых политических фигур современной Турции – профессоре Ахмеди Давутоглу, главному советнику премьер-министра Турции Т.Эрдогана по вопросам внешней политики. Благодаря его концепции внешней политики, Турция смогла за небольшой временной период (2002-2008 гг.) превратиться в серьезного регионального и международного игрока, о чем могут свидетельствовать последние инициативы турецкого руководства: события на Ближнем Востоке, где Турция взяла на себя роль медиатора в примирении сторон и поиска решения арабо-израильского конфликта; на Южном Кавказе, где она выступила с инициативой создания «Платформы Безопасности и Стабильности на Кавказе», после того, как 8 августа 2008 г. разразился грузино-югоосетинский конфликт, превратившийся позже, с одной стороны, в войну между Россией и Грузией, а с другой, информационную войну России и Запада; на Кипре, где впервые, после неудачного плана бывшего Генерального секретаря ООН К.Аннана, появилась реальная возможность разрешения кипрского вопроса мирным путем.

В своей книге под названием «Стратегическая глубина» (Stratejik Derinlik) А.Давутоглу детально анализирует потенциальную историческую и географическую «глубину» Турции, а также предлагает обратить внимание на новые подходы к парадигме турецкой внешней политики, которая преобразует

роль Турции из того, чтобы быть страной «крыла» (kanat ülke) периода холодной войны, к тому, чтобы постепенно стать «центральной государством» (merkez ülke), и, наконец, достигнуть положения «глобального актора».

Литература

1. Интервью Министра Иностранных Дел России С.Лаврова.// Московские Новости, 03.03.2006
2. Мукиджанова Р.М. «Страны Центральной Азии. Азиатский вектор внешней политики». М., 2005
3. В.В.Путин «Послание Федеральному Собранию Российской Федерации», 25.04.2005
4. M.Aydin. «Türkiyenin Avrasya Macerası 1989-2006», Ankara 2007
5. A.Sözen. «A Paradigmatic Shift: New Principles of Turkish Foreign Policy Making», Levkoşa 2008

В.В.Бойцов

Мировой экономический кризис и страны Юго-Восточной Азии

К началу 2009 г. мировой экономический кризис, так или иначе, сказался на хозяйственной, социальной и политической жизни почти всех регионов современного мира, включая страны Юго-Восточной Азии (ЮВА). Вместе с тем, в отличие от 1997-1998 гг., когда эти страны оказались в эпицентре деструктивных явлений в мировой экономике, кризисные явления в середине 2008 – начале 2009 гг. проявились там пока не столь очевидным образом. Заметнее всего они оказались в Сингапуре, что связано с исключительно высокой степенью включенности этой страны в мировое хозяйство и преобладанием в структуре ее общественного производства финансовых и торгово-посреднических услуг. Всего по итогам за 2008 г. объем валового внутреннего продукта в Сингапуре сократился, по сравнению с 2007 г., на 0,5 % и достиг самого низкого уровня за последние семь лет, а инфляция составила 6-7 %, что стало самым высоким показателем за двадцатилетний период.

Однако большинство остальных стран ЮВА в начале 2009 г. оказались либо слабо, либо вовсе не затронутыми мировым кризисом. Поэтому, несмотря на некоторое торможение экономического роста в отдельных странах региона, как например, на Филиппинах, среднегодовые темпы роста общественного производства в регионе в целом прогнозируются в текущем 2009 г. на достаточно высоком уровне в 5,7 %. Столь оптимистическая оценка перспектив экономического развития стран ЮВА на ближайшую перспективу основывается на констатации того факта, что банковская система в регионе, по крайней мере до настоящего времени, не столкнулась с проблемами сопоставимыми с проблемами, переживаемыми финансовыми учреждениями в США и Европе. Такая относительная «защищенность» кредитно-банковской системы в странах ЮВА является следствием не только ее периферийного положения среди мировых финансовых институтов, но и опыта приобретенного руководителями этих стран в ходе финансового и экономического кризиса 1997-1998 гг. и учтенного ими при ее реформировании в послекризисные годы. Именно негативный опыт кризиса 1997-1998 гг. побудил руководителей государств региона к разработке коллективных мер в рамках АСЕАН для защиты от него прежде всего кредитно-банковской и финансовой сферы. В качестве основного инструмента этой защиты в 2000 г. была выдвинута так называемая «Чиенгмайская инициатива», предполагавшая создание регионального резервного фонда для поддержания и стабилизации курса валют государств-членов сообщества.

В целях противодействия кризисным явлениям в указанных сферах хозяйства страны ЮВА не ограничиваются структурами АСЕАН, а используя заинтересованность своих ближайших соседей в стабильном развитии экономики региона, рассчитывают опереться на новые межстрановые институты, образованные на базе АСЕАН с участием Китая, Южной Кореи и Японии («АСЕАН+3»). Итогом усилий государств ЮВА в этом направлении явилось присоединение Китая, Южной Кореи и Японии к «Чиенгмайской инициативе» и решение о формировании к лету 2009 г. регионального резервного фонда объемом

в 80 млрд. долл. США, а согласно договоренностям, достигну-
тым в феврале 2009 г., т.е. уже в условиях мирового экономи-
ческого кризиса, – в 120 млрд. долл. Принимая во внимание,
что в соответствие с теми же договоренностями, до 80 % всех
расходов по формированию этого фонда будет обеспечено тре-
мя экономическими лидерами группировки «АСЕАН+3», а
именно Китаем, Южной Кореей и Японией, нельзя не признать
дальновидности руководителей стран ЮВА, задолго до кризи-
са проявивших инициативу по созданию новой конфигурации
государств на базе АСЕАН. Со своей стороны, старые члены
сообщества согласились расширить инвестиционные програм-
мы в странах-членах АСЕАН «новой волны», относящихся к
числу экономически наиболее отсталых стран региона с тем,
чтобы оказать им дополнительную поддержку в это непростое
время.

Не меньшую опасность для экономики стран ЮВА, наряду
с возможным обесцениванием местных валют, представляет и
перспектива сокращения спроса на их промышленную про-
дукцию на мировом рынке. Так как индустриальное произ-
водство в большинстве стран региона ориентировано главным
образом на экспорт, уменьшение сбыта его продукции на
внешнем рынке несет для него угрозу существенного спада. В
связи с этим правительства стран ЮВА предприняли соответ-
ствующие шаги, направленные на рост внутреннего спроса и
переориентацию товарных потоков с внешнего на внутренние
рынки. В дополнение к этому лидеры сообщества согласились
снять все еще сохраняющиеся между их странами протекцио-
нистские барьеры и договорились воздержаться от введения
новых торговых ограничений с тем, чтобы стимулировать вза-
имный экспорт и поддержать промышленное производство в
регионе.

Наконец, признавая важность внутрирегионального сотруд-
ничества для противодействия мировому кризису, руководите-
ли стран ЮВА на 14-м Саммите глав государств-членов АСЕ-
АН в феврале 2009 г. пришли к выводу о сокращении сроков
реализации планов региональной интеграции в сообществе, по
крайней мере, на 5 лет.

А.Л. Гевелинг

Инвестиционное законодательство и условия ведения бизнеса в странах Африки южнее Сахары

Важным элементом разработки инвестиционного законо-
дательства странами субсахарской Африки стало заключение
ими международных многосторонних или двусторонних со-
глашений и конвенций, в которых содержатся условия, затра-
гивающие те или иные вопросы инвестиционных отношений.
Наибольшее распространение в международной практике по-
лучило включение в торговые соглашения отдельных положений
об экономическом и техническом сотрудничестве, финан-
совой, военной и продовольственной помощи, о взаимных
или коллективных гарантиях некоммерческих рисков, связан-
ных с прямыми иностранными инвестициями. При взаимо-
действии с развитыми странами применяются также специ-
альные двусторонние соглашения, регулирующие широкий
круг вопросов, касающихся инвестиционных отношений меж-
ду государствами. Обычно такие соглашения заключаются
странами-экспортерами капитала с целью защиты от неком-
мерческих рисков и подтверждения экономических гарантий
своих компаний.

В двусторонних межправительственных соглашениях и кон-
венциях нередко оговариваются сферы приложения прямых
инвестиций, что дает право на их защиту от национализации и
других некоммерческих рисков. В них также определяется ин-
вестиционный режим, предоставляемый местным инвесторам,
уточняются процедуры вывоза прибылей и репатриации капи-
тала. При этом стороны стремятся со всей возможной точнос-
тью зафиксировать способы и формы взаимных расчетов, рас-
чета сумм, причитающихся иностранному инвестору в случае
ликвидации или прекращения деятельности предприятия после
выполнения им своих обязательств.

При заключении двусторонних конвенций и соглашений о
гарантиях африканские государства нередко выдвигают
встречные требования относительно гарантий на правитель-
ственном уровне о выполнении фирмами своих обязательств

по инвестиционным соглашениям и контрактам. Однако западные страны, как правило, не выполняют эти требования под предлогом неправомочности вмешательства принимающих стран в деятельность частных компаний.

Особое место в ряду экономических привилегий занимают налоговые льготы, которые рассматриваются законодательством африканских стран как главная составная часть «благоприятного инвестиционного климата». Эти льготы выражаются обычно в полном или частичном освобождении фирм, создаваемых с использованием иностранного капитала, от уплаты регистрационных сборов (взимаются при учреждении компании); от налогов на недвижимое имущество предприятия, промышленную и торговую прибыль (в том числе реинвестированную) и на доходы от движимого имущества, а также от других налогов и сборов в зависимости от действующей в каждой конкретной стране налоговой системы.

Налоговые льготы предоставляются на определенный срок, обычно на первые три – пять лет существования фирмы, это, безусловно, помогает предприятию «встать на ноги», вывести производство на проектную мощность. Однако не следует забывать, что в первые годы своей деятельности в данной африканской стране иностранное предприятие зачастую не имеет значительной прибыли и поэтому не может в полной мере воспользоваться предоставленными ему льготами. Именно по этой причине иностранные фирмы стремятся получить налоговые льготы на возможно более длительный срок. Наиболее «либеральные» инвестиционные законодательства предусматривают возможность пролонгации установленных сроков на пять и более лет.

Общей для всех африканских стран-экспортеров нефти является тенденция к увязыванию уровня налоговых льгот с размерами инвестиций, сделанных иностранными фирмами. В результате такого подхода наибольший выигрыш от налоговых льгот, как правило, получают крупные компании и прежде всего транснациональные корпорации.

Особой разновидностью льгот для иностранных инвесторов, зафиксированных в национальных законодательствах, можно

считать таможенные льготы. Обычно их появление связано с решением задач привлечения в экономику той или иной страны иностранных инвестиций и товаров иностранного производства. Такие задачи должны отвечать правительственному курсу на замену импорта, создание экспортноориентированного производства, привлечение из-за рубежа современных технологий.

Наибольший интерес для иностранных инвесторов представляют валютные льготы, предполагающие более «либеральный» режим валютного контроля, а также дающие возможность свободного вывоза всей или значительной части прибыли. Кроме того, валютные льготы позволят в полном объеме (часто с учетом установленного процента нормы прибыли) репатриировать капиталы при ликвидации или прекращении деятельности предприятия. Следует подчеркнуть, в настоящее время африканские страны стремятся в разумных пределах ограничить вывоз прибылей иностранных компаний, чтобы воспрепятствовать максимальному сокращению сроков окупаемости ввезенного капитала.

Гельбрас В.Г.

Новая стратегия развития КНР и мировой экономической кризис

1. На протяжении 2002-2008 гг. в КНР происходило постепенное осознание проблем и противоречий, вызванных созданием экономики, ориентированной на форсированное развитие экспортного производства. Потенциал страны многократно увеличился благодаря использованию специфической модели экономического **роста**. Следствием её применения явился глубокий социально-экономический кризис, выразившийся в односторонности и разбалансированности экономики и общественных отношений.

2. Высшее руководство выступило с принципиально новой концепцией национального развития. В её основу положена идея гармонизации всех сторон общественной жизни. Возникла необходимость разработки специфической модели **разви-**

тия. При этом сохраняется экспортная ориентация отдельных регионов страны.

3. В решениях 2008 г. (ещё не зафиксированных в соответствующих законодательных актах) необходимо, прежде всего, обратить внимание на три их базовых компонента. **Первый:** намечено объединить город и деревню в единый экономический, социальный и культурный комплекс. Эту задачу намечено выполнить «в основном» к 2020 г. Идёт процесс постепенной отмены «сельскохозяйственной» прописки крестьян, затрудняющей их миграцию по стране в поисках места работы. Формируется национальный рынок рабочей силы. **Второй:** крестьянство получает равные избирательные права с горожанами. Увеличивается представительство крестьян в уездных и волостных собраниях народных представителей. К 2012 г. намечено осуществить реформу волостных и поселковых учреждений. Предусмотрено сделать более «совершенной» систему деревенского самоуправления и гарантировать демократические права крестьян. **Третий:** сохраняется «неизменным на длительный срок» (长久不变 – changjiu bu bian) право крестьян хозяйствовать на подрядном участке. Он признается «важным средством производства крестьян и их базовой социальной гарантией». Законом будет гарантировано право крестьян на владение, использование подрядного участка и получение дохода. На основе добровольности разрешается с помощью различных форм передавать право подрядного хозяйствования. Создаётся «рынок передачи права хозяйствования на подрядном участке». «На основе принципов добровольности и платности» разрешается крестьянам передавать подряд, сдавать подрядный участок в аренду, обменивать, уступать его, использовать в качестве пая в кооперативе для создания разнообразных крупных хозяйств. Тем самым открывается путь к постепенному добровольному формированию крупных сельскохозяйственных кооперативных объединений и созданию земельного рынка.

3. Мировой экономический кризис нанёс немалый ущерб Китаю. Постепенно уточняемая и дополняемая антикризисная программа правительства объективно способствует ускорению

реализации мер по становлению принципиально нового устройства общества и государства.

4. Антикризисная программа состоит из 10 разделов. Поскольку рассчитывать на быстрое изменение модели потребления населения не приходится, правительство использовало проверенную модель экономического роста – увеличение инвестиций. Прежде всего, намечено резкое увеличение масштабов железнодорожного и шоссейного строительства. Расширяется строительство и ремонт жилых и хозяйственных построек в деревнях, строительство биогазовых установок, водоочистных сооружений, сельских дорог, электросетей, ирригационных систем. Запланировано ускорить строительство учреждений просвещения, здравоохранения и культуры, особенно в центральных и западных районах страны. Отдельным направлением явилось экологическое строительство, особенно водоочистных и ассенизационных сооружений в городах, улучшение охраны лесов и энергосбережения. Выделены средства для инновационного развития. Для стимулирования технической перестройки производства намечено снизить финансовое бремя предприятий, провести реформу налога на добавленную стоимость.

Намечено проведение крупных восстановительных работ в районах, пострадавших от стихийных бедствий.

Для повышения доходов городского и сельского населения предусмотрено повышение закупочных цен на продовольственные культуры, увеличение субсидий и дотаций при приобретении крестьянами элитных семян, сельских орудий производства и ряда других промышленных товаров. Увеличиваются ставки доплат малообеспеченным семьям, норм базовых страховых выплат пенсионерам предприятий, а также норм воспомоществования нуждающимся.

Учитывая большую роль финансовой системы в обеспечении экономического роста, отменяются ограничения на размеры кредитов коммерческих банков, расширяются масштабы кредитования, особенно узловых объектов, сельского хозяйства, средних и малых предприятий, объектов технического перевооружения. Принципиально важно: создаётся деревенская финансово-банковская система.

Принят комплекс мер для максимального сокращения безработицы.

5. Несмотря на противоречивость и непоследовательность принятых мер, их реализация ведет к важным переменам в государственном устройстве Китая.

Дзюя С. В.

член Совета Российского Конгресса Народов Кавказа)

Интересы и позиции Турции в Закавказье; история и современность

В течение XVIII – XIX вв. Южный Кавказ был объектом соперничества трех мировых империй – Персидской, Османской и Российской. Поступательное движение России в регионе знаменуется с началом XIX в. В результате Адрианопольского мира 1829 г. Османская империя теряла все восточное побережье Черного моря.

С началом Первой мировой войны Османская империя терпит ряд серьезных поражений на Кавказском фронте, в 1916 году лишается турецких владений, Эрзурума, Трабзона и Эрзинджана. С приходом к власти большевиков, 16 марта 1921 г. подписывается Договор «О дружбе и братстве», между Турцией и Советской Россией. Во время второй войны возникло много разногласий между двумя странами, и связаны они были с прогерманской позицией Турции.

Результатом на такие действия со стороны советского руководства стало требование о необходимости пересмотра конвенции Монтрепредложения по созданию совместной военной морской базы для охраны Проливов, а также передачи грузинской и армянской союзным республикам ряда восточных областей Турции. С середины 50-х гг. наблюдалось оживление в отношениях с СССР, прежде всего в промышленной и экономической сфере.

В 1980 г. в Турции произошел военный переворот, однако он не повлиял заметно, на отношения Турции с Советским Союзом.

Новый этап в отношениях Турции и бывших советских республик начался в 90-гг. XX в. и проходил он в непростых условиях. Процесс становления дееспособных государственных структур управления государств Южного Кавказа сопровождался болезненными конфликтами, и трудностями проведения экономических реформ.

Распад Советского Союза привел изменениям на политической карте Закавказья, в результате чего советско-турецкая сухопутная граница стала границей Турции с тремя независимыми государствами: Грузией (318 км.), Азербайджаном (14 км.) и Арменией (308 км.).

В этой атмосфере, всеобщая эйфория захлестнула страну: падение коммунистического режима в России и рождение религиозно и этнически родственных Турции государств в Закавказье и Центральной Азии стало для Анкары приятной неожиданностью. По мнению руководства Турции, представилась возможность для установления отношений напрямую со странами Закавказья, и тюркоязычными государствами Центральной Азии. Многие государственные деятели Турецкой республики стали полагать, что грядущий век станет ренессансом тюрков, утверждая что турецкий язык станет в XXI в. родным языком 200 миллионов человек. Для координации действий, решением правительства Турции, создается специальное ведомство по сотрудничеству с тюркскими государствами (Türk İşbirliği ve Kalkınma Ajansı-TİKA).

Следует отметить что, именно с начала 90-х годов происходит всплеск родственных чувств к «тюркским братьям», и накал политических дискуссий относительно той роли, которая более всего была бы выгодна и соответствовала статусу Анкары как наилучшей модели построения светского государства для постсоветских республик Южного Кавказа и Центральной Азии.

После провала планов, создания в начале 90-х гг. содружества тюркских государств, «от Адриатики до Китая», названного в турецкой историографии периодом «крушением надежд и столкновением с действительностью», Турция сосредоточила свои усилия на экономическом, в частности энергетическом сотрудничестве. В данном контексте можно рассматривать акти-

визацию Турцией своих усилий направленных на постепенное сокращение влияния России на Южном Кавказе. Одним из таких маршрутов и стал проект Баку-Тбилиси-Джейхан. Несмотря на то, что окончательная стоимость проекта составила 2,95 млрд. долларов, Турции все же удалось добиться именно его окончательной реализации. По мере завершения его строительства стали поступать сообщения о присоединении Казахстана к проекту. Стремление Турецкой Республики вовлечь в проект и Казахстан отразилась в ходе визита президента Турции Ахмед Неджет Сезера в Астану, в мае 2005 г., предложивший отныне, называть проект Актау-Баку-Тбилиси-Джейхан. В конце марта 2008 года нижняя палата парламента Казахстана ратифицировала Договор о поддержке и содействии транспортировке нефти из Казахстана в Азербайджан.

Таким образом можно сделать вывод о том, что число стран участвующих в этом проекте растет, что несомненно способствует усилению роли Турции в регионе. Для Турции это означает усиление ее политического и геоэкономического веса, прежде всего в глазах США и Европы, а также значительное увеличение ее экономического потенциала.

Результаты пятидневной войны августа 2008 г. на Кавказе стали для Турции поводом спешно принять активное участие в его послевоенном переустройстве. Премьер министр Турции Реджеп Эрдоган выступил с инициативой формирования Кавказской платформы стабильности и сотрудничества. Пакт предполагает по замыслу Турции принятие на себя государствами региона обязательства по отказу от попыток решения существующих проблем насильственным путем, и создание благоприятной атмосферы сотрудничества. Это создает ту необходимую основу для дальнейшего укрепления в мира регионе.

Список литературы

1. Цуциев А. «Атлас этнополитической истории Кавказа (1774-2004)» М; 2006.
2. Соловьева Л.Т. «Страны южного Кавказа: проблема поиска ориентиров»//Кавказ и Центральная Азия на современном этапе. Материалы круглого стола 5 июня 2002 года. М; 2003.

3. Жильцов С.С., Зонн И.С. Ушков А.М. «Геополитика Каспийского региона» М; 2003.
4. Турецкая Республика. Справочник. М; 2000
5. Коджаман Омер. «Южный Кавказ в политике Турции и России в постсоветский период». М; 2004
6. Интервью министра иностранных дел И.Джема. Turkish Daily News. 19.07.1997
7. Mustafa Aydin. «Kafkasya ve Orta Asya Əliokiler»//Türk Dəyə Politikasə.
8. Turkish Daily News. 19.07.1997
9. Turkish Daily News. 05.06.1992
10. Ozmen Aslan. 2000 yilinda Turkiye. Istanbul, 1991
11. Бжезинский З. «Великая шахматная доска». М; 1998
12. Республика Армения. 29.05.1995.
13. Назарбаев Н.А. «На пороге XXI века». Алматы., 1996 г.
14. Mustafa Aydin. «Kafkasya ve Orta Asya İlişkiler»//«Hayal Kırıkları ve Gerçekler Yüzleşme»//Türk Dış Politikası

Г.П.Ежов

Экономическое положение Исламской Республики Иран (тридцать лет движения и финансовый кризис)

Тридцать лет тому назад произошла единственная, пока, по крайней мере, революция, в которой осуществившее ее духовенство призывало народ вернуться в своем развитии назад, в седьмой век, и, как ни странно, народ практически единодушно поддержал этот призыв. Шахское правительство, стремившееся к вестернизации страны, было свергнуто, исламские теоретики выступали за движение по «третьему пути», взяв за основу теорию «тоухида», разработанную аятуллой Садром, которая превращала страну в мусульманскую общину, во главе которой стоял духовный вожь (как представитель двенадцати имамов, правивших когда-то шиитами). В прессе, на митингах звучали голоса, что Иран является самодостаточным государством, которое может существовать без каких-либо отношений с Западом и Востоком (предлагалось иметь экономические связи только с соседними мусульманскими государствами и малыми странами

Европы). Однако, сразу же после создания исламской республики, в среде самого духовенства начались споры о практическом осуществлении политики «тоухида» в современной жизни, в частности – в экономике. Борьба шла между сторонниками проведения «линии имама» и более трезвыми политиками и представителями духовенства, которые считали проводимую политику пагубной для страны. В стране начались политические процессы, многие сторонники проведения более либеральной политики были вынуждены покинуть страну, или попали под домашний арест (как в случае с аятоллой Шариатмадари – одним из пяти высших мусульманских богословов страны). Провалилась аграрная реформа, сокращение объемов иностранных инвестиций привело к сокращению добычи нефти вдвое (хотя высокие цены и позволили Ирану в 2008/09 г получить 69 млрд. долларов дохода). Значительное число иранской интеллигенции покинуло страну в период революции, многие владельцы предприятий лишились своего имущества, национализированного новой властью, даже депутаты трех последних созывов шахского парламента должны были вернуть в казну всю зарплату, полученную ими за время работы. В то же время новая власть продолжала проводить популистскую политику, стараясь обеспечить себе поддержку широких масс населения. Первыми указами после революции аятолла Хомейни освободил малоимущих от платы за воду и электроэнергию, увеличил минимальную зарплату в пять (!) раз, правительство дотировало расходы на горючее (литр бензина в Иране стоил четыре цента, а дизельного топлива – два цента), дотации шли и на продукты питания. Такая политика не могла дать своих результатов, и они скоро появились. Росла внешняя задолженность, быстро стали повышаться цены на продукты, ускорялась инфляция. Курс доллара подпрыгнул с 45 до 9500 риалов. Власть была вынуждена частично пересмотреть свою экономическую политику, иностранный капитал стал допускаться в страну, хотя и в небольшом объеме, расширились связи с соседними странами, Иран сам стал осуществлять экономическую экспансию (проведение нефтепровода в Армению, покупка газа из Туркмении, осуществление проектов строительства железных дорог в Армению, Азербайджан, Казахстан, согла-

сие на участие в строительстве газопровода «Набукко», газопровода в Пакистан и Индию, подача электроэнергии в западные районы Афганистана и соединение железной дорогой Мешхеда с Гератом, и т. д.).

За эти годы удалось значительно увеличить производство металлов, нефтехимических продуктов, ферросплавов, создать свой автомобиль, начать разработку перспективных газовых месторождений на юге страны и в зоне Персидского залива. Скоро в строй вступит первая атомная станция, в планах иранских руководителей строительство еще 5-6 таких же станций (в шахское время планировалось построить 20 атомных установок, 2 на Каспии и 18 в зоне Персидского залива, причем некоторые станции должны были давать и пресную воду для ирригации). Однако, мировой кризис замедлил поступательное движение иранской экономики, вынудил отказаться от ряда уже согласованных проектов, сократить дотации внутреннего рынка, более экономно тратить получаемые валютные доходы, которые на 80 % создаются в нефтяном секторе, увеличить свой танкерный флот для сокращения расходов на транспортировку нефти. Однако, до сих пор на развитие иранской экономики оказывает значительное давление американская блокада, которая затрудняет ввоз иностранного, в первую очередь, американского, капитала в Иран, и это обстоятельство вместе с разразившимся кризисом, видимо, будет решающим в определении темпов и направлений движения иранской экономики в ближайшие годы.

Коломойцева А.Ю.

Преподаватель Российско-Турецкого научно-учебного центра
Российского Государственного Гуманитарного Университета
E-mail: kolomoetseva_ann@list.ru

Интересы Казахстана и транспортировка каспийских углеводородов

Казахстан богат углеводородными ресурсами. Основная часть запасов нефти и газа, принадлежащих РК, сосредоточена на шельфе Каспийского моря. К 2003 г. Казахстан смог решить

основные проблемы принадлежности этих ресурсов со своими соседями по Каспию – Россией и Азербайджаном. Определив свои границы на море, страна ведет в этой части разведку и разработку нефтегазовых месторождений с привлечением иностранного участия.

Развитие и диверсификация экспортного потенциала входит в число основных целей внешнеэкономической политики Казахстана. В этой связи большое значение имеет решение правовых, финансовых, организационных и иных вопросов, связанных с транспортировкой нефти и газа из Прикаспийской впадины на мировые рынки, особенно, если учесть, что энергетические ресурсы являются пятым приоритетом РК, записанными в стратегии «Казахстан -2030».

Поскольку Казахстан не имеет выхода к открытым морям, для транспортировки нефти он вынужден использовать трубопроводы. Традиционно транспортировка казахстанских углеводородов проходит по территории России. Здесь существуют два основных маршрута. Первый – это путь до Самары и далее в Центр. А второй – Каспийский трубопроводный Консорциум, выводящий нефть из крупного месторождения Тенгиза к порту Новороссийск. Однако, как было отмечено выше, Казахстан в стремительно глобализирующемся мире стремится диверсифицировать возможные пути транспортировки своих ресурсов. Так, 16 июня 2006 г. между Республикой Казахстан и Азербайджанской Республикой был заключен Договор по содействию и поддержке транспортировки нефти из Республики Казахстан через Каспийское море и территорию Азербайджанской Республики на международные рынки посредством системы Баку-Тбилиси-Джейхан. Это вызвало волну недовольства у старого транзитера – России, апеллировавшей серьезными экологическими рисками для Каспийской флоры и фауны. Когда в 2007 г. российское руководство операторов КТК отказалось расширять транзитные объемы трубопровода, объясняя это отсутствием экономического эффекта, Казахстан предпринял ряд еще более решительных шагов по сближению с БТД. Так, в январе 2007 г. Азербайджан и Казахстан подписали меморандум, а в ноябре 2008 г. было подписано соглашение о создании Ка-

захстанской каспийской системы транспортировки нефти (ККСТ). Так Казахстан рассчитывает обеспечить вывод все возрастающих объемов добываемой нефти, в частности, данный проект предполагает вывозить энергоресурсы с самого богатого казахстанского месторождения Кашаган, начало добычи на котором ожидается в 2014 г.

Кроме указанных направлений на Европу у Казахстана имеются договоренности и с Китаем. Китайско-казахстанский нефтепровод как первый транснациональный нефтепровод был сдан в коммерческую эксплуатацию 25 июля 2006 года. Эксплуатация нефтепровода Казахстан-Китай позволяет увеличить экспортный потенциал Казахстана. По предварительным данным, мощность нефтепровода может составить до 50 миллионов тонн нефти в год.

Таким образом, Казахстан активно расширяет векторы энергетической политики, связывая с ней основные стимулы для развития государственной экономики. Стремясь выйти на новые рынки посредством новых маршрутов, руководство страны также сохраняет и старые варианты.

Список литературы

1. Борисова Е.А. Казахстан: президент и внешняя политика. М., 2005
2. Медведев Р. Казахстанский прорыв. М., 2007
3. Новый Казахстан в новом мире. Текст выступления президента РК Н.А. Назарбаева. Астана 28 февраля 2007 г.
4. Эжиев И.Б. Геополитика каспийского региона. М., 2007
5. www.ngv.ru

В. В. Ланердина

Поворот в социально-экономическом развитии Китая в условиях глобального кризиса

В результате воздействия глобального кризиса и предшествующего ему ипотечного кризиса в США Китая коснулись проблемы снижения деловой и экономической активности, за-

медления притока иностранного капитала, закрытия предприятий, работающих на экспорт, растущей безработицы.

В конце января 2009 г. вышли статистические данные о результатах экономического развития Китая в 2008 г. Мировой кризис не дал осуществиться прогнозам китайской статистики о 9,8 % прироста ВВП. В 2008 г., по первоначальным оценкам, они составили 9 %. Такие темпы роста являются все же значительными.

В рамках сложившейся модели роста, включающей активную роль государства в сфере регулирования макроэкономических процессов, высокую склонность населения к сбережению, опору на экспортное производство, китайское руководство предприняло ряд мер, поддерживающих производство и население в условиях кризиса. В их числе: снижение процентных ставок, увеличение налоговых льгот для экспортеров, сдерживание ревальвации юаня, вливания в крупнейшие государственные банки, решение о вложении до 2010 г. инвестиций в размере 4 трлн юаней в инфраструктурное строительство, развитие системы социального обеспечения, запрет массовых увольнений и сокращений на предприятиях, нераспространение информации о негативном влиянии кризиса на экономику страны.

Высокая склонность населения к сбережению, его доверие к государству позволяют рассчитывать на значительные инвестиции и в инфраструктурные объекты, и в целях поддержки мелкого и среднего производства, а также социально незащищенных групп населения. Модель потребления населения – не жить в кредит – создает условия для поддержания баланса финансовой системы. Высокая конкуренция практически во всех отраслях производства не дает образовываться огромным состояниям за короткие сроки, что также положительно влияет на соотношение реального и финансового секторов.

Контролирующая роль государства, его незамедлительная реакция на все процессы, активное вмешательство в условиях кризиса, а также нераспространение и замалчивание некоторой информации противодействуют распространению паники, что имеет важнейшее значение для стабильности развития.

Кризис негативно влияет на возможность сохранения высоких темпов экономического роста. В сложившихся условиях значительно замедлилось развитие экспаториентированных отраслей Китая, хотя, это не означает, что китайский экспорт вовсе не будет пользоваться спросом. Вряд ли развитые страны откажутся от дешевых товаров народного потребления, которые сейчас для всего мира производит Китай. Падение внешнего спроса заставит искать точки роста, лежащие внутри своей экономики. Как заявляет руководство страны, подобная ситуация благоприятна для развития внутреннего рынка. С начала нового века правительство начало искать пути изменения модели роста, переключения с экспаториентированного роста на развитие за счет расширения внутреннего рынка. Получается, мировой кризис станет катализатором в этом процессе. Торможение экспортных видов деятельности позволит «перекинуть» силы и средства в область формирования и развития внутреннего рынка.

Внутренний рынок не может начать внезапно развиваться быстрыми темпами без существенного роста доходов населения. Они росли на протяжении последних лет, но бумов потребления не случалось. Перед правительством стоит задача сделать так, чтобы у населения были деньги, и оно хотело их потратить. Граждане предпочитали сберегать средства на лечение, старость, образование детей. Причиной этому является в том числе отсутствие общедоступной системы социального обеспечения. Государство приступило к ее созданию, чтобы высвободить средства для потребления. Однако эта задача долгосрочная, которая не даст ощутимых результатов в ближайшем будущем. Кроме того, населению нужна уверенность в стабильности экономики, а также в качестве товаров, на которые они могли бы потратить свои средства. Все эти проблемы также не могут быть решены в течение краткого периода. В настоящее время Китай рассчитывает на инвестиционный рост.

Таким образом, Китай предполагает сохранить стабильность опираясь на столпы существовавшей до настоящего времени модели развития – высокие накопления населения, капитал, полученный в результате развития экспаториентированного

производства, определяющую в развитии роль государства, и в то же время повернуть к другой модели роста, при которой Китай отказывается от высокой доли сбережений населения в пользу роста потребления, от целенаправленной поддержки экспорториентированных отраслей, их место должен занять внутренний рынок, из прежних опор остается только активная регулирующая роль государства.

Обращение к внутреннему развитию, работа в области его гармонизации, строительства системы социального обеспечения, подразумевающие бережное отношение к ресурсам, замедление экономического роста и стремление сделать его эффективным вовсе не препятствуют подъему Китая на мировой арене. Если спад во внешнеэкономической деятельности и ведет к сокращению объемов экспорта страны, то он не нарушает экономического баланса развития страны. Кроме того, Китай укрепляет отношения с третьим миром. Его растущее присутствие в Африке заставляет задуматься о стратегии посткризисного развития. Оказывая поддержку африканским странам в условиях кризиса, Китай работает на строительство базы для нового витка роста.

Лешаков П.С.

Республика Корея в условиях глобального финансового кризиса

В начале 2008 года вновь избранный президент Республики Кореи Ли Мен Бак, обнародовал амбициозный «план 747», предполагавший достижения за пятилетие своего президентства среднегодового темпа роста экономики в 7 %, увеличения в течение десяти лет подушевого ВВП до 40 тысяч долларов США и превращения страны в седьмую экономическую державу мира. Еще год назад во время инаугурации семнадцатого южнокорейского президента (25 февраля 2008 года) столь оптимистические прогнозы казались вполне обоснованными.

С одной стороны, Республика Корея быстро оправилась от азиатского финансового кризиса 1997 года, сумев за последую-

щее десятилетие увеличить ВВП более чем вдвое и вплотную приблизиться к «золотой десятке» крупнейших мировых экономик. В 2007 году ВВП в расчете на душу населения впервые превысил отметку в 20 тысяч долларов США, и здесь путь от 10-тысячного к 20-тысячному рубежу был пройден фактически за 10 лет.

С другой стороны, южнокорейский электорат возлагал большие надежды на практический опыт и теоретические знания Ли Мен Бака, который стал первым южнокорейским президентом, пришедшим во власть с законченным экономическим образованием из высших эшелонов корпоративного и государственного менеджмента.

Тем не менее, Ли Мен Бак, имеющий в отличие от девяти своих предшественников в послужном списке звания бакалавра экономических наук и магистра делового администрирования, не сумел предвидеть глубины глобального финансового кризиса и «великой депрессии», в которые начала втягиваться мировая экономика буквально через несколько месяцев после его инаугурации.

Вместо намеченного правительством роста в 7 % в 2008 году ВВП Республики Кореи увеличился лишь на 2,5 % против 5 % годом ранее. Столь низкий показатель был обусловлен абсолютным сокращением ВВП в четвертом квартале 2008 года на 3,4 % (по другим оценкам на 5,6 %), происшедшим впервые с 1988 года, когда в первом квартале под влияние азиатского финансового кризиса экономика Республики Кореи «провалилась» на 7,8 %. По предварительным оценкам спад в первом квартале 2009 года продолжится и составит от 5 % до 8 %. Прогнозы в целом на 2009 года также не утешительные: ожидается сокращение ВВП на 4-6 %.

В качестве основных причин беспрецедентного для Республики Кореи спада называются резкое снижение спроса на южнокорейскую продукцию на внешних рынках и сокращение внутреннего потребления. В декабре 2009 года экспорт Республики Кореи впервые преодолел отметку в 400 млрд. долларов США, достигнув к концу года очередного рекорда в 422 млрд. долларов США. Однако если в январе-ноябре его рост соста-

вил 16,9 %, в декабре вывоз сократился на 17,9 %, а в январе 2009 года – уже на 32,8 %.

Это, в свою очередь, повлекло снижение объемов производства в обрабатывающих отраслях промышленности соответственно на 18,7 % и 25,6 %, причем январский спад оказался самым глубоким за всю историю помесечного учета статистических данных (с января 1970 года). В результате только в январе в этих отраслях было ликвидировано 100 тысяч рабочих мест.

Углубляющийся экономический спад в США, Японии и ЕС, на долю которых приходится более трети всего южнокорейского экспорта, а также неутешительные прогнозы ситуации в мировой торговле, которая по оценкам МВФ в 2009 году должна сократиться на 2,8 %, ставят под сомнение достижение даже скромного 1 % роста экспорта, планируемого правительством Республики Кореи в нынешнем году.

Внутреннее потребление и инвестиции начиная с сентября 2008 года также обнаруживают тенденцию к сокращению. Только в январе 2009 года они сократились соответственно на 4,4 % и 14 %. Виной тому – слабая вона и обвалившийся фондовый рынок.

В начале марта 2009 года валютный курс воны опустился до отметки в 1592 воны за 1 доллар США, потеряв за год 68 % своей стоимости (в конце 2007 года за 1 доллар США давали 936 вон) и пробив психологически важный рубеж одиннадцатилетней давности, когда 13 марта 1998 года в разгар азиатского финансового кризиса курс воны упал до уровня 1521 вона за 1 доллар США.

Одновременно с беспрецедентным обесценением воны обвалился южнокорейский фондовый рынок: в начале марта 2009 года индекс KOSPI опустился ниже 1000 пунктов. За 2008 год котировки южнокорейских акций снизились вдвое, а общие потери фондового рынка по сравнению с концом 2007 года составили около 450 триллионов вон. Только за год частные южнокорейские инвесторы потеряли на бирже 200 триллионов вон или 130 млрд. долларов США.

Если добавить сюда 63 %-ное сокращение стоимости (в долларовом выражении) инвестиционных фондов, а также сниже-

ние цен на недвижимость, то можно сделать вывод о падении ВВП на душу населения в 2008 году ниже 20-тысячидолларового рубежа, впервые достигнутого годом ранее (в 2007 году ВВП на душу населения в Республике Кореи составил 20045 долларов США). Естественно, что в столь тяжелых экономических условиях рассчитывать на рост внутреннего потребления даже при условии его стимуляции правительственными мерами не приходится.

Мазырин В.М.

Проявления мирового экономического кризиса и меры по борьбе с ними в СРВ

Воздействие мировой рецессии на вьетнамскую экономику в течение последнего полугодия непрерывно нарастает, причем оно совпало с внутренним циклическим кризисом капиталистического по своей сути рыночного хозяйства. Его проявлениями служит отмеченное впервые за десятилетие сокращение промышленного производства и хозяйственной активности. Практически остановились строительство и операции с недвижимостью, ежемесячно падают экспорт и бытовое потребление, увеличиваются нереализованные товарные запасы. Начались резкий спад фондового рынка, отток портфельных и прямых инвестиций, торможение инфляции. Вследствие ухудшения экономической конъюнктуры и снижения помощи донорского сообщества, переводов от эмигрантов снизились бюджетные доходы. Глобальный кризис, нарушив получение инвестиций и экспорт, привел к подрыву механизмов внутреннего роста. В 2008 г. динамика ВВП Вьетнама оказалась на два процентных пункта ниже предыдущего года (6,23 % вместо 8,48 %), примерно такой же тревожный прогноз объявлен на 2009 г.

В этой обстановке правительство СРВ проводит психологическую терапию: оно успокаивает население относительно влияния мирового кризиса, заявляя, что местная экономика в безопасности. Аргументами служит то, что вьетнамский рынок еще не полностью открыт, интеграция в мировое хозяйство пока

носит не глубокого характера, предпосылки и перспективы экономического роста остаются хорошими. Некоторые местные политики заявляют, что кризисные явления затронут лишь отдельные отрасли хозяйства, прежде всего производство товаров, поставляемых в развитые страны.

Вместе с тем руководство СРВ, понимая реальную опасность текущих тенденций и используя все преимущества государственного контроля над макроэкономическими процессами, с конца 2008 г. начало осуществлять программу мер по активизации производства и потребления. Решено стимулировать три основных источника развития Вьетнама – экспорт, инвестиции, внутренний спрос. На данные цели правительство выделило свыше 1 млрд. долл., что составляет около 1,5 % ВВП. При необходимости антикризисный пакет обещано увеличить до 6 млрд. долл., и фактически минимальный уровень предусмотренных расходов уже превзойден.

Правительство СРВ намерено направить средства из стимулирующего пакета на реализацию инвестиционных проектов в сфере транспорта, строительства, развития сельской инфраструктуры. Помощь производству и сбыту продукции предоставляется в форме страхования кредитов для госпредприятий, а также малого и среднего бизнеса, компенсации ему кредитных ставок, снижения налогов и увеличения ликвидности в банковском секторе. Использование таких кредитно-денежных рычагов выглядит логичным и повторяет действия других стран Восточноазиатского региона и мира.

Однако обстановка в экономике каждой страны своеобразна, поэтому меры и размеры помощи должны быть соответствующими. Малые экономики с высокой долей импорта не могут стимулировать спрос просто путем увеличения государственных расходов, фискальных и кредитных льгот. В первом случае недостаточно валютной подпитки извне для покрытия большого бюджетного дефицита, во втором возросший спрос придется удовлетворять за счет импорта, притом рост денежного предложения будет способствовать инфляции и спекуляциям (типа пузыря на рынке недвижимости). Во Вьетнаме, как и в других странах с фиксированным валютным курсом, сниже-

ние процентных ставок толкает население вместо траты денег переводить накопления в золото и валюту, что усиливает долларизацию и демонетизацию экономики.

Следовательно, выбор вариантов антикризисной политики у руководства СРВ намного меньше, чем в крупных государствах, например, Китае. Перераспределение значительных валютных резервов и бюджетных ассигнований на цели краткосрочного стимулирования спроса потребует расширения внешних заимствований и общего размера государственного долга до критических величин. Попытки заместить внешний спрос внутренним повышают давление на платежный баланс, увеличивая торговый дефицит. Поскольку производство во Вьетнаме зависит от импорта, антикризисные средства могут пойти не в местную экономику, как в Китае, а на внешние рынки.

Тем не менее, меры в бюджетно-финансовой области обещают быть намного эффективней, чем монетарная политика, обычно используемая в такой ситуации. При поддержании обменного курса донга бюджетная поддержка экономики привлечет иностранный капитал, потребует от ЦБ скупки иностранной валюты, что приведет к увеличению денежной массы в обращении. Так можно стимулировать производство, но обычно ценой повышения инфляции.

Таким образом, вполне реально, что принятый правительством СРВ пакет валютно-финансовых мер может, не принеся решения текущих проблем, лишь усилить системные риски, присущие национальной экономике. Для преодоления органической макроэкономической несбалансированности в стране, возвращения на орбиту роста после окончания мирового кризиса Вьетнаму особенно нужны шаги, способствующие структурным изменениям. Речь идет об улучшении инфраструктуры, предложения на рынке труда, сокращении системных рисков, особенно в банковском секторе. В этом отношении явно назрела корректировка государственной инвестиционной политики. Власти СРВ уже начали сокращение капиталоемких и зависящих от импорта проектов, одновременно стимулируя трудоемкие и менее зависимые от импорта отрасли.

Д.А. Марьясис

**Стратегия социально-экономического развития
Израиля «Израиль 2028»:
соответствует ли она современным реалиям**

В марте юбилейного для Израиля 2008 г. группой ведущих израильских специалистов в области социально-экономического развития под руководством Эли Гурвица (многолетний управляющий компанией «Тева») и Давида Бродета (экономист, занимавший ряд ответственных постов в различных государственных ведомствах) была опубликована стратегия развития Израиля на следующие 20 лет. При всей очевидной пользе таких документов, всегда существует определенная доля скепсиса, так как слишком часто теоретические выкладки пусть даже крупнейших ученых легко разбиваются реалиями жизни. Представляется, что мировой финансовый кризис как раз и является той лакмусовой бумажкой, на которой можно проверить состоятельность данной стратегии. В рамках этой работы будут рассмотрены ее элементы, касающиеся макроэкономического развития Израиля.

Основной макроэкономической задачей, которую может решить, согласно стратегии, Израиль в ближайшие 20 лет, является достижение ежегодного роста ВВП в 6 %, позволяющего значительно увеличить показатель ВВП на душу населения и передвинуться с 22-ой строчки по состоянию на 2008 г. на 7-10 ступеней выше. При этом предполагается, что удастся создать более стабильную систему экономического развития, опирающуюся не только на высокие технологии, позволяющую задействовать в экономическом процессе больший процент населения, чем это есть сейчас. Все изменения, согласно видению авторов стратегии, могут произойти без ущерба для оборонной способности страны.

Основными макроэкономическими проблемами, требующими концептуального решения, по их мнению, являются:

1. Демографическая структура. При достаточно высоком уровне рождаемости в арабском и еврейском религиозном секторах израильского общества, их общий образовательный уро-

вень и включенности в рабочую силу остается очень низким. Вместе с тем иммиграционный потенциал страны практически исчерпан.

2. Недостаточный уровень инвестиций. Уровень инвестиций в Израиле по состоянию на 2007 г. составил лишь 13 % ВВП, что значительно ниже уровня Греции, Испании, Словакии. Наблюдается очень низкий рост основного капитала.

3. Слабое развитие инфраструктуры. Недостаточное развитие физической инфраструктуры значительно удорожает доставку товаров, а также усложняет доступ потенциальной рабочей силы к местам потенциальной занятости, что ведет к недостаточному росту включенности в рабочую силу (56 % по сравнению с 67 % в США).

4. Низкий уровень начального и среднего образования. Сейчас этот эффект не очень заметен за счет влияния высококвалифицированной рабочей силы, появившейся во время огромной волны иммиграции 1990-х. В будущем же Израилю необходимо поддерживать высокий уровень технологического развития, что может оказаться проблематичным.

5. Необходимость постоянно поддерживать рост высокотехнологичных секторов промышленности Израиля. Неадекватные инвестиции в гражданские НИОКР при резком сокращении расходов на исследования в оборонной сфере могут привести к замедлению технологического развития страны.

Суммируя весь комплекс мер, предлагаемых авторами исследования, получается, что нужно создать систему привлечения частных иностранных и внутренних инвестиций в инфраструктуру и развитие традиционных отраслей промышленности Израиля, а государству заняться решением социальных и образовательных проблем. При этом основными геополитическими предпосылками авторов исследования являются: достижение финального решения палестино-израильского конфликта; значительное сокращение иммиграции в Израиль; некоторое увеличение оборонного бюджета в течение всех 20 лет (1,2-1,5 % в год в среднем); среднемировой уровень экономического роста в 3,1 % в год; стабилизация цен на нефть на уровне \$40-50 за баррель.

Представляется, что выбранные стратегические направления соответствуют основному вектору развития Израиля. Однако некоторые геополитические условия не соответствуют реальному положению вещей как в принципе, так и из-за разразившегося мирового кризиса. На проблематичных пунктах стратегии и остановимся.

Во-первых, на сегодняшний день не существует возможности в ближайшие годы мирным способом завершить палестино-израильский конфликт. Во-вторых, мировой кризис уже привел к оттоку иностранных инвестиций из Израиля, что заставит государство усилить (а не ослабить) свою инвестиционную активность. Развитие инфраструктуры будет происходить более активно, чем сейчас, так как в кризисные годы – это еще и способ борьбы с безработицей. Однако источником инвестирования станет, по всей видимости, государство. Это приведет как минимум к двум девирующим от представленной стратегии последствиям: усилению роли государства в экономике и отвлечению его ресурсов от финансирования образования и других долгосрочных социальных проектов.

Таким образом, существует достаточно высокая вероятность, что часть указанных в стратегии позиций не выдерживают проверку временем. При этом существует вероятность, что это все же позволит Израилю достичь желаемых результатов с точки зрения внешних показателей, так как и другие развитые страны мира претерпевают значительные негативные изменения в своем экономическом развитии.

Мельянец В.А.

Страны Запада и Востока накануне глобального кризиса: сравнение важнейших параметров эффективности экономического развития¹

1. Накануне и в период глобального кризиса получил распространение тезис о том, развитые государства (РГ) слабеют, а развивающиеся страны ((РС) усиливаются.

¹ Рассчитано по материалам международной статистики.

2. В самом деле, РС стали **обгонять (РГ) по среднегодовому темпу прироста подушевого ВВП**. Если в последних он сократился с 3.6-3.8 % в 1950-1973 гг. до 1.7-1.9 % в 1973-07 гг., то в целом по РС он в 1990-07 гг. вырос до 3.7-3.9 %, оказавшись вдвое выше, чем в РГ.

3. Ускоренный рост крупнейших РС превратился в **мотор глобальной экономики**. Если доля США, Японии и Германии в приросте мирового ВВП сократилась соответственно с 24-25 %, 10-11 % и 4 % в 1980-е годы до 15 %, 3 и 2 % в 2000-07 гг., то показатели по Китаю и Индии увеличились с 8 и 4 % до 23 и 8 %. Их совокупный вклад в рост глобальной экономики в последние семь лет, предшествующие мировому кризису, был в 1.5 раза выше, чем в у лидеров РГ.

4. Если в среднем по РГ **коэффициент неустойчивости роста ВВП** вырос в 1991-07 гг. в 1.5 раза по сравнению с 1950-60-ми годами, то, например, в Китае и Индии он сократился почти втрое, оказавшись вдвое меньше, чем по РГ.

5. Если в Китае и Индии после осуществления серии либеральных экономических реформ **эффективность капиталовложений**, несмотря на рост ее нормы, повысилась в 1981-07 гг. на одну пятую (по ср. с 1950-80 гг.), то в развитых странах при снижении на одну пятую нормы инвестиций их эффективность сократилась в 1.5 раза и оказалась вдвое ниже, чем у двух азиатских гигантов.

6. Если в Китае и Индии по сравнению с периодом их полуавтаркического развития среднегодовой **темпы прироста совокупной факторной производительности (СФП)** вырос в 4-8 раз до 2.1-2.5 % в 1978/80-07 гг., то в РГ он каскадно снижался – с 2.9 % в 1950-73 гг. до 1.2 в 1973-90 гг. и 1.0 % в 1990-07 гг.

7. Однако, при всех несомненных успехах Китая, Индии и небольшой группы НИС, **макроэкономическая результативность подавляющего большинства (полу) периферийных стран** снизилась по сравнению с 1950-70-ми годами.

8. В РГ, сильно продвинувшихся в инновационной экономике за предшествующие глобальному кризису два-три десятилетия, **вклад СФП в прирост ВВП** в 1990-07 гг. (50-60 %) был значительно – в 2.5-3 раза – выше, чем в целом по РС (19-21 %).

9. По **уровню СФП**² в 2003-2007 гг. США, которые уже тогда испытывали немалые финансово-экономические проблемы (а доля СФП в их росте была вдвое меньше, чем в Германии и Японии), тем не менее превосходили Китай, наращивающего свой потенциал преимущественно экстенсивными методами, в шесть-семь раз.

10. Несмотря на то, что в 1980-07 гг. **по общему индексу человеческого развития** Китай и Индия сократили свое отставание от США примерно в полтора раза (соответственно с 4.4 до 2.7 и с 5.7 до 3.9, а вот Африка южнее Сахары (АЮС) его увеличила – с 4.8 до 5.1), тем не менее отставание **по расширенному индексу развития** (с учетом технологических и институциональных компонентов) оставалось большим: в 2007 г. по АЮС – в 8-9 раз, Индии – в 4-5, по Китаю – 3-4 (по РФ – 2-3) раза³.

11. По показателю затрат на НИОКР в расчете на душу населения средний разрыв между основной группой экономически продвинутых стран и развивающимся миром достигает огромной, 22-кратной величины. Если же азиатские НИС учесть в группе развитых стран (что, пожалуй, на данном этапе, в 2000-е годы, правильнее), то разрыв между последними и развивающимися государствами увеличится до 25-27 – кратного размера.

12. Суммируя, подчеркнем, что, хотя страны Запада и Япония в целом быстро теряют «демографический дивиденд», а также имеют, вследствие более дорогой рабочей силы, сравнительно высокий уровень издержек производства, они располагают несравненно более мощным интеллектуально-инновационным потенциалом и высоким уровнем качества общественных институтов, которые могут позволить им, пройдя через полосу испытаний, выйти на более высокие технологические траектории развития.

² $TFP_u / TFP_c = (Y_u / L_u^{0.65} * K_u^{0.35}) / (Y_c / L_c^{0.65} * K_c^{0.35})$, где TFP_u и TFP_c , Y_u и Y_c , L_u и L_c , K_u и K_c – соответственно уровни СФП, ВВП, занятости и объема основного капитала в США и Китае. Эластичности по труду и капиталу взяты равными 0.65 и 0.35.

³ В 2007 г. по уровню технологического развития АЮС отставала от США в 50 раз, Индия – в 16-17, Китай – в 8-10, РФ – в 5-6 раз; по базовым институтам – АЮС – в 8-9 раз, Китай, Индия и РФ – в 2.5-4 раза.

Тимонина И.Л.

Япония в условиях мирового финансового кризиса

1. Ситуация в экономике Японии до кризиса. После длительной депрессии 90-х годов с 2002 г. экономика Японии переживала подъем, который длился до второго квартала 2008 г.

Однако подъем этот был довольно вялым. В ежегодном отчете кабинета министров о состоянии японской экономики и государственных финансов за 2007 г. подъем (который, кстати, именуется восстановлением – «current period of economic recovery») 2002-2008 гг. сравнивается с повышательными фазами цикла октября 1965 г. – июля 1970 г. («бум Идзанаги») и ноября 1986 г. – февраля 1991 г. (экономика «мыльного пузыря»). Темпы роста ВВП подъема 2000-х годов значительно ниже, чем в предыдущие периоды – 0,9 % среднегодовой номинальный рост ВВП и 2,2 % – реальный. Поэтому этот подъем, как отмечается в отчете, не так заметен для населения, тем более что при росте занятости уровень оплаты труда оставался примерно на одном уровне¹.

В ежегодном отчете кабинета министров о состоянии японской экономики и государственных финансов за 2007 г. отмечалось, что в 2000-е годы экспорт стал движущей силой восстановления экономической динамики в Японии². В 2007 г. рост экспорта составил 10 %, а некоторых видов машиностроительной продукции – 17 %³.

Еще одним важнейшим фактором, влиявшим на экономический рост в Японии в 2002 г. – первой половине 2008 г., был рост цен на энергоносители, который способствовал выходу из дефляционной спирали.

2. Проявления и последствия мирового финансового кризиса в Японии. Со второго квартала 2008 г. в Японии началось ухудшение всех экономических показателей, которое продол-

¹ Annual Report on the Japanese Economy and Public Finance 2007, p. 5-6 – <http://www5.cao.go.jp/keizai3/2007/0807wp-keizai/1syo-hyoshi.pdf>

² Annual Report on the Japanese Economy and Public Finance 2007, p. 6 – <http://www5.cao.go.jp/keizai3/2007/0807wp-keizai/1syo-hyoshi.pdf>

³ <http://www.jetro.go.jp/en/reports/statistics>

жается, причем нарастающими темпами. В конце ноября 2008 г. статистическое ведомство правительства Японии зафиксировало рецессию официально.

В 2009 г. ситуация начала стремительно ухудшаться. Внешний рынок превратился в источник неустойчивости, рисков и неопределенности. Падение производства в основных отраслях промышленности, а также экспорта оценивается двузначными цифрами. Ведущие японские производители, включая «Toyota», «Mitsubishi», «Nissan», «Sony» столкнулись с беспрецедентным падением сбыта на ведущих экспортных рынках в США и ЕС.

4. Положение финансового сектора Японии. Япония – относительно небольшой инвестор (по сравнению с США и ведущими европейскими странами), она меньше втянута в мировые финансовые рынки, поэтому теоретически последствия мирового финансового кризиса могут быть меньшими, чем в США и Европе. Однако, японские финансовые институты приобрели активы американских финансовых корпораций, продолжая процесс, начатый в 2007 г. году арабскими, сингапурскими и корейскими инвесторами.

Вместе с тем сама японская банковская система еще не вполне оправилась от кризиса. Восстановились только крупные, «системообразующие» банки.

5. Оценка ситуации правительством и консультативными органами Японии. В целом, до последнего времени правительство Японии осторожно комментировало темы финансового кризиса в приложении к ситуации в экономике страны.

Однако в документе, подготовленном правительством, Советом правящих партий и министерским советом по новым экономическим мерам, говорится, что финансовые и капитальные рынки переживают неурядицы, которые бывают раз в 100 лет, а с середины сентября 2008 г. наблюдается и ослабление реального сектора экономики, и симптомы глобальной рецессии.

6. Меры правительства. Правительство намерено проводить политику «мягкой адаптации производителей и потребителей к глобальному изменению структуры издержек». Снижается учетная ставка, вводятся налоговые компенсации компаниям.

Признавая, что в период мирового финансового кризиса компаниям все труднее получать кредиты, правительство Японии обратилось к ведущим национальным и региональным банкам с просьбой выдавать больше кредитов малым и средним компаниям, работающим в секторе недвижимости. Основными «конечными» адресатами помощи правительства Японии в период кризиса являются: население, малый и средний бизнес и регионы (общий пакет мер – 5 трлн. иен). Пакет налоговых компенсаций физическим лицам предполагает поддержку ипотечного рынка.

У Цзы-Вэй

Дискуссия по нефтяным вопросам в современном Китае

Во время правления Ху Цзиньтао энергетическая безопасность стала в КНР главной проблемой национальной безопасности. В последние годы большое количество принятых энергетических законопроектов касается больших объемов бюджетных средств, более того, энергетическая политика уже стала темой для активной внутренней дискуссии в Китае. Можно разделить дискуссию в китайских научных кругах по нефтяным вопросам на следующие уровни:

А) Международный уровень: как одновременно учитывать «энергетику» и «дипломатию»?

Три государственные нефтяные корпорации – не просто коммерческие организации, они также являются продолжением политики китайского правительства. Несмотря на то, что координация между министерством иностранных дел и энергетическим сектором непрерывно усиливается, они по-прежнему имеют разные взгляды на решение ряда проблем, таких как «Дарфурский конфликт» или «Иранская ядерная программа».

В) Государственный уровень: «защита рынка» и «открытие рынка».

Что касается государственного уровня, то существуют различные темы для дискуссии. Например, истощение нефтяных источников, чрезмерная зависимость от иностранных постав-

щиков нефти, безопасность поставок нефти, транспортная безопасность и механизм нефтяного ценообразования и т. д. Одними из наиболее спорных вопросов, являются дискуссии на тему «защита рынка» и «открытие рынка», вызванные монополией трех государственных нефтяных корпораций.

С) Уровень правительственных учреждений: как разделить права и обязанности в энергетическом секторе?

В КНР в настоящее время существует слишком много правительственных учреждений, связанных с энергетическим сектором. Государственный комитет по делам развития и реформы отвечает за долгосрочное развитие энергетики, ценообразование и утверждение инвестиционного плана. Министерство земельных и природных ресурсов КНР управляет исследованием, разведкой и лицензиями на добычу природных ресурсов. Министерство коммерции управляет лицензиями на импорт и вывоз нефти, иностранными инвестициями в китайском энергетическом рынке и китайскими энергетическими инвестициями за рубежом. Министерство финансов отвечает за финансирование и налогообложение, чтобы осуществить соответствующие энергетические цели Госсовета. Министерство иностранных дел оказывает помощь государственным предприятиям, когда они принимают участие в конкурсах на энергетические контракты и ресурсы. Комитет Госсовета по контролю и управлению государственным имуществом отвечает за контроль над активами и реформами государственных энергетических предприятий. Также он назначает высшее руководство крупных государственных предприятий. Более 13 правительственных учреждений связаны с энергетическим сектором. В результате чего энергетическая политика китайского правительства стала достаточно неэффективной. Она также находится под контролем заинтересованных кругов.

По поводу энергетической политики существуют две противодействующие группы в Китае: технократия или управляющие государственных нефтяных предприятий и экономисты-сторонники реформы и открытости. Технократия или управляющие государственных нефтяных предприятий, как правило, выступают за сохранение статус-кво. Они считают, что суще-

ствование классов и групп по интересам – это объективный факт, и ответственность правительства заключается в том, чтобы координировать отношения между ними. Такие люди как генеральный менеджер корпорации «CNPC» Цзян Цземинь часто высказывают аналогичные замечания. Зарубежные аналитики отмечают, что процесс принятия решений китайского правительства становится все более плюралистическим, в этом процессе нефтяные компании имеют очевидные интересы, они также могут расширять свои интересы и не абсолютно послушны: эти компании также учитывают свои собственные интересы. Эти интересы могут привести к переговорам, торгам, а иногда и отдалять реализацию соответствующей политики. Более того, они могут привести к параличу политики.

Другая группа – это экономисты-сторонники реформы и открытости. Они выступают против монополии и за свободную конкуренцию. Среди них один из самых известных – это У Цзинлянь (исследователь научно-исследовательского центра Госсовета КНР и заместитель директора экономического комитета при Народном политическом консультативном совете). Он считает, что «Реформа встречает большое сопротивление, сопротивление со стороны институционализированных интересов. Монополистические предприятия, конечно, не хотят разрушения их монополии. Отсутствие эффективной корпоративной структуры управления также приводит к нарушению интересов некоторых людей».

Кроме того, в Китае еще есть независимые голоса, которые часто «поют не в унисон» с государственными нефтяными компаниями. Этот голос – иностранные или китайские компании ценных бумаг. Например, «Голдман Сакс», китайские компании «СИТИК» и «Хайтун». Они регулярно публикуют доклады и рейтинги, не пытаясь влиять на нефтяную политику китайского правительства, но надеясь, что инвесторы будут вкладывать средства в их компании. Эти доклады, как правило, указывают на ошибки в годовых отчетах корпораций «CNPC», «Синопек» и «СНООК», публикуют информацию, которую сознательно скрывают и стараются игнорировать государственные нефтяные компании.

Политология

Адамс О.Ю., к.п.н.

доцент каф.политологии Востока ИСАА МГУ

Новое в борьбе с коррупцией в КНР

По данным Центральной Комиссии по проверке дисциплины к концу ноября 2008 г. было рассмотрено 144 тыс. случаев «нарушения партийной дисциплины и гос.установлений», взыскания получили более 151 тыс.чел. 4960 работников выше уездного уровня были наказаны за коррупцию. За несколько дней до начала очередной сессии ВСНП 11-го созыва депутат от пр.Цилинь Ми Фэнцзюнь был лишен полномочий за взяточничество.

Среди нашумевших – дело бывшего вице-мэра Пекина и главы столичного комитета по строительству Лю Чжихуа. Разбирательство в отношении него было начато в ходе подготовки к Олимпиаде в июне 2006 г. Уже в декабре 2006 г. он был исключен из партии за «злоупотребления служебным положением и неподобающий образ жизни». Уголовное дело подтвердило факты взяточничества, а также получение дорогостоящих «подарков» от девелоперов, включая оплату роскошной виллы в пригороде Пекина. В октябре 2008 г. Лю Чжихуа был приговорен к высшей мере наказания с отсрочкой приговора на 2 года за получение взяток на сумму 69,6 млн юаней (около 10 млн долл.).

Колоссальные человеческие потери вследствие землетрясения в пр.Сычуань (май 2008 г.) могли бы быть значитель-

но меньше при строгом соблюдении стандартов качества в строительстве. По признанию официальных лиц эта сфера остается «наиболее подверженной коррупции». Так, несмотря на принятие общегосударственных стандартов безопасности и качества строительства, остро стоит проблема безопасности школьных зданий. Их проверки на соответствие требованиям проводятся выборочно, необходимый ремонт производится в авральном порядке, часто силами недобросовестных подрядчиков. Это самым печальным образом подтвердил г.Дуцзяньян, где в школах погибло особенно много детей. Особое возмущение родителей погибших и пострадавших школьников вызвал тот факт, что из стоявших бок о бок «обычной» районной школы и школы для детей местных чиновников первая была разрушена до основания (из 660 учащихся погибло более 400), вторая же осталась практически невредимой¹.

По словам премьера Госсовета Вэнь Цзябао контроль качества пищевых продуктов в КНР – одна из наиболее «проблемных областей, обстановка в которой требует принятия неотложных мер». Еще в июле 2007 г. была приведена в исполнение высшая мера наказания в отношении Чжэн Сяоя – бывшего главы Государственного управления по контролю качества пищевых продуктов и лекарственных средств, обвиненного во взяточничестве в обмен на предоставление лицензий на производство не прошедших испытания и проверки лекарств. Это – четвертый за период реформ случай вынесения высшей меры наказания чиновнику министерского уровня. «Коррупция в области контроля качества – это позор для нашей страны. Мы должны вынести урок из нынешней ситуации, серьезно работать, ставя во главу угла безопасность людей», – заявил Янь Цзяньин – глава отдела разработки стратегии Управления². При этом он подчеркнул, что «Китай является развивающейся страной, ситуация в об-

¹ См. <http://www.nytimes.com/2008/05/25/world/asia/25schools.html>

² См. <http://www.nytimes.com/2007/07/11/business/worldbusiness/11execute-web.html>

ласти контроля качества серьезна, поскольку мы сравнительно недавно начали работать в этом направлении». Это наглядно подтвердили события 2008 г. 3 младенцев погибли и более 300 тыс. детей пострадали после употребления молочной смеси, содержащей меламин – химикат, используемый при производстве пластика. При добавлении в молоко он искусственно повышает показатели содержания белка. 3 поставщиков ядовитого сырья были приговорены к смертной казни, к пожизненному заключению была приговорена бывшая председатель совета директоров компании³.

В экстренном порядке на 7-м заседании ПК ВСНП 11-го созыва 28 февраля 2009 г. был принят «Закон КНР о безопасности пищевых продуктов», вступающий в силу 1 июня⁴. Работа предстоит колоссальная. На сегодняшний день в стране действует около 450 тыс. пищевых производств, на 80 % из них трудятся до 10 чел. Сырье поставляют крестьянские хозяйства, которых в КНР более 200 млн. Контролировать столь распыленный производственный процесс – непосильная задача, поэтому эффективность работы будет во многом зависеть от успеха планируемого укрупнения сельскохозяйственного производства. В планах также создание к 2010 г. общенациональной системы отзыва некачественной продукции, повышение эффективности работы инспекторов, которые, как ожидается, будут чаще менять область работы во избежание «складывания потенциально коррупционных связей», а также проверять большее количество товаров. Сложным остается административное взаимодействие: сегодня в КНР около 17 ведомств так или иначе связаны с обеспечением безопасности пищевой и фармакологической продукции.

Важнейшим событием стало принятие поправок к Уголовному Кодексу КНР, ужесточающих наказание за коррупцию. Так, статья 388 теперь определяет наказание за «извлечение неправомерной выгоды близкими родственниками государствен-

ных работников, а также людьми, поддерживающими с ними близкие отношения»; работниками, которые пытаются извлечь выгоду после оставления госслужбы⁵.

В январе 2009 г. группа высокопоставленных партийно-государственных работников в отставке направила открытое письмо «в Чжуннаньхай» с требованием открытости в принятии решений о расходовании средств государственного пакета стимулирования экономики. Подчеркивая, что проблема злоупотреблений всегда имела место при осуществлении крупномасштабных инфраструктурных проектов, старые коммунисты (среди подписавших письмо – бывший секретарь Мао Цзэдуна Ли Жуй, бывший начальник Отдела пропаганды ЦК КПК Чжан Хоуцзэ и др.) предостерегают от возможных «серьезных ошибок», требуя участия общественности в процессе принятия решений, большей автономии и расширения полномочий проверяющих органов, ослабления ограничений на свободу печати для выполнения ею контролирующей функции⁶.

Ситуация с коррупцией в КНР не проста, однако «тигру не дают уйти в горы». Среди факторов, положительно влияющих на ее динамику, – повышение гражданской активности. Широкое использование населением интернета для обсуждения острых вопросов заставляет власти эффективнее реагировать на злоупотребления. Обозначилась тенденция в сторону ужесточения санкций в отношении дающих взятки, прежде всего представителей частного бизнеса. Обязательной принадлежностью интернет-сайтов госучреждений, народных правительств и комитетов КПК стал адрес для сообщений граждан о случаях «нарушений партийной дисциплины и государственных установлений» (*цзича цзюйбао*)⁷. Это – давно установленная и, очевидно, приносящая плоды практика.

⁵ Полный текст поправок см. http://www.npc.gov.cn/npc/xinwen/lfgz/zxfl/2009-02/28/content_1476574.htm

⁶ Текст письма на кит.яз. см. на интернет-сайте журнала «Новый век» («Синь шицзи») <http://www.ncn.org/view.php?id=74168>

⁷ См. например сайт Верховной Народной прокуратуры КНР <http://jubao.spp.gov.cn>

³ См. <http://www.nytimes.com/2009/01/23/world/asia/23milk.html>

⁴ Полный текст Закона на кит.яз. см. <http://www.sda.gov.cn/WS01/CL0056/36186.html>.

Л.В. Гевелинг

Перспективы генезиса новой системы элит и контрэлит в странах тропической Африки

Страны субтропической Африки вступили в XXI в., будучи отягощенными грузом множества нерешенных проблем социального и гуманитарного характера. Существование государств этого региона, как и в прошлом веке, характеризуется национальными, этническими и региональными конфликтами, гражданскими войнами и межстрановыми вооруженными столкновениями, неустойчивостью политических систем и слабостью народного хозяйства, противостоянием общественных классов и социальных групп, а также наличием едва ли не всех кризисов, известных современному человечеству – продовольственного, энергетического и др.

Национальное строительство в африканских странах испытывает огромное воздействие внешних сил. С одной стороны, это влияние может носить позитивный или четко не артикулированный характер. Здесь следует упомянуть о перестройке социально-политической и экономической систем, вызванных глобализацией, перетасовке идейно-политических сил, о первых признаках планетарной этической революции. Нынешняя Африка служит зоной постепенного распространения принципов и институтов информационного общества, а также идей тотальной социальной транспарентности и постоянной верификации общественной (а порой и частной) жизни.

Кризисное развитие африканских стран дополняется и усугубляется деструктивными процессами и негативными явлениями, также свойственными глобализации. В их числе необходимо отметить распространение коррупции, негативной экономики, транснациональной преступности, а также «импорт» экологических проблем, массовой культуры. Серьезным испытанием для стран Африки стало их включение в орбиту мирового экономического кризиса, который достаточно быстро разрушил иллюзии политиков и ученых об изолированности и неуязвимости народного хозяйства государств континента. Как показывает опыт последних десятилетий, деструктивные и дис-

функциональные тренды социального бытия африканских стран имеют свойство накапливаться и служить основой для взрывных изменений в общественной жизни.

Можно предположить, что взаимодействие внутриафриканских и планетарных катаклизмов неизбежно приведет к субстанциональным и необратимым изменениям в социальной структуре африканских обществ, а также в механизмах политического управления. Почти наверняка «революционные социальные сдвиги», обусловленные симбиозом или синтезом внешних и внутренних факторов, в среднесрочной перспективе отразятся на жизнедеятельности правящих групп традиционного и современного типа. При этом масштабы, темпы и качественные параметры видоизменения руководящей верхушки африканских стран вряд ли можно будет описать понятием «гибридизация». Измененное состояние социальной действительности, новая планетарная этика и посткризисные общественно-экономические отношения, видимо, послужат основой для генезиса и ускоренного формирования новой системы местных элит и контрэлит, а также своеобразных форм организации власти.

Утверждение в Африке (и вполне вероятно, далеко за ее пределами) новых социальных субъектов политической власти должно способствовать изменению представлений от «элитарности», социальной стратификации и социальной мобильности общества. Не менее существенной представляется необходимость переосмысления методологической основы концепций элитаризма, сочетание классических и современных подходов к изучению структур и функций элиты, а также рассмотрение главных и периферийных категорий в рассматриваемой области. Прежде всего в этом отношении следует обратить внимание на такие понятия, как «элита власти», «политическая элита», «интеллектуальная элита», «партийно/государственная номенклатура», «бомонд», «социальные привилегии», «факторы престижа», «истеблишмент», «циркуляция элит», «управляющее меньшинство», «аристократическая и демократическая тенденции функционирования и развития элит». Особое место здесь должен занимать анализ огромного пласта информации и идей,

появившихся в результате деятельности различных научных школ, занимавшихся исследованием африканских элит уже в 60-е годы прошлого века.

Дольникова В.А., Липилина И.Н.
**«Политический кризис в Таиланде
 (2006 – 2009 гг.)»**

С начала 2006 г., то есть на протяжении уже более трех лет, Таиланд находится в состоянии затяжного политического кризиса, и предугадать возможный исход острой политической борьбы, которую мы наблюдаем в настоящее время, достаточно сложно. В основе кризиса лежит противоборство двух основных тенденций, отчетливо проявившихся в последние десятилетия, – это постепенная демократизация таиландского общества и укрепление парламентских институтов и сохранение влияния традиционной элиты и наиболее консервативных форм организации власти. При этом в условиях относительно недолгой демократической истории страны и незавершенности социальной модернизации общества эти тенденции не проявляются в «чистом виде», а испытывают влияние целого ряда факторов, тесно связанных с особенностями исторического развития страны. В конкретных условиях это противоборство проявилось в открытом столкновении двух сил, фактически расколовшем страну на два непримиримых лагеря. При этом на разных сторонах «баррикад» действуют близкие по своим взглядам и социальной принадлежности группы, которые используют зачастую сходные политические лозунги и в одинаковой мере отстаивают свою приверженность демократическим ценностям.

Истоки сохраняющегося противостояния связаны с появлением и весьма успешной деятельностью Таксина Чиннавата, являющего собой совершенно новый тип политического деятеля. Таксин, обладая значительными финансовыми возможностями и большим опытом, как в ведении бизнеса, так и политической борьбы, и одновременно принимая во внимание особенности национального менталитета, снискал огромную популяр-

ность у народа. Эта популярность позволила ему и возглавляемой им партии «Тхай рак тхай» впервые в истории таиландского парламентаризма дважды (в 2001 г. и 2005 г.) одержать абсолютную победу на парламентских выборах и создать эффективно действующее правительство, не раздираемое, как это практически всегда бывало ранее, острой фракционной борьбой. Несмотря на очевидные успехи политики Таксина в финансово-экономической и социальной сферах, деятельность его кабинета вызывала неоднозначную, а зачастую негативную реакцию в различных политических сферах таиландского общества. Это недовольство усиливалось по мере того, как постепенно в характере руководства Таксина наметился постепенный отход от демократических принципов управления и стали проявляться некоторые авторитарные черты. Все это привело к тому, что уже с февраля 2006 г. начинаются массовые выступления против правительства Таксина и возникает так называемый Альянс народа за демократию. По мере усиления митинговой активности Таксин распускает парламент, и на новых выборах в апреле, несмотря на бойкот оппозиционных партий, вновь получает большинство. Это в свою очередь вызывает новый всплеск протестных выступлений, отмену Конституционным судом итогов выборов и назначение новых на октябрь 2006 г. В свою очередь значительно активизируются и силы, поддерживающие Таксина, и к началу сентября выступления противоборствующих сторон достигают такого накала, что начинают представлять реальную угрозу для политической стабильности. В такой обстановке 19 сентября близкая к тайному Королевскому совету группа генералов совершает военный переворот. Несмотря на мирный характер захвата власти военными, которые мотивировали свои действия необходимостью восстановления конституционного порядка, сам факт переворота вызвал весьма негативную реакцию в различных слоях таиландского общества. Подобная реакция проявилась, в частности, в создании Национального демократического фронта против диктатуры, активно выступавшего против вмешательства военных в политическую жизнь и поддерживающего восстановление демократических институтов. Деятельность этого движе-

ние немало способствовало победе на парламентских выборах в декабре 2007 г. партии Народной силы, которая после запрета Конституционным судом «ТРТ», объявила себя ее правопреемницей и получила поддержку со стороны Таксина, скрывающего от тайландского правосудия в Лондоне. С победой этой партии стало очевидно, что традиционные методы разрешения сложных политических ситуаций в новых условиях не приносят ожидаемых результатов, и что дальнейшее развитие невозможно без участия ранее пассивных широких масс населения, их предпочтений и их выбора. Одновременно с этим Альянс возобновил массовые акции протеста и другие крайние формы борьбы с действующим правительством (блокирование дорог, аэропортов, правительственных зданий), что закончилось отстранением Конституционным судом двух премьеров и запретом, в конечном итоге, самой партии Народной силы. В результате острой межпартийной борьбы в парламенте и при поддержке Альянса победу одержала Демократическая партия, и кабинет возглавил ее лидер Апхисит Ветчачива. Однако это не поставило точку в затянувшемся кризисе. В феврале против нового правительства начались выступления Национального демократического фронта.

Переживаемые в настоящее время события очень ярко демонстрируют, как трудны и извилисты пути политического развития и утверждения в нем демократических тенденций, насколько непоследовательны и противоречивы отстаивающие ее силы. Но также очевидно, что страна на этом пути прошла уже достаточно большой отрезок, и что возврата к прошлому практически невозможно. Затяжной и острый характер кризиса свидетельствует также и о том, что происходит он в условиях ослабления, о чем уже практически открыто говорят и за рубежом и в самой стране, реальной власти короля, который на протяжении всего этого времени практически ни разу не выступил в качестве арбитра, как это он делал в прошлые годы. Правда не поддержал он и военных, хотя именно ему приписывали авторство переворота. Так что очевидно одно – для окончательного урегулирования политической ситуации потребуется время и готовность сторон идти на компромиссы.

Козицкий И.С.

Этапы становления малайзийской идеологии

В современном мире, в котором приток трудовых мигрантов в страны развитого капитализма сопровождается обострением национальных проблем, изучение уникального малайзийского опыта в области решения межэтнических конфликтов приобретает особый интерес.

В Малайзии сосуществуют исторически сложившиеся три основные этнические общины: малайская (61.4 %), китайская (23.7 %) и индийская (7.1 %), остальные немногочисленные национальные группы составляют 7.8 %.

Истоки социальной и политической стабильности, а также высоких темпов экономического роста страны коренятся в последовавших за событиями 1969 г. радикальных изменениях политического и экономического курса правительства. Майские столкновения 1969 г., сопровождавшиеся массовыми погромами и убийствами китайских и индийских граждан Малайзии, изменили вектор развития национальной политики правительства, а также поменяли взаимоотношения этнических общин страны и психологию их представителей.

Поводом для межнациональных столкновений стали парламентские выборы 1969 г., на которых со значительным отрывом победили китайские оппозиционные партии: Народная прогрессивная партия, Партия демократического действия и Движение народа Малайзии. В результате недовольства коренного населения итогами выборов произошли вооруженные столкновения с китайцами и индийцами. В течение двух дней шли уличные бои, сопровождаемые погромами немалайских кварталов.

Чтобы в будущем избежать возможности повторения подобных столкновений, правительство разработало и приняло 31 августа 1970 г. единую и обязательную для всех граждан общемалайзийскую идеологию – Рукунегара (буквально – основа государства). В ней основное внимание уделялось развитию Малайзии как «многорасового государства». Авторы проекта подчеркивали, что вся деятельность в политической, экономи-

ческой, социальной сферах, в вопросах культуры и образования должна быть подчинена цели национального единства, от которого будет зависеть и будущее страны.

Несмотря на успешные результаты внедрения новой идеологии в общественное сознание, окончательному решению межэтнических противоречий мешали экономические противоречия между представителями этнических общин. Коренные жители Малайзии небезосновательно полагали, что в стране существует «экономическое засилье китайских и индийских предпринимателей» и все денежные потоки сосредоточены в их руках. Поэтому правительство выдвинуло двадцатилетнюю программу хозяйственного развития страны – Новую экономическую политику (НЭП), которая была принята в 1971 г. Осуществление НЭП или «реконструкции» должно было способствовать преодолению экономического дисбаланса между общинами, путем «подтягивания» малайской общины по уровню экономического развития к лидерам (китайцам и индийцам) с ликвидацией отождествления этноса с определенными хозяйственными функциями. Кроме того, предполагалось повысить темпы экономического развития страны, ускорив процесс индустриализации малайзийской экономики.

Основные экономические цели были выполнены за первые пятилетки – отставание малайской общины от ушедших далеко вперед китайцев и индийцев сократилось, появился ряд крупных предприятий, экономика была переориентирована с сельского хозяйства на наукоемкие производства. Положительные результаты дали изменения и в национальной политике – граждане Малайзии осознали, что в условиях мультинационального общества для мирного сосуществования всех наций построение единой малайзийской идентичности – первоочередная задача.

Предпринятые в 1960-е гг. и 1970-е гг. усилия оправдались в 1987 г., когда, по мнению малайзийских историков и политологов, едва не повторились печальные события 1969 г. Поводом стало начатое представителями китайской общины обсуждение низкого уровня преподавания китайского языка в малайзийских школах, что, по их мнению, свидетельствовало о пренебрежительном отношении властей к немалайцам.

Возвратившись с саммита Британского Содружества в Монреале, премьер-министр Махатхир Мохамад застал страну на пороге гражданской войны. Его реакция была мгновенной – полиция провела по всей стране ряд операций по аресту зачинщиков беспорядков в соответствии с Актом о подстрекательстве (согласно ему, любой человек мог быть заключен под стражу по одному лишь подозрению в «создании ситуации, грозящей безопасности страны»). В результате было арестовано 119 человек из числа руководителей китайских и радикальных малайских партий, представителей воинствующей китайской и малайской молодежи. Были закрыты некоторые газеты экстремистски-исламского, а также радикально-китайского направлений.

Принятые меры возымели действие. Однако впоследствии Махатхиру и членам его правительства неоднократно приходилось выслушивать множество публичных обвинений в деспотизме, жестокости и откате к авторитаризму. Сам премьер-министр мотивировал свои действия тем, что эти столкновения могли перерасти в гражданскую войну, в ходе которой погибли бы тысячи жителей страны, что, в свою очередь, подорвало бы безопасность и политическую стабильность Малайзии.

Е.А. Кутовая

Россия в азиатско-тихоокеанском регионе

Как самое крупное государство Евразии, Российская Федерация проводит многовекторную внешнюю политику и поддерживает широкие торгово-экономические отношения и культурные контакты со многими странами мира. Значительное место отводится восточному вектору. Это обусловлено заинтересованностью нашей страны в том, чтобы самые протяжённые границы с соседними странами Восточной Азии оставались границами мира, безопасности и стабильности.

Азиатско-Тихоокеанский регион привлекает к себе растущий интерес со стороны российских политических, дипломатических и деловых кругов, что безусловно связано с меняющей-

ся ролью региона в мировой экономике. На страны АТР сегодня приходится более половины населения земного шара и почти две трети глобального ВВП. В 2001 г. на долю внутрирегиональной торговли в Восточной Азии приходилось 50 % общей торговли АТР. Накануне мирового финансово-экономического кризиса две страны региона – Китай и Япония обладали наиболее крупными золотовалютными резервами. Ведущие государства региона играют важную роль в сфере высоких технологий, что обеспечивает им передовые позиции в данной области на мировых рынках.

Россия готова к сотрудничеству в тех областях, где её национальные интересы совпадают с интересами других стран АТР. Важное значение имеет при этом осуществление интеграции дальневосточных и восточносибирских регионов в мирохозяйственные связи АТР. Несмотря на достаточно глубокие различия в ценностях и политических системах, на разницу в подходах к решению различных проблем существует большой потенциал для деятельности на этом направлении. В частности, речь может идти о достижении большей энергоэффективности, борьбе с глобальным потеплением. Другой важной областью сотрудничества наших стран является борьба с международным терроризмом, торговлей наркотиками, кибертерроризмом.

Каковы факторы, которые необходимо принимать во внимание, когда мы говорим о повышении роли государств АТР в современной глобальной архитектуре?

Первое. Картина мира меняется на наших глазах под воздействием целой группы факторов – экономических, политических, научных, демографических, экологических. Результатом является появление перед мировым сообществом новых проблем, новых вызовов и угроз.

Второе. В результате неравномерного экономического развития некоторые страны региона постепенно утрачивают свои традиционно высокие позиции в мировой экономике. Соединенные Штаты продолжают удерживать ведущие позиции в области высоких технологий и информатизации на мировых рынках, занимая в этих сферах первое место. В то же время в последние годы Китай развивался в шесть раз быстрее, Индия

в четыре раза быстрее, а Европейский Союз – в 1,5 раза быстрее, чем США. С учётом роли Японии и Южной Кореи в области высоких технологий представляется важным расширять сотрудничество России со странами АТР в инновационной сфере, в особенности в области нанотехнологий, информатизации, биотехнологий.

Третье. Одно из последствий глобализации – расширяющаяся пропасть между имущими и неимущими внутри одного общества и между различными обществами. В результате ООН и её специализированным учреждениям становится всё труднее контролировать ситуацию в разных районах мира, где всё чаще берут на себя ответственность укрепляющиеся региональные и субрегиональные организации и структуры. Мы являемся свидетелями формирования новой архитектуры мира, где наряду с крупными международными организациями растущую роль играют региональные и субрегиональные организации.

Четвёртое. Целям развития дальневосточных и восточносибирских регионов страны отвечает дальнейшее углубление торгово-экономических отношений России со странами АТР, использование позитивных сдвигов в этой области. Так, двусторонний товарооборот РФ – КНР вырос с 2000г. более чем в 5 раз приблизившись в 2008г. к 50 млрд.долл. Товарооборот РФ-Японии увеличился более чем на 50 % и достиг в 2007г. уровня в 18 млрд.долл., а объём японских инвестиций в российскую экономику составил около 3 млрд.долл. Продолжал расти двусторонний товарооборот между РФ и Республикой Корея, вышедший в 2007г. на уровень 15 млрд.долл.

В нынешней геэкономической обстановке в условиях углубляющегося экономического и финансового кризиса Россия крайне заинтересована в развитии интеграционного сотрудничества со странами АТР по использованию их потенциала в реализации программы экономического роста регионов Сибири и Дальнего Востока, имея в виду, в первую очередь, сотрудничество с Китаем, Японией, Республикой Корея, государствами АСЕАН.

Этой цели несомненно будет отвечать и проведение в 2012 году саммита АТЭС на территории Российской Федерации.

Экология культуры Востока

Бессонова Е.Ю.

Сближение молодежных культур России и Японии на примере японской мульт-культуры

1. Место мульт-культуры в японской культуре. История вопроса.

Под японской мульт-культурой мы понимаем аниме – современную (нач. с 40-х гг. 20 в.) японскую анимацию. Принципы построения массовой культуры японцы переняли с Запада, но переделали их на свой лад, добавив многие элементы классической японской культуры. Аниме не похоже ни на европейскую, ни на российскую, ни на американскую анимацию. Для них характерно жанровое многообразие и аудитория, в которую входят все возрастные категории. Большинство аниме это телевизионные сериалы, созданные на основе популярных манга. В современных аниме используется сложная образная система, основанная как на реалиях японской современности, так и на преданиях давних времен, в них заметно влияние традиционного японского театра, характерным признаком которого является большая символическая нагрузка. Включая в себя уникальные идейные символы, шаблоны, типажи, аниме представляет собой, с одной стороны, замкнутый, а с другой стороны, развивающийся культурный пласт. Направленность на взрослую аудиторию выражается во внимании к философской и идеологической составляющим, а так-

же в открытости тем секса и насилия (хентай – аниме порнографической направленности).

На данном этапе аниме вышли за рамки субкультуры. Это сформировавшееся массовое искусство, которое гораздо более популярно в Японии, чем национальная анимация в какой-либо другой стране.

2. Японские идеологи переосмысливают значения аниме для японской и мировой культуры.

Японский университет Мэйдзи создал крупнейший в стране научно-исследовательский институт манги и аниме. Многие ученые за пределами Японии уже ведут серьезные исследования этих жанров, и институт призван соответствовать новым мировым научным тенденциям. Роль аниме в японской и мировой культуре признана на уровне японского правительства. В МИД Японии была проведена официальная церемония по назначению аниме-персонажа кота-робота Дораэмона японским «Послом мульт-культуры» (19 марта 2008 года). Министр иностранных дел Комура лично вручил Дораэмону документ, подтверждающий его полномочия. Одновременно был создан попечительский совет, в который вошли известные ученые, общественные деятели и специалисты в области массовой культуры.

3. Аниме – инструмент в популяризации Японии в мире.

Деятельность «Посла мульт-культуры» предполагает популяризацию японской мульт-культуры за пределами Японии: жанр аниме будет знакомить людей с японской культурой, а тем самым и с самой Японией. Дораэмон должен проинформировать аудиторию за рубежом о жизни современных японцев и о том, какое общество японцы хотят построить в будущем. Во многих странах, в том числе и в России, прошли бесплатные показы мультфильма о Дораэмоне. Современные японские идеологи предполагают, что аниме, выйдя за рамки японской культуры, возьмет на себя функцию просвещения, а также внесет вклад в экосинтез культур мира, став объединяющей силой в этом процессе.

4. Аниме в России

Действительно ли аниме сможет играть сближающую и просветительскую роль? «Посол мульт-культуры» Дораэмон – это

персонаж детских аниме, но за пределами Японии аниме стало частью молодежной, а не детской субкультуры. Многообразие аниме привело к тому, что любителей аниме много и они очень разные. Вместе с ростом популярности аниме увеличилось число их противников. Наиболее серьезной проблемой становится тема насилия, которая часто приводит к неадекватности (уход от реальности, агрессивность) в поведении людей, увлекающихся просмотром и коллекционированием аниме (особенно среди поклонников стиля хентай). За любителями стиля кawaii («анимешная» попса) закрепился имидж инфантильных подростков, живущих в кукольном мире и не стремящихся взрослеть. Но есть и те, кто относится к аниме серьезно, они интересуются японской культурой, изучают японский язык, хорошо знают все вышедшие на экраны психологические аниме и аниме с философским содержанием, многие интересуются философией и психологией. В России аниме стало занимать достаточно заметное место в молодежной культуре. Стоит только обратиться к интернет-ресурсам или сходить на аниме-фестивали, чтобы убедиться в популярности аниме среди россиян. В российской субкультуре аниме существуют группы и направления, иерархия, и даже своя терминология. Создано множество клубов любителей аниме. В Уставах клубов в разделе «цели» обычно записано: «культурное сближение России и Японии и развитие на этой основе отношений дружбы и добрососедства между государствами», то есть идеологи российского аниме-движения, также как и японские идеологи стараются перевести аниме в разряд идеологических инструментов, которые должны сыграть роль в культурном сближении двух стран.

5. *Сближение культур через аниме – какой будет результат?*

Итак, в последние годы существует тенденция восприятия Японии через мульт-культуру. Аниме формируют у молодежи «анимешное» восприятие Японии, одновременно оказывая влияние на мировоззрение молодых людей. Однако пути проникновения японской мульт-культуры в Россию в основном коммерческие, качественные фильмы зачастую теряются в потоке коммерчески привлекательной, но не всегда качественной

продукции. Дальнейшее развитие жанра аниме будет зависеть от того, какие тенденции победят, и в чьих руках окажется институт аниме. Считаем, что японское правительство и японские научные круги вовремя обратили внимание на стремительное распространение аниме за пределами страны, так как во многом восприятие Японии как страны в целом сейчас стало определяться тем, как она представлена в мульт-культуре. По сути трудно назвать какую-либо другую японскую культурную реалию, которая была бы столь востребована сейчас в других странах.

Ганич В.В.

Прогноз культуры японо-руссия, как стратегия выхода из глобального кризиса

«...Для обеспечения жизни нужно иметь соответствующую философию жизни и сделать дух неприкосновенного уважения жизни всеобщей основой нашей цивилизации»

Дайсаку ИКЕДА

Стратегия (др.-греч., «искусство полководца») — общий, не детализированный план какой-либо деятельности, охватывающий длительный период времени, способ достижения сложной цели, являющейся неопределённой и главной на данный момент, в дальнейшем корректируемой под изменившиеся условия существования управленца-стратега. Стратегия относится к области практической деятельности и, поэтому о ней говорят, как об искусстве, в котором стратегия, как знание, является в роли инструмента, а стратег — в роли творца. Личность и искусство стратега являются важными, порой главными элементами стратегии.

Стратегия, как способ действий, становится необходимой в ситуации, когда для прямого достижения основной цели недостаточно наличных ресурсов. Задачей же стратегии для достижения основной цели является эффективное использование всех имеющихся ресурсов в полном их комплексе.

Что Мы, Человечество имели до настоящего времени? Какую стратегию выбрали наши предшественники и, что положи-

ли в основу своим последователям? А главное что Мы можем предложить будущим поколениям, ведь, по определению Мы имеем право корректировать под изменившимися условиями существования прежней стратегии.

Одной из стратегий развития Человечества был предложен путь развития цивилизации, приведший к современному эко-кризису, – *путь потребительского отношения к жизни и Природе, а значит и к самому Человеку*.

Одним из принципов такой стратегии явился принцип *разделяй и властвуй* (*лат. divide et impera*), который перешел от управления государственной власти, к которому часто прибегали и до сих пор прибегают правительства государств, почти ко всем направлениям деятельности Человека.

«Разжигание вражды», деление на частное между частями целого; Мы, Человечество приобщили к различным аспектам не только политики, но и всей жизнедеятельности. Основа же состоит в «*корысти; корыстные интересы определяют структуру предметных средств властвования, которые, увы, привычно воспринимаются нами как, якобы, «нейтральные», и мы тем самым оказываемся в роли не только жертв, но что еще страшнее – невольных палачей Природы и самих себя*» (З.Г.Лапина, К.И.Шилин Икеда-Тойнби-Толстой-Маркс и Культура Ямато-Британо-России, стр. 4)

Действительно, при глубоком анализе истории и развития настоящего ЭТА СТРАТЕГИЯ НИКРОФИЛЬНА И, КАК ОКАЗАЛОСЬ, САМОУНИЧТОЖИТЕЛЬНА, а уходит своими корнями в «глубинные слои человеческой жизни», главным образом – к Аристотелю, заложившему логико-философские основания современной цивилизации в целом. Современный экономический кризис – есть следствие тупикового, а точнее сказать, ГЛОБАЛЬНОГО КРИЗИСА СОВРЕМЕННОСТИ и является следствием кризиса СТРАТЕГИИ РАЗВИТИЯ Человека, как управленца.

Изначально для этого необходимо иметь следующие условия:

- стратегические цели;
- стратегические направления развития;
- стратеги-управленцы.

Как показал печальный опыт «*вестернизации*» стратегии развития Человечества, приведшей к мировому кризису, период «распада и ассимиляции» западной культуры завершился. В центре Нью-Йорка вывешено электронное табло с информацией о долге США. На 09/03/2009г. долг составляет 10 трл. 962 млрд. 753 млн. 648 тыс. 759 \$ А каждого американца мировому сообществу составляет 35 851 \$ http://www.brillig.com/debt_clock/

Сейчас же предлагается новый, по своему качественному уровню – принцип эпохи «ассимиляции и творчества», а точнее, СоТворчества с культурами Евразии, особенно России, с ее глубинами Духовного потенциала и толерантности, а также багажом русской интеллигенции. Эта «Философия Жизни» названа Экософией.

Учитывая вышеизложенное мы имеем оптимистичный прогноз развития японо-российских отношений, который складывается из множества составляющих эко-горманичного распределения сил, средств представителями Японии и России: в науке, художественной культуре, искусстве, экономике, а главное – в Душе японцев и россиян; для достижения главной цели проекта Японо – России – Сохранения Жизни.

«...И для человека важно жить в гармонии с окружающей его природой. Только выбрав для себя этот путь сосуществования и получения благ от нее, человек может поддерживать свою жизнедеятельность и проявлять созидательное начало...» (ИКЕДА Дайсаку, «Избери жизнь. Диалог Арнольда Дж. Тойнби и Дайсаку Икеды», стр. 281)

«...Я хорошо знаю, что Россия в последние годы демонстрирует интерес к интеграции в Азиатско-Тихоокеанский регион, быстро идущий по пути экономического развития, и в контексте этого прилагает усилия для освоения Дальнего Востока и Восточной Сибири. Япония приветствует такую позицию России...» (АСО Таро, из интервью ИТАР-ТАСС в Токио, «Коммерсантъ» № 212, 21 ноября 2008г.)

Подготовлено АНО «Японский Центр ЯМАТО»
на правах автора для публикации в рамках мероприятия
«Ломоносовские чтения в МГУ»

Гилевич Р.Р.

Экософия Востоко-России как стратегия оздоровления больного современного общества

*Вот — срок настал. Крылами
бьёт беда,
И каждый день обиды множит,
И день придёт...*

(А. Блок «Скифы»)

Предложенную мне тему «Экософия Востоко-России как возможность спасения цивилизации» считаю неактуальной по двум причинам. Первое. В рамках сегодняшнего состояния научного знания эта проблема неразрешима, хотя связь Запада с Востоком, в середине которой находится Россия, существовала всегда. Просто зачастую она, как подземная река, была внешне невидима и, лишь порой выходя на поверхность, удивляла мир своим многоводием. Но предполагать скорейшее соединение, то есть единство, России и Востока а с ним и Запада с Россией было бы, мягко говоря, преждевременно. Такая утопия может реализоваться лишь в голливудских фантазмагориях, когда вдруг возникает общечеловеческий враг в образе каких-либо марсианских монстров или надвигающейся планетарной катастрофы. Вот тогда мигом исчезают все противоречия и человечество становится единой семьёй. Но утопия есть утопия. К сожалению, уровень сознания объединённого человечества таков, что даже при катастрофе подобного масштаба это была бы не семья, эта была бы стая! Как при пожаре в джунглях. Львы и ягуары, антилопы и зебры, обезьяны и слоны, — все вместе, мгновенно забывая об инстинктивных осторожностях, о жажде и голоде, убегают от надвигающегося на них огня. Но вот пожар погас. И... они, как прежде, начинают жрать друг друга. Из этой аллегории вытекает вторая причина, из-за которой обозначенная выше тема неактуальна и преждевременна. Современное состояние цивилизации характеризуется вопиющим несоответствием между её энергетическими возможностями и нравственным уровнем людей, этими возможностями обладаю-

щими. Очевиден явный перекос в сторону энергетических возможностей. А к чему это может привести, наверное, даже не стоит фантазировать. Тот факт, что уже накопленного ядерного оружия хватит для многократного уничтожения планеты, говорит сам за себя. Цивилизация вошла в полосу кризиса, и сегодняшний экономический кризис — это проекция кризиса общечивилизационного. Уж слишком долго преобладала идеология потребительства, цинично затаптывая ценности духа в угоду получения удовольствий. Лозунг «Бери от жизни всё!» работал исправно. Вот и брали, пока не подошли к грани, когда брать стало всё опаснее и опаснее... а давать пока ещё не научились. Более того, у многих в голове только одно: «Когда же он, этот кризис, закончится, чтобы, как прежде, можно было брать?!» Не понимают, наивные... Да отнимут всё!!! А вот как выйти из кризиса, притом с наименьшими потерями, — это сейчас и есть самая актуальная проблема, которую, хочешь — не хочешь, а решать придётся. Но без углублённого понимания природы чело- века, без слома устаревших стереотипов сознания сделать это будет невозможно.

В своей книге «Болезнь сознания и новое мировоззрение» я ещё в 2001-ом году писал, что 2008-ой год будет годом изменения направления финансовых потоков с разрушающего на создающее, и люди, контролирующие эти потоки, должны поменяться. Собственно, в этом и заключается сегодняшний финансовый кризис.

К сожалению, формат этой статьи не позволяет детально исследовать проблему. Но если коротко, то знания о предстоящем кризисе я получил не откуда-то «сверху», не понятно, от каких сил, а сугубо научным методом. Но новым методом новой науки, которая может существовать только как объединение научного и религиозного сознания. Как например, ещё на заре цивилизации, более четырёх тысяч лет назад был дан научно-нравственный закон «око за око, зуб за зуб». И всего лишь в 18-ом веке он обрёл сугубо научную форму в виде ньютоновского закона «действие равно противодействию». И таких примеров множество.

Я вывел четыре принципа, на которые, как на вертикаль, можно нанизать все известные или ещё не известные законо-

мерности как грубого материального мира, так и других более тонких энергетических миров.

Коротко.

Это первый — принцип иерархии,
второй — принцип целостности или устойчивости системы,
третий — принцип совместимости,
четвёртый — разрушающий или доминирующий принцип.

Второй принцип формулируется так: любой элемент в системе, работая на себя, одновременно, желает он этого или нет, работает и на систему. При этом максимальная устойчивость системы определяется работой элемента на себя 40 % и на систему 60 %, то есть давать надо больше, чем брать.

Третий принцип: системы совмещаются, образуя более сложные системы, при условии наличия в них достаточного количества одинаковых элементов. Нравственный аспект, вытекающий из этого принципа, — люди доброй воли, объединяйтесь!

Я особо выделил второй и третий принципы, знание которых для разрешения сегодняшней проблемы, стоящей перед цивилизацией, имеет решающее значение. Хотя путь человека от потребителя до Творца многотруден и уж точно не короток. Но идти-то всё равно надо, лучше прямо сейчас.

Гогиберидзе Г.М.

Интервенция политического ислама на юг России: ретроспектива, современность, прогноз

В книге М.Ф. Видясовой и В.В. Орлова «Политический ислам в странах Северной Африки» совершенно справедливо говорится о «резком и даже воинственном повороте исламских движений в сторону политической деятельности», о «волновой динамике воздействия исламского вероучения на политическую жизнь арабо-мусульманского мира». При этом следует заметить, что особенностью последнего «прилива» политического ислама, традиционно охватывавшего страны Ближнего и Среднего Востока, стало то, что в этот раз в сферу его особого интереса попал Юг России.

Многие религиозно-политические организации, имеющие штаб-квартиры в исламских государствах, воспользовались обострением внутривнутриполитических, социально-экономических и национально-конфессиональных проблем на Юге России в 90-е гг. Опираясь на религиозное невежество населения, слабость местного исламского духовенства, они направили усилия на распространение несвойственной российским мусульманам идеологии радикальных течений и, прежде всего, нововахабизма. Под лозунгами «возрождение ислама на Северном Кавказе» стало набирать силу салафитское движение, получившее мощную финансовую поддержку из Саудовской Аравии, стран Персидского залива, а также от некоторых международных исламистских организаций. Цель — объединение Чечни и Дагестана, а в последующем и других северокавказских республик (Кабардино-Балкарии, Карачаево-Черкесии, Адыгеи, Ингушетии) в единое исламское государство вне состава России.

Необходимо отметить, что инициатива в исламизации Северного Кавказа исходила также и от некоторых представителей политического руководства отдельных республик, рассчитывающих с помощью этого укрепить свою собственную власть. Более того, к такому решению их подталкивали и духовные лица, стремящиеся тем самым упрочить свое влияние на республиканскую элиту и на общество в целом. Успешному наполнению радикально-фундаменталистских идей элементами экстремизма способствовала проводимая в то время в Чечне военная операция, которая преподносилась идеологами сепаратистов как война христианской России против мусульман Кавказа. Лидерами радикальных исламистских течений порой становились недавние светские представители руководства некоторых северокавказских регионов. Их апелляция к истокам ислама была мотивирована вполне конкретными политическими целями и амбициями. Они стремились стать эмирами. Эмирам зарубежные организации сулили солидную финансовую помощь и практически неограниченную власть в определенной религиозной общине (джамаате) как религиозную, так и политическую.

К настоящему времени практически все структуры салафитского толка развалились. Более того, население северокавказ-

ких республик, убедившись на примере Чечни и Дагестана, что радикализация ислама может привести регион к серьезной социально-экономической дестабилизации, в основном отказывается поддерживать салафитские лозунги. Но, судя по непрекращающимся хорошо организованным террористическим актам, некоторые из этих структур продолжают довольно активно действовать в подполье, выжидая более благоприятного момента для своей легализации. Наибольшую угрозу безопасности российской государственности представляет собой подполье экстремистского толка, нацеленное на обострение межрелигиозных конфликтов, использующее крайние формы экстремизма и терроризма. При этом следует отметить, что противодействие этому размытому и весьма искусно законспирированному явлению затруднено еще и тем, что до настоящего времени не исследована сама природа религиозного экстремизма и терроризма, отсутствует понятийный аппарат, пригодный для исследования данной проблемы. Объясняется это не только тем, что сегодня практически нет современных научных работ в этой отрасли знания, но и некоторой ограниченностью, односторонностью устаревших теорий экстремизма.

Представления о том, что для противодействия экстремизму достаточно запрета, закрепленного на уровне федерального или регионального законодательства – опасная иллюзия. Очевидно, что решение этой проблемы требует проведения последовательной, научно обоснованной государственной политики по отношению к исламу, ориентированной на поддержку объективных и полных знаний о нем.

Сложившиеся в общественном сознании ложные стереотипы и представления об исламе, как о воинствующей и агрессивной религии, красноречиво свидетельствуют о тотальном невежестве, глубоко укоренившемся на обывательском уровне. В обществе ощущается острый дефицит информации о подлинных духовных ценностях ислама, об истинном его предназначении. Именно невежество и дефицит духовности послужили благодатной почвой роста терроризма и экстремизма, взращиваемым под маской ислама. Тем более, что в информационном поле часто тиражируются устаревшие представления о мусуль-

манах, отягощенные различными этническими и геоклиматическими особенностями, не свойственными исламу, согласно которым образ верующих загоняется в этнографическую нишу, в ватные халаты, в средневековые тюбетейки и т.п. В этой связи на ближайшую перспективу наиболее актуальной становится проблема массового религиозного просвещения, проблема налаживания межконфессионального диалога, нацеленного на взаимопонимание и синтез культур.

Горелов А.А.

Экософия цельного живого знания (на пути к научно-религиозной философии)

Начну с подзаголовка. Словосочетание «научно-религиозное» может вызвать вопросы из-за своей необычности. Мы привыкли говорить «научно-практическое», «научно-техническое» и т. д. А что имеется в виду под «научно-религиозным»? То, что научные данные привлекаются для обоснования религиозных догм, или, скажем, что религия имеет научную форму? Имеется в виду то, что выразил Вл. Соловьев во фразе, взятой в качестве эпиграфа. В своей концепции «цельного знания» Соловьев утверждал, что только то положение может претендовать на истинное, которое не противоречит данным науки, философии и религии.

Таким образом, синтез философии, науки и религии определяется в концепции Соловьева двумя моментами. Во-первых, имеет место иерархия значимости, в соответствии с которой религии отводится высшее место, философии – промежуточное (посредство или общая связь), науке – низшее (базис). Во-вторых, все три вида знания необходимы в цельном знании, которое не будет цельным, если не включит в себя какого-нибудь одного.

Научные гипотезы и теории, подверженные эмпирической проверке, и религиозные догмы, утверждаемые верой, объединяются посредством философии (в этом ее *интегративная функция*) и получают в ней свое рациональное обоснование. Так три отрасли культуры, три ипостаси истины, которые име-

ют своими критериями эмпирический опыт, рациональное обоснование и стимулируемую нравственным чувством веру соединяются вместе. Это не значит, что любое утверждение может быть подвергнуто действию всех трех критериев, а означает, что оно в принципе разложимо на более простые утверждения, которые проверяемы с помощью одного из этих критериев и не противоречат двум другим. Начинается с науки, и значение каждого последующего вида знания больше, чем предыдущего. Проверка тоже начинается с науки. Если утверждения можно проверить эмпирическим критерием, то он признается решающим в пределах компетенции науки. Аналогично, в пределах своей компетенции высшими признаются критерии философии и религии.

Как физическая теория струн утверждает единую основу многообразия мира, из которой возникали все последующие уровни организации материи, так можно говорить о единой синкретичной культурной основе, из которой последовательно возникали все отрасли культуры. В рамках целостной культуры они должны занимать каждый свое особое место и не отрицать друг друга, как не отрицают друг друга молекулы и атомы, хотя их свойства различны.

Новая отрасль культуры, как и новые уровни организации материи, надстраиваются друг над другом в соответствии с принципом *интегративного разнообразия*. Каждая отрасль культуры ограничивает себя в рамках возникающего целого, но у нового целого появляются новые (эмерджентные) свойства, которых не было у существовавших прежде отдельных частей.

Ситуация здесь аналогична развитию конкретных отраслей культуры. Скажем, в науке сначала появилась физика, затем химия и биология. В дальнейшем ученые поняли, что научные проблемы не разделены по определенным дисциплинам, а представляют собой целостности, и исследования должны проводиться не только в рамках отдельных наук, которые представляют собой частные проекции на природу, но и на границах между науками. В XX веке сформировались физическая химия, биофизика, биохимия, геофизика, геохимия и другие пограничные науки.

Точно так же мир не разделен на отдельные отрасли культуры. Наука, философия, религия, искусство и другие отрасли культуры представляют собой созданные человеком частные проекции на мир, в то время как могут плодотворно развиваться и пограничные направления между различными отраслями культуры. На протяжении веков активно сотрудничают между собой наука и философия, хотя это разные отрасли культуры. Совсем не обязательно, чтобы религия находилась в антагонизме с наукой. Из того, что Галилея заставили отвлечься от своих взглядов, ни науке, ни религии не стало лучше. В то время казалось, что противоречие между гелиоцентрической системой мира и христианством неразрешимо. Но противодействие религии не помешало развитию науки, а победа науки в споре о том, вращается ли Солнце вокруг Земли или Земля вокруг Солнца, не привела к отказу от христианства. Все человеческие утверждения – научные, философские, теологические или какие-либо другие – в соответствии с принципом эволюции могут совершенствоваться и даже заменяться другими. Конфликты между различными отраслями культуры неизбежны, как столкновения между плитами, на которых лежат континенты. Такие конфликты могут быть плодотворными и вести к прогрессу всех отраслей культуры, если они будут своевременно и позитивно разрешаться. Итак, первый принцип нашего подхода к сложным проблемам – *принцип целостности применения данных всех отраслей культуры*. Второй принцип можно назвать *принципом непротиворечивости*: используемые положения не должны противоречить данным отдельных отраслей культуры. Становясь целостным, как жизнь, знание становится живым, т.е. мудростью жизни, экологической мудростью, Экософией.

Григорович Н.Б.

Русские колыбельные и японские комориута: магия слова

Колыбельные песни – один из древнейших жанров мировой фольклорной культуры. Это даёт основание для дискуссий о

генетической общности колыбельных с песнями магических обрядов. Тем более интересно проанализировать природу колыбельных, сравнивая особенности явлений одного порядка в разных культурах.

Функция колыбельной состоит в совершении обряда над засыпающим с целью правильного перехода и благополучного пребывания в ином состоянии, состоянии сна. Аналогичную цель преследует обряд в любой традиционной культуре. Так, в русской жизни обряды сопровождали такие переходы в новое качество, как девичество-замужество (свадебный обряд), уход на военную службу (солдатские причитания), смерть (похоронный обряд) и др. Синонимичность функций этих переходных обрядов в русском фольклоре находит подтверждение в таких устойчивых аналогиях как смерть-женитьба в солдатских песнях («...Та не кажи, коню, що я вбився, // а кажи, коню, що я оженився...»), сон-смерть в колыбельных особого типа («Бай да бай // Закрой, Люсенька, очи, // Спи, спокойной ночи! // Закрой, Люсенька, глаза, // Мы кладём под образа...»). В Японии к подобным обрядам можно отнести те, которые связаны с рождением-смертью, с переходом в иную возрастную категорию (инициация).

Японский учёный Икэгами Ёсихико в статье «The lullaby as magic: a textual analysis of traditional Japanese children's songs» пишет о магической природе ряда японских колыбельных песен, сравнивая структуру текста детских песен, в том числе и колыбельных, и песен ритуальных. Автор статьи приводит схему структуры текста японских колыбельных, предложенную Лафкадием Херном в статье «Songs of Japanese children»:

Спи!	Послушание — благоприятные последствия
	Непослушание — неблагоприятные последствия

Икэгами Ёсихико пишет об идентичности этой структуры колыбельных и структуры текста других старинных детских песен, а также текстов ритуальных обрядов. Сравним вслед за автором тексты двух японских песен (в первом примере схема воспроизводится полностью; во втором — частично):

Nen-nen kororiyo okororiyo // Boya wa yoikoda nenneshina // Nennesuruko nya akai bebe kisete, // Oishii oishii omanma ageru. // Okitenakuko nya shima no bebe kisete // Kowai okao o miseteyaru (Спи, спи, славный мальчуган! // Ребёнка, который спит, я одену в красное // И дам что-то вкусное. // Ребёнка, который плачет и не спит, // Я одену в полосатое // И скорчу ему страшную рожу) (японская колыбельная)

Umenoki, umenoki // Ume naruka, naranuka, // naraneba, kiruzo, // Odoo ja, odoo ja. (Сливовое дерево, сливовое дерево, // Дашь сливы или нет? // Если не дашь, спилю под корень) («naruki-zeme» — ритуал побуждение дерева к плодоношению)

За смысловым тождеством колыбельных и ритуальных песен стоят архаичные антропоморфные представления, связанные с наделением неодушевлённых предметов, явлений природы и абстрактных понятий человеческими качествами. В русском фольклоре зачастую явления окружающего мира представлялись в виде мифологических существ. В колыбельных — это Угомон-Угомоновна, Сон-Дрёма — олицетворение сна, персонажи успокоители, Бука, Бабай — персонажи вредители. Народные верования японцев, определившие базовый уровень синтоизма, связаны с представлениями о духах, которые обитают в горах, водах, лесах и домах. Ставя цель добиться от этих потусторонних сил нужного результата (сна, урожая, благополучия) или же защититься от их воздействия, человек стремился одарить или запугать их, другими словами, магически воздействовать на действительность.

Объединив, таким образом, ряд колыбельных и магических песнопений русского и японского фольклора, попробую выделить ключевые компоненты в структуре этих текстов. Во-первых, это обращение к адресату — имя ребёнка, имя героя мифологии или одушевлённый персонаж окружающего мира. Во-вторых, изложение просьбы. И в третьих, обещание вознаграждения за исполнение просьбы/наказание за отказ. В схематичном виде это можно представить следующим образом:

Адресат	Цель обращения	Воздействие (одаривание, наказание, изгнание)
---------	----------------	---

Несколько примеров, иллюстрирующих эту схему.

Баю-бай, баю-бай, // Поскорее засытай. // Выну из зыбки. // Кину в море рыбку. // Скушай, рыбка, **Лиленьку** // Непослушную (русская колыбельная)

Котинька, коток, // **Котя, серенький хвосток,** // Приди, котя, ночевать, // мово Лёшиньку качать, // Прибаюкивать. // Я тебе коту // за работу заплачу, // беленький платочек // На шею навяжу (русская колыбельная)

Ночная полуночна // **утренняя полуутренна** // **денная полуденная** // **вечерняя полувечерняя**, // не тешься моим младенцем // на тебе топор // секи и руби, // от моего младенца отойди, // дай моему младенцу спать и молчать, // уснуть-умереть (русский заговор на возвращение сна)

Nigori, nigori, yamare. // Yamaryana, teppo no tama // Uchikomuzo (**Нечисть, нечисть, сгинь!** // **Если не сгинешь, я выстрелю в тебя из ружья**) (японская детская песенка)

Nen-nen korori okororiyo, // Nenne suru ko ni nani ageyo, // Akai obebe ni akai kutsu, // Miyo-chan no sukina oningyo (**Спи, малышка!** // **Если ты уснёшь,** // **Что я подарю тебе?** // **Красное платье и красные ботиночки.** // **Куклу, которых ты так любишь, Миё**) (японская колыбельная).

Р.Ш. Джарылгасинова

«Каменные деды» – символ традиционной культуры острова Чеджудо (Республика Корея)

Остров Чеджудо – самый большой корейский остров (1862 кв.км) расположен в 185 км к югу от Корейского полуострова. В европейской, американской и русской дореволюционной литературе он был известен под именем Квельпарт, которое ему было дано голландским моряком Генрихом дю Гамелем, одним из первых европейцев, попавших сюда в 1653 г. в результате кораблекрушения. Необычные географические условия острова и особенности этнической истории своеобразно преломились в культуре и быте островитян. Своеобразным символом культуры о. Чеджудо является *Толь Харубан* («Каменный

Дед»). Другие варианты произношения его имени – *Толь Хальбан, Толь Харыбан, Толь Хальабоджи* также обозначают «Каменный Дед».

Толь Харубан считается покровителем жителей о. Чеджудо. Скульптуры делали из пористого черного базальта, которого много на острове. В прошлом скульптуры Толь Харубан как защитников устанавливали около домов или при входе в город или в деревню. Позднее они стали выполнять также функции охранителей дорог. *Толь Харубан* почитались как изображения гигантских деревенских духов, которые изгоняли бедствия, неудачи, болезни. Их называли также *Соксин* («Каменные Боги»). *Толь Харубан*, в целом, похожи друг на друга, хотя надо отметить, что почти каждая скульптура имела свои своеобразные, присущие только ей детали. Они, как правило, вырезались из одного куска пористого базальта. Рост статуй колеблется от 1 м 32,2 см до 1 м 81,6 см.

Толь Харубан имеют большую голову, увенчанную шляпой с высокой тульей. Тулья по всему нижнему краю как бы оторочена выступающими загнутыми полями, или может быть меховым (?) валиком. У «Каменных Дедов» огромные, круглые широко открытые глаза без зрачков, а также большие, как бы прижатые к голове уши с длинными мочками. Кроме того, у них массивные носы, резкие черты лица. Но самое удивительное – выражение лиц каменных богов. В каждом лице есть всегда что-то свое неповторимо индивидуальное: порой невозмутимое спокойствие, порой как бы скрытая где-то в уголках губ ироничная улыбка, а иногда – удивление...

Левая рука статуй, как правило, прижата к сердцу, а правая – спокойно лежит на талии. В расположении рук существуют варианты: иногда обе руки лежат на талии, иногда кисть правой руки расположена выше кисти левой руки. Статуи не имеют ног. Их торсы устанавливались на каменных постаменах.

Существовала примета, что если женщина, ждущая ребенка, отобьет кусочек носа *Толь Харубна*, размельчит его и выпьет этот порошок с водой, у нее обязательно родится сын. Такие

приметы и обычаи в Корее нередко были связаны и с буддийскими скульптурами.

Вопрос о происхождении и о времени появления *Толь Харубан* на о. Чеджудо продолжает оставаться дискуссионным. Некоторые корейские ученые полагают, что «Каменные Деды» связаны с буддизмом, который, возможно, проник на о. Чеджудо с Корейского полуострова еще в период Трех государств (Когурё, Пэкче и Силла, I в. до н.э. – VII в. н.э.) – из государств Пэкче и Силла. И, возможно, они изображают Будду Будущего Майтрею (санск.) – (кор.) Мирык. Об этом свидетельствует обычай устанавливать скульптуры *Толь Харубан* в погребальных комплексах. Другие исследователи считают, что появление *Толь Харубан* связано с периодом присутствия на о. Чеджудо монголов в XIII–XIV вв. Сейчас все чаще высказывается мысль о связи «Каменных Дедов» о. Чеджудо с каменными скульптурами о. Пасхи. В настоящее время около пятидесяти старинных статуй *Толь Харубан* хранятся в исторических и этнографических музеях о. Чеджудо.

На о. Чеджудо в наши дни широко распространено народное ремесло по изготовлению небольших сувенирных скульптурок «Каменных Дедов». Нередко сувенирные экземпляры раскрашивают в разные цвета, и в туристических центрах всегда идет бойкая торговля этими сувенирами.

Дальнейшее изучение «Каменных Дедов» о. Чеджудо, несомненно, прольет свет на решение проблем этногенеза и истории культуры этого удивительного района Кореи.

Ермаков К. В.

сотрудник Центра корееведения
ИСАА МГУ

Корейский конфуцианец Чон Дасан (1762 – 1836) о роли техники в жизни человека и общества

В объёмном наследии корейского мыслителя Чон Дасана (1762 – 1836) – а это около 500 томов произведений – работы, посвящённые вопросам развития и использования техники, за-

нимают, на первый взгляд, не очень значительное место. Основной массив многотомного собрания сочинений философа посвящён вопросам трактовки конфуцианских классиков, методам управления государством, экскурсам в историю – словом, всему тому, чем и было положено интересоваться образованному человеку в средневековой Корее. По сравнению с этими «томами премногими», статьи по различным аспектам технического знания выглядят довольно скромно, занимая весьма небольшой объём. Небольшой, но не незначительный: ведь тем примечательнее сам факт, что конфуцианский учёный удостоил своим взором не только проблемы мироздания и справедливого устройства общества, но и более «земные» вопросы строительства понтонных мостов, возведения фортификационных сооружений, использования подъёмных механизмов и даже разведения чая.

Большая часть таких статей носит характер «докладных записок» на имя вана и сфокусирована на каком-то конкретном аспекте. Например, работа может называться «Нуджо тосоль» – «Схема и описание резервуара для воды [для тушения пожара на воротах крепости]». Или «Киджунъ тосоль» – «Схема и описания подъёма грузов». Записка могла быть посвящена методам укрепления крепостной стены бастионами или же возведению барбакана – своего рода надвратной башни в виде полукруглой стены перед входом в городские ворота.

Иными словами, перед нами детальные описания конкретного устройства, механизма или метода. Это и неудивительно: интерес Чон Дасана к вопросам техники был инспирирован самим государем – ваном Чонджо (правил 1776 – 1800). Для Чонджо талантливый, подающий надежды чиновник представлял интерес как способный молодой человек, который мог бы в будущем играть немаловажную роль в административном аппарате страны и быть для вана надёжной опорой в противостоянии оппозиционным силам. В лице Чон Дасана ван хотел видеть прежде всего умелого управленца, а не кабинетного философа. Видимо, этим объясняется настойчивость, с которой монарх обращался к Чон Дасану с повелением составить описание какого-нибудь очередного технического новшества: так

правитель воспитывал своего подданного, готовил его к дальнейшей карьере сановника.

Работа под началом государя, а также знакомство с рядом технически образованных людей того времени (например, с Пак Чега – мыслителем, особенно настойчиво предлагавшим перенимать опыт Китая и применять научные познания на практике) оказали на Чон Дасана определённое воздействие и заставили задуматься о роли техники в жизни человека и общества. А накопленные опыт и знания получили обобщение и вылились в работу под названием «Киерон» («Рассуждение [о роли] технических умений»), датируемую приблизительно 1800 г.

Трактат «Киерон» стоит в творчестве мыслителя несколько особняком. В отличие от прочих работ такого рода, написанных по (вынужденным) поводам, «Рассуждение [о роли] технических умений» носит характер обобщающего труда. В нём разбираются общие вопросы истории развития техники и даются рекомендации по развитию конкретных отраслей хозяйства. Выделим несколько ключевых положений данного труда.

Прежде всего, стоит отметить подход Чон Дасана к вопросу эволюции технических знаний. В противовес распространённому убеждению, свойственному той эпохе, будто любое изобретение – плод работы одного мудреца, Чон Дасан утверждает обратное: технические усовершенствования производятся не одномоментно, а в течение длительного времени, и являются результатом деятельности многих людей. Развитие техники представляет собой, таким образом, эволюционный процесс.

Основываясь на этом положении, автор пытается разбить и другой стереотип эпохи – представление о том, что якобы всё лучшее, что есть в Поднебесной, уже давно корейцами заимствовано, а у современного Китая, управляемого «варварской» маньчжурской династией Цин, учиться нечему. Напротив, Чон Дасан убеждает своих современников в том, что пока не поздно, пока Китай готов к культурным контактам и не захлопнул в очередной раз двери перед иностранцами, необходимо заимствовать всё то полезное, чего достигла китайская цивилизация. В качестве примера учёный указывает на Японские остро-

ва, добившиеся благодаря своим культурным и торговым связям с Китаем значительного развития, и даже достигшие равного со Срединной империей уровня технического знания.

В трактате «Киерон» мы находим и ещё одно важное, знаковое положение. По мысли Чон Дасана, нравственность человека заложена в нём самом, носит непреходящий характер и отражена в книгах мудрецов древности, а потому это не та субстанция, которую следует заимствовать извне или же поручать поновому осмысливать потомкам. С другой стороны, всё то, что касается техники, имея, как мы уже выяснили, способность развиваться, непосредственно влияет на благосостояние народа. И посему – ради блага простых людей – технические умения не грех перенимать у великого соседа.

Думается, что написанный два столетия назад трактат «Киерон» является знаковым как для творчества Чон Дасана, так и для корейской конфуцианской мысли в целом, а его изучение представляет не только научный, но и практический интерес. В «Рассуждении [о роли] технических умений», на наш взгляд, сформулирована центральная идея восприятия и заимствования корейцами знаний из-за рубежа: объектом интереса является техника, но никак не моральные устои. А сама техника, в свою очередь, призвана делать комфортнее жизнь народа, но никак не правящей верхушки. Понимание этого тезиса позволяет лучше осмыслить и точнее представлять себе модель культурного взаимодействия корейцев с окружающим миром.

В.Н.Зайцев

Два взгляда на «неживую» природу: образы гор в европейской и восточноазиатской художественных традициях

К самым наглядным проявлениям глубоких различий между культурами двух типов – европейской и азиатской – можно отнести устойчивые традиции и каноны школ изобразительного искусства Европы и Азиатского Востока. Эти различия очевидны не столько в образах человека, животных и растений,

как в подходе европейских и азиатских художников к отображению земного рельефа и особенно – гор.

Есть основания утверждать, что в картине мира, создававшейся западными художниками со времён античности до наших дней, поверхность земли не относилась к числу главных предметов их внимания, которое было сосредоточено преимущественно на образе человека или богов и божеств в человеческом, как правило, облике. Новейшие течения в западном искусстве, повернувшие в XX веке главный вектор его развития (пресловутый *mainstream*) вспять – от идеалов жизнеподобия и совершенства, поисков гармонического синтеза элементов к упрощению и огрублению сложного, многогранного целого, его дроблению на якобы самодостаточные, а в действительности ущербные, выморочные составляющие, – упростили и обесценили образы гор в той же мере, как и всё, что художник видит вокруг.

Совершенно иной взгляд на «немые громады» присущ искусству Китая, Кореи, Японии и некоторых других стран восточноазиатского культурного ареала. В течение многих веков в этом искусстве существовала устойчивая традиция изображения видимого мира по определённым правилам, которые никогда не ставились под сомнение и не устаревали. Это относится прежде всего к восприятию природы. В отличие от европейских художников, которые видели в ней главным образом пространство обитания человека, китайские всегда предпочитали природу «дикую» и наиболее совершенным её выражением считали горы, что, вероятно, в существенной мере определило свойственные китайской живописи особенности перспективы. Гора служит основой пластических поисков в линиях, массах, тональных отношениях и даже эффектах освещения. Как справедливо заметил французский искусствовед Жорж Саль, в китайской живописи горам принадлежит такое же место, какое в живописи европейской традиционно отводилось обнажённой натуре. Эта аналогия может быть продолжена. Подобно тому, как европейские художники наряду с фигурами людей любовно и мастерски изображали всё, что с ними непосредственно соприкасается или их окружает (одежды, украшения, архитек-

турная среда, предметы обихода, животные, растения), их восточноазиатские собратья по искусству виртуозно и достоверно воспроизводили всё, что соседствует с горами: спокойную водную гладь или низвергающиеся потоки, деревья и кусты, птиц, зверей, иногда фигуры людей. Последние – обычно на нижнем плане композиции и вовсе не в роли главных её персонажей.

Столь глубокие различия между европейским и восточноазиатским восприятием и воплощением образов гор, как и в целом земного рельефа, несомненно, можно считать одним из проявлений разнотипности картин мира, преобладающих в той и другой культурах. Западный, со времён утверждения в Европе христианства радикально антропоцентрический, «гуманистический» взгляд на земное пространство, обычно воспринимает минеральную кору планеты как нечто инертное, статичное и бездушное, словно не замечая того, что жизнь покоится на этой основе. Возможно, поэтому в искусстве Запада горы в большинстве случаев представлены либо с той или иной мерой условности, нередко шаблонной, либо, напротив, с сухой, старательной дотошностью, либо, наконец, с намеренным подчёркиванием их торжественного, но пугающе-холодного, стерильного величия (как, например, у Н. Рериха). Для азиатов же именно в горах, даже когда они лишены органических покровов, наиболее впечатляюще воплотились премудрость и вечные тайны мироздания.

Редким примером гармоничного соединения западного, аналитического взгляда на облик гор с восточным, созерцательным могут служить пейзажи гималайского цикла русского художника Станислава Никиреева (1932 – 2007). Физические свойства каменных громад, сложнейшая фактура их поверхности переданы мастером с такой безупречной, окончательной достоверностью, что опытный геолог, вероятно, смог бы по этим признакам назвать составляющие их породы. Но при этом – никакой дробной описательности. Горы здесь предстают – если вспомнить метафору М.Ю. Лермонтова – «престолами природы, с которых как дым улетают громовые тучи», – тем величавым ликом земли, который она являла Вселенной ещё задолго до того, как на ней появился человек.

Клобукова (Голубинская) Н.Ф.

Проблемы адаптации русского певческого канона в японской православной церкви

Православный певческий канон как неотъемлемая часть русской духовной музыкальной культуры в целом и важнейшая составляющая православного богослужения претерпел немало трудностей как объективного, так и субъективного порядка, прежде чем укоренился в японской музыкальной культуре, обогатив и развив ее. Основатель и архипастырь Японской православной церкви высокопреосвященный о.Николай (в миру – Иван Касаткин, 1836-1912), причисленный в 1970-м году к лику святых как равноапостольный, в самом начале своей многотрудной миссионерской деятельности поставил перед собой цель создания японской школы церковного пения на основе русского певческого канона. Для достижения этой цели необходимо было осуществить три основные задачи: (1) *перевод богослужебных текстов на японский язык*; (2) *музыкальное переложение мелодий русских православных молитв применительно к японскому языку*; (3) *обучение церковному пению*. Работу над переводами богослужебных книг (Евангелия, Нового Завета, Октоиха, Ирмологиона, Тропария, Псалтири, Часослова и др.) владыка не прекращал вплоть до своей кончины в 1912 году, и именно благодаря его самоотверженному труду Японская православная церковь получила возможность совершать богослужения на своем родном языке. При переводе молитвенных песнопений необходимо было не только сделать их понятными и благозвучными, но и «уложить» их текст в канонический православный распев. Первым молитвословием на японском языке было «Икутосэмо» («Многая лета»), пропетое на благодарственном молебне в честь обнародования императором Конституции в 1889 году, причем его словесная формула была найдена с большим трудом.

За основу вновь создаваемого певческого церковного обихода о.Николаем был принят хорошо знакомый ему «Обиход» и «Осмогласие» (свод мелодико-ритмических формул для пропевания молитвенных текстов, разделенный на восемь гласов)

Санкт-Петербургской певческой школы. Однако строй японского языка и его фонетика зачастую оказывались непреодолимым препятствием как для адекватного перевода отдельных песнопений, так и для переложения их на музыку. Так, русская фраза «С нами Бог», состоящая из трех слогов, по-японски звучит как «Ками ва варэра то томо ни су», что составляет 11 слогов. Проблемой был также часто встречающийся в японском языке звук «н» как полноценный слог, поскольку на одном этом звуке распеть длинную музыкальную фразу, как это часто случается в церковном пении, невозможно.

Однако самой большой трудностью было создание церковного хора и обучение певчих из числа японских христиан. При Православной миссии в Токио был основан хор, кроме того, в духовной семинарии и катехизаторской школе были введены классы двухголосного пения, где под руководством регентов, музыкантов из России Я.Д.Тихая, а затем Д.К.Львовского (с 1881 г.), проделавших вместе с о.Николаем огромную работу по 4-голосному изложению песнопений Всенощного бдения, Божественной литургии и других служб (молебнов, треб, праздничных служб и т. д.), японские студенты осваивали европейскую нотную грамоту (до этого времени в Японии неизвестную) и учились стройно петь на два, три и четыре голоса. При обучении записи музыки нотами и технике пения по нотам возникли большие трудности в силу того, что эта нотация *абсолютна*, то есть каждая нота представляет собой звук конкретной высоты и длительности, в то время как все японские вокальные системы нотации *относительны* и отображают общее движение мелодии относительно пропеваемого текста. Однако самая большая проблема насаждения русского певческого канона на японской земле была выявлена при подготовке 4-голосного хора, а именно – *противоположность музыкальных менталитетов*. Японская музыкальная культура необычайно богата, кроме того, вся она в основе своей вокальна, но гармоническое хоровое многоголосие в ней отсутствует в принципе. Те жанры хоровой музыки, которые существуют в японской традиции (хоровое пение во время синтоистских и буддийских богослужений, хор театра Но, народное хоровое пение), относятся к

гомофонному (унисонному) хоровому стилю. Гармония же как вертикаль, образованная консонантными созвучиями, японской музыкальной традиции не присуща; кроме того, при пении хором точность интонации и совпадение тембров не обязательны в силу абсолютной ценности каждого отдельного звука. В русской же православной хоровой традиции, которая к концу XIX века сложилась как симбиоз одноголосного знаменного распева и партесного (многоголосного) пения, напротив, первостепенное значение придается безупречному интонированию и нерасчлененности хорового звука, – хор должен петь («дышать») как один человек. Разные типы музыкального мышления породили, казалось бы, непреодолимую преграду в укоренении русской певческой традиции, но все же к 1891 году был, во-первых, создан прекрасный 4-голосный хор Токийского Воскресенского собора, способствовавший популяризации нового для Японии певческого жанра, а также порождена культура одно-двухголосного приходского церковного пения. Можно с уверенностью сказать, что именно благодаря русскому церковному певческому искусству по сей день в Японии очень популярно хоровое пение. Слова о.Николая о церковном пении, написанные им в его Дневниках в 1904 году, по сей день звучат убедительно и современно: *«Нужно только в Церкви внятно читать и петь, а молящемуся внимательно прислушиваться, – и целое море христианского научения вливается в душу – озаряет ум познанием догматов, оживляет сердце святою поэзией, одушевляет и движет волю вслед святых примеров»* [Цит. по: Г.Е.Бесстремянная. Христианство и Библия в Японии. М., 2006. С.7].

Ключников С. Ю.

Воспитание экософского сознания в эпоху кризиса

Мировой кризис, диктует острую необходимость в скорейшей разработке инновационной идеологии, способной вывести страну из тупика.

Кризисные процессы, происходящие в мире носят сложный и противоречивый характер. Замедление темпов технического

прогресса не только снижает экономическое развитие во всех странах мира, но и уменьшает техногенное давление на природу, что приостанавливает экологическую деградацию планеты и дает человечеству время, чтобы одуматься. Это создает благоприятные условия не только для разработки, но и для принятия в стране и мире новой экософской парадигмы развития цивилизации. На наш взгляд, ее главные черты должны состоять в следующем.

Во-первых, необходимо учитывать, что ее возможное принятие будет происходить в экстремальных условиях нарастающего социального хаоса. Поскольку сознание людей в подобные исторические периоды обычно занято материальными и финансовыми проблемами выживания, экософские идеи должны быть вписаны в интеллектуальный контекст своего времени и оформлены в виде самостоятельного национального проекта с прагматическими выводами и планом конкретных действий или вплетены в уже существующие проекты, например, в национальный образовательный проект. Во-вторых, необходимо рассмотреть с экософских позиций сам феномен кризиса и увидеть в нем естественный процесс сопротивления целостного организма живой природы ментально-технократическому экотопическому проекту, реализуемому в ходе развития современной цивилизации. В этом случае кризис, в котором принято видеть неизбежное зло, мешающее получать прибыль и комфорт, предстает позитивным процессом, освобождающим человечество от финансово-идеологического рабства.

В-третьих, преодоление кризиса на глобальном уровне возможно при условии совместных усилий различных государств, народов и культур. Страны, сохранившие традиционную культуру в наименее поврежденном состоянии и отказавшиеся от американской модели экономики и системы ценностей, имеют более высокий шанс успешно преодолеть кризис, чем государства с либеральной идеологией.

Для плодотворного сотрудничества с этими странами нужна новая гуманитарно-духовная идеология. Теория востокоруссии, разработанная К.И. Шилиным и З. Г. Лапиной, является эффективным интеллектуально-духовным инструментом, по-

звляющим использовать все ценные наработки индийской, китайской, японской, исламской культурно-цивилизационной традиции в области противостояния кризису. Востокоруссия является мощным идеологическим оружием, помогающим России избавиться от либеральной системы ценностей с непропорциональным развитием мужских идей и черт, доминирование которых над женскими привело к кризису. Идеи востокоруссии с ее живой духовностью могут быть востребованными в самых разных областях жизни и, прежде всего, в сфере образования. На сегодняшний момент востоковедческое образование страдает отсутствием единой идеологии и методологии. Востокоруссия как раз и могла бы стать подобной идеологией. Сотрудничество России со странами Востока в сфере образования, его перестройка, нацеленная на задачи выхода из кризиса не только желательны, но и неизбежны. Девестернизируя преподавание востоковедческих дисциплин и принося на Восток ценности русской духовной культуры, востокоруссия могла бы стать основой для межнационального и межкультурного взаимодействия, полезного не только для России, но и для культур Востока.

*З.Г.Лапина, В.Б.Вальцев, Н.И.Дряхлов, Ю.Г.Ионов,
К.И.Шилин, М.Эгути (Япония), Е.И.Рачин*
**Проект «Экологическая
философия культуры востоко-русии»
(проблемы будущего востоковедения)**

Глобальный финансово-экономический кризис интенсифицировал поиск новых, особенно фундаментальных, в том числе и инновационных (техничко-экономических) идей во всех сферах современной жизни, актуализировал проблему разработки качественно новой Стратегии развития высшего (и всего в целом) образования в России-мире. *Оценка политиками-экономистами этого кризиса как только «финансово-экономического» – наивна и недостаточна. Это кризис всей экофобно-социальной системы и самого человека-потребите-*

ля, или бездуховного, «экономического» человека. Между тем реальным ключом к преобразованию мира может быть лишь Культура, ибо она как самое широкое понятие представляет вечную ценность и служит базисом для построения Будущего. Культура – самоорганизующаяся система духа человека, в пространстве которого проявляется творчество самого Космоса. Культура – дух творчества человека, а цивилизация – его материя. Культура вечная и неуничтожаемая является главным устоем в космической эволюции. Цивилизация конкретна и преходяща. Культура несет в себе высокую энергетику духа, а цивилизация как материя – более низшую энергию. Сейчас материя отошла от духа, поэтому так актуально одухотворение материи и самой жизни. Существует более 500 определений понятия культуры, что отражает трудность гносеологического порядка. Ведь источник культуры находится за пределами человеческого сознания. Определение культуры как «почитания света» многоаспектно, на главное, что оно выражает связь человека с высшим миром. Общение на вершинах культур – залог взаимопонимания и единения народов. Стержень культуры – совершенствование человека в целях преобразования мира. Эволюция мира свершается через синтез как творческий процесс соединения двух начал (инь-ян), способ развертывания самой жизни. В этом контексте выход из кризиса – в переходе к самосозиданию человека в Человека-Творца, способного творить и саму Жизнь, и всю эколого-социальную систему в целом, а рыночную экономику преобразовать в Живую. В этом смысле Экософия духовной культуры эко-гармоничного будущего выступает в роли такой, качественно новой Стратегии «поворота колеса истории» на постцивилизационный уровень. Необходима смена не только современной модели экономикоцентрично-цивилизационного «прогресса», но нечто, гораздо более фундаментальное, а именно выход

1. на уровень постцивилизационного, эко-гармоничного развития

2. современной радио-эгоистичной личности на качественно новый уровень уже духовно-творческой индивидуальности.

Мир в лице своих творческих элит для этого вполне созрел. В еще большей мере мир предуготован для перехода в новое качество в силу того, что человечество незаметно изменило соотношение масштабов своего взаимодействия с биосферой, став фактически ведущим фактором эволюции жизни. «Ключевым» моментом и в создании угрозы эко-катастрофы, и в выходе из нее принадлежит системе средств. И выбор за нами. Очевидно, что вариант Запада, с его экофобной системой средств, для нас не приемлем. Тем более, что классически-традиционные культуры Востока сохраняют поныне, хотя и на интуитивном уровне, свою систему средств гармонично-Живыми. Осмысление этого – задача подлинной русской-российской, в том числе гуманитарной интеллигенции. Очевидно, что *экономические* проблемы следует переосмыслить как частные *экологические* и *пересотворить, ныне экофобные, предметно-экономикоцентричные средства в экофильно-гармонизирующие*. Эту задачу и решает – по замыслу – Экософия культуры Востока-России (воплощаемая в «Энциклопедии Живого знания»), предлагая эко-гармонизацию-креативизацию системы средств путем

1) создания Экософии Живого знания и Живой логики Творчества посредством эко-гармоничного синтеза трех форм мудрости-логики: Востока-Запада-России;

2) интеграции искусства-религии-*науки* в варианты Живого знания как средств Творчества Творцов Жизни;

3) эко-гармоничного синтеза гуманитарного и естествознания в Живое знание (включая экономическое и технико-знание), развивая их в средства Творчества Жизни, а экономики в Живую экономику.

Это предусматривает превращение системы образования в систему совершенствования творческой индивидуальности как **системообразующего** аспекта культуры – самой широкой системы общения между человеком и Живой Природой. Этот, кратко намеченный нами, комплекс мер сэкономит огромную массу средств, ныне бесплодно расходуемых на ставшую экологически опасную борьбу человека против Природы и друг против друга. Это противостояние должно смениться экогармо-

ничным взаимотворчеством, что в дальнесрочных планах оказывается гораздо выгоднее экономически. Смена вектора развития требует смены средств методологии-логики: т. е. развитие *политэкономии, философии, формальной логики* в Экософию и в Живую метаформальную логику Творчества. Таким образом, речь идет о смене парадигмы. Сообществу творческой интеллигенции России-Востока-мира предстоит «переворужить» себя, *интеллектуальную, а затем и полит-экономические* элиты новыми, эко-гармоничными средствами, отвечающим великим вызовам Новой эпохи.

Культура России, в силу своей интегративности позволяет решить этот комплекс проблем с учетом **экологически позитивного** опыта Востока и негативно-позитивного – цивилизации Запада. Восток по типу своей культуры ориентирован преимущественно на развитие Детского и Женского духовно-творческих потенциалов, в то время как цивилизация Запада гипертрофирует ныне доминирующую агрессивную специфику подростково-юношеского («à la Александр Македонский») **интеллекта**. Русская культура изначально объемлет их всех, особо акцентируя на потенциале соборно-синтезирующего варианта духовно-творческого развития. Однако эта четырехмерность русской культуры ощущается интеллигенцией скорее на интуитивном уровне. Отсюда понятна необходимость четкой «позитивной поляризации» (П.Сорокин), четкое осознание качества каждого типа духовно-творческого потенциала, для работы с ними на основе инновационного-творчества во имя развития России-Востока-мира, развития МГУ и Москвы и всей системы университетского образования, в котором востоковедение, как важнейшая отрасль знания должна занять свою уникальную нишу.

Такой подход соответствует заветам М.В.Ломоносова по созданию Университета как воплощения цельного знания, носителем которого был он сам, гармонично сочетая науку, религию и духовность, естественно-научное и гуманитарное знание. ИСАА, претендующий быть главным востоковедным учреждением, призван внедрять достижения культуры Востока (а также России) в общественное сознание, делая их достоянием для

различных областей знания и культуры в целом.

Именно этот путь представляется нам наиболее естественным и целесообразным.

Необходимо прежде всего на уровне сознания выявить экологическое противоречие между экофильностью культуры Востока и экофобностью востоковедного и всего в целом аналитично-предметного знания. На Россию, в культуре которой уже есть понятийный аппарат для снятия этого противоречия, ложится особая, духовно-творческая ответственность за преодоление кризиса. Для этого необходимо:

1) преобразовать востоковедно-научное знание в знание **Живое, естественное**, свойственное (но скорее на интуитивном уровне) всему Востоку, но осмысленное уже на основе логико-прогнозного опыта классической культуры России (в том числе с учетом наследия русского классического востоковедения);

2) усиление восточных корней культур России-Востока и тем более – Запада;

3) девестернизация восточных-российских культур, преодоление запредельного доверия к техно-цивилизации Запада, в том числе и на уровне отдельной личности.

Этими средствами возможно свершить качественный скачок в развитии радио-личности в четырехмерную духовно-творческую индивидуальность, **способную преобразовать Мир**.

Необходимость ориентализации-креативизации-«русификации» современного востоковедения логически исходит из внутренней противоречивости его предмета и его как науки. По своим, восточным истокам оно экологически позитивно (экофильно), а по своим **методу-логике** и западным, научным традициям – экофобно. А вот российское востоковедение в состоянии объединить и сгармонизировать обе эти традиции, осуществив свое «очищение» и системы «наука-образование» в целом от чуждых духовным культурам Востока-России ценностей Запада, ложно выдаваемых за общечеловеческие. В действительности они представляют интересы правящих страт, заинтересованных в том, чтобы массы были покорными исполнителями. И система образования, подчиняя человека внешнему

для него предметно-научному знанию, тоже неявно служит этому умыслу. Это в корне противоречит традициям и **жизненным интересам** Востока-России-мира, в то время как культура, особенно культура Востока объединяет человека-с-Природой. Однако Восток и сообщество востоковедов (в том числе и российских) уж слишком доверчиво относятся к западным ценностям, разъединяющим человека с природой и подчиняющим его материальным интересам власть имущих, еще со времен Римской империи. Ее циничный принцип: **«Разделяй и властвуй!»**, – одно из логико-гносеологических оснований структуризации экофобных образования-науки и цивилизации Запада в целом.

Второй уровень концепции – идея о необходимости смены ориентации современного востоковедного и всего образования с узко-предметного знания на духовно-творческое начало в человеке: в преподавателе и студентах. Это предусматривает обращение к опыту Востока по совершенствованию личности в духовно-творческую индивидуальность. Речь в данном случае идет о духовной практике восточных Учителей человечества, указавших своим подвижничеством реальную возможность восходить духом, т.е. совершенствовать себя каждому из нас. Обращение к духовному наследию Востока предполагает возрождение не архаики, но дальнейшее развитие наших общих, подлинно общечеловеческих духовных корней. Этот фундаментальный поворот в сознании, связанный с наполнением ныне экофобного знания духовно-творческим содержанием, даст мощное повышение профессионально-творческого потенциала.

На практике это приведет к сближению культур Востока-России, ибо система российского востоковедения, созидаемая на основе их культур будет построена на принципах гармоничного, субъект-субъектного общения, а не одностороннего, субъект-объектного отношения, как наше. Таким образом, востоковедное образование (воспитание) станет средством Творчества Человека-Творца Жизни на основе культуры, развивающей и науку как ее подсистему.

Итак, синтез культур Востока и России представляет собою форму нормативного прогноза культуры желательного, эко-

гармоничного будущего. В рамках Проекта Востоко-России (Японо-России, Китае-России, Исламо-России, Индо-России...) естественным образом творится новая реальность: две культуры, нуждаясь друг в друге, гармонично взаимодействуя, дополняют друг друга. В этом контексте выявляется самооценочность каждой из культур, расширяется сознание участников культурного синтеза. И в своем взаимодействии они выходят на качественно новый уровень своего личностного духовно-творческого развития. Тем самым снимается фетишизация экономики. Этот фетишизм – самое большое экологическое зло, к тому же основанное на черном мифе вульгарной интерпретации К.Маркса.

Экософская интерпретация его творчества позволяет понять, что изначально, а на Востоке поныне экономика – **Живая**. В действительности исходно-всеобщим основанием-базисом любых форм социального развития, по Марксу, является «выражение и утверждение жизни» человеком, т.е. Живая Природа и человек в нашем общении-с-нею (см. «Капитал», т. 3, гл. 48). Эта изначально-всеобщая форма эко-общения **безорудийно-несоциальна**. В этом – суть **Живой экономики**. Она естественна для Востока, хотя и на интуитивном уровне. А полагание предметной формы экономики в качестве «базиса» и в качестве аксиомы просто выгодно правящим стратам. Но это неявно противоречит насущным интересам всех форм Жизни, включая человека, а также традициям Востока, в котором сама Жизнь Природы-человека – био-базис, по отношению к которому экономика **вторична**. И тогда, взяв на вооружение тезис о Востоко-России как диасинтезе культур, российские востоковеды, интегрируя в своем творчестве экофильность культур Востока и синтезирующую русскую философию, смогут внести свою лепту в разработку концепции и в реализацию ее в учебном процессе. Речь идет прежде всего об экологизации-гармонизации-**креативизации** сознания (для начала – востоковедов).

Идущий тотальный кризис требует смены всей системы товарно-фетишистских ориентаций современного общества на экономику как, якобы, «базис» ориентацией на осознанное

развитие человека вместе со всей остальной Живой Природой.

Наш Проект начинается с Востока-востоковедения и востокотворчества, но имеет общекультурно-планетарный смысл начала глобального эко-синтеза культур Востока-Запада-России (разработанного нами в «Энциклопедии Живого знания» 15 тт. и более 50-ти иных монографических изданий). Будучи большим «претенциозным» Проектом, он выражает претензию на принятие «Энциклопедии» в качестве Стратегии дальнейшего, духовно-творческого и инновационного развития России-Востока-Запада, в том числе. и посредством того, что мы назвали **Живой математикой Востоко-России**. Эта, особая проблема эко-гармонизации логикотеретических оснований **математики** с целью ее перехода на уровень **Живой, эко-гармонизирующей математики (востокотворчества)** как особой формы Живого знания возвращает нас к Востоку с экофильностью его культуры. Математика как «царица наук» (В.А.Садовничий), ставшая **Живой**, в состоянии интегрировать предметно-расчлененное естествознание с гуманитарно-художественным знанием (и религией) в Живое знание. Суть этого макропроцесса предусматривает:

1) введение в науку-образование-социум самой **Жизни** (в ее общении-с-человеком) как самого фундаментального **постулата**, проникающего во все эко-системы, преобразует знание-логику-мудрость-философию-математику в **Живые**;

2) снятие разрыва между художественно-религиозно-гуманитарным знанием и запредельно аналитичным естествознанием, а затем и противоречия между человеком-обществом и биосферой;

3) построение системы совершенствования духовно-творческой индивидуальности как Творца гармонического будущего. Это возможно путем синтеза систем подготовки будущих поколений все тех же, трех типов: Востока-Запада-России, но при особом акценте на специфике Востока-России, при снятии претензий западной системы образования на ее всеобщность и перспективность.

**Гармонизирующая иллюзия, надежда на-авось
и Стратегия выхода из кризисов в настроениях элит
Японии–России–мира**

Чужую беду руками отведу...
Русская пословица.
А для своей нужен «чужой» опыт

«Мир в растерянности», считает известный японский ученый Акио Вакато. Япония и Россия – тоже. Но несколько по-разному, своеобразно дополняя друг друга. А в целом доминирует опасный симбиоз западных и некоторых устаревших традиционных представлений. Остановимся на двух наиболее распространенных и даже опасных иллюзиях: взывании к традиционной гармонии *без осознания фундаментального противоречия между восточной гармонией и западной «борьбой всех против всех» (Гоббс)*. В этом случае акцент на гармонии – *демагогичен, пиар, «Гармонизирующая» иллюзия*. Это свойственно Востоку и в особой мере – определенной части политической элиты Японии.

России присуща иная, *объективистская иллюзия, или надежда на-авось, на то, что «объективный»-де ход истории «вывезет»*. Не та ситуация: объективность субъективизируется, человек стал **реальной решающей силой в эволюции Жизни, что накладывает на русскую-российскую интеллигенцию особую, духовно-творческую ответственность**.

Общее для обеих политических элит – состояние растерянности, непонимания, «инерции ложной интерпретации» (Л.Выгодский), но большой активности, не ведущей, увы, к решению **по-настоящему фундаментальных** проблем. Сочетание опасное. Однако в нем таится и надежда на успешное разрешение этого противоречия. Особенно если осуществить во имя этого нормативно-прогнозный синтез обеих культур, делая особый акцент на том, что именно в них взаимно дополняют друг друга. Будущее должно стать эко-гармоничным, чтобы следующие поколения смогли и далее жить-творить на нашей планете, столь уязвимой и все более зависимой от нынешних землян, в

нашем случае японцев и русских-россиян, способных осознать беспрецедентную бифуркационность ситуации. А это означает, что привычными научно-экономическими средствами проблема в принципе *не решается*. **Японию и Россию** многое связывало в прошлом. И нас в еще большей мере связывает общая ответственность за Природу Дальнего Востока и планеты в целом. Точнее: **должна связывать**. Но пока такие настроения не доминируют ни в нашем общественном мнении, ни в настроениях творческих, научных и тем более – политических – элит России. Сформулируем наше видение решения проблемы на качественно ином соотношении тенденций развития Японии-России-мира. **Япония** в максимальной мере предуготовлена для нахождения выхода из всей совокупности кризисов-угроз-вызовов путем эко-гармоничного развития своей традиционной, исключительно экофильной, но в то же время и чрезвычайно технически динамичной проамериканской цивилизации. Для японской культуры характерно:

1. исключительные чадолубие и опыт доведения до высочайшего художественно-творческого совершенства детей младшего возраста;
2. сохраняемое японской художественной традиционной культурой единство человека-с Живою Природою;
3. акцент на Любовь-к-Жизни и Гармонию-с-Нею;
4. акцент на Женски-Материнском начале;
5. детская способность-готовность к обучаемости-восприятию всего лучшего вовне: японцы – талантливые ученики, способные достичь большего совершенства в осваиваемом деле, чем их учителя.

Цивилизации Запада, США организуются со времен античности, особенно Аристотеля, на качественно иных основаниях:

1. Запад сдвинул акцент на **экофобные экономику-технику-естествознание с их всеобщностью борьбы-противоречия-дисгармонию**, что привело к тотальному, хотя и незаметному отрицанию Жизни Природы и отодвинуло на периферию воспитание детей на основе искусства. Тем самым с Аристотеля (и его ученика Александра Македонского) мир начал незаметно движение к эко-катастрофе.

2. Успехи Запада достигнуты за счет интенсивного развития агрессивно-потребительской младомужской личности – при снятии религиозных табу на злоупотребления природой, а также при недоразвитии всех остальных, **экофильных** типов личности в их специфике.

3. В системе творчества акцент был сдвинут на технически-экономически-прагматичные его аспекты, что привело к узкой профессионализации творчества. В этом проявляются материально-властные интересы правящего меньшинства, ибо итоги творчества и его субъекты, будучи отчужденными от творцов, с большей легкостью оказываются в чужих руках.

4. Внедряется по-предметное разделение творческого и вообще всякого труда, объединяемое в целостность за его пределами. Это – в интересах управляющих, но не Живой Природы и общества.

И в течение более двух тысяч лет совокупность этих свойств давало Западу решающее преимущество над всем остальным миром, который вынужден был вестернизироваться, чтобы выжить. В наиболее яркой форме эти качества были присущи США, что привело к американизации современного мира. Япония – не исключение, и во многом более других продвинулась в этом направлении. ***Сохранение существующего типа отношений между Японией и США, а также миром и США катастрофично-губельно для всех нас, в том числе и для США.*** Японию это ведет к деяпонизации, потере национальной идентичности, американизируемой молодежи, собственных этно-корней.

Запад повинен в глобальном кризисе всей системы отношений, начиная со средств организации этой системы человеком-обществом, а потому и самого человека. На данном этапе господствует агрессивно-потребительский, рациональный тип личности, западнически ориентированный, **у которого нет будущего.** Надежда на то, что «там, где началось, там и должен быть найден и выход» – это наивная и опасная иллюзия. Америке, на наш взгляд, далее будет еще хуже. И американизируемому миру – тоже. Они сами нуждаются в помощи. Прежде всего духовно-творческой. И на такую Америку Япония ориен-

тируется со слишком большим доверием, отодвигая свою традиционную культуру-психологию на задний план, делая себя «американцами японского происхождения». Во многом это обусловлено спецификой женской культуры Японии, которая нуждается в освоении свойств иной, мужской культуры, или цивилизации. Именно в этой роли и выступает западная культура, особенно в ее американско-цивилизационном варианте. И до какого-то исторического момента это было оправдано. Ныне уже категорически нет, ибо уже иная эпоха.

Что же делать нам: японцам и русским? Для ответа на Вызов эпохи попробуем для начала осмыслить, что же нужно японцам для «прорыва» в эко-гармоничное будущее.

Главное, пожалуй, в том, что японская культура, как сказано выше, Женски-Материнская, а в таком случае американцы своим потребительски-агрессивным младомужским типом ориентации – «дурной пример» для подражания японцам (и миру).

А что поможет? Что сможет спасти себя и мир, включая США? Думается, что **взаимотворчество Японии-России в лице** объединенных сообществ японских русистов и российских японистов. Для этого необходима смена основания и логики гармоничного синтеза. Однако сами японцы этих процедур по характеру своей культуры-психологии осуществить в принципе **не могут**. А вот российские японисты – в сотрудничестве с японскими русистами – в состоянии. Здесь важен для начала хотя бы небольшой стимулирующий импульс со стороны России с самыми дружескими духовно-творческими помыслами, что явно альтернативно иллюзорным надеждам на Америку и «надеждам на-авось». Нужна помощь на уровне идей. Ведь ситуация усложнилась настолько, что «чужих» бед уже и нет: наши беды стали глобальными. Чтобы справиться с ними необходимо выйти прежде всего на новый уровень, т.е. мыслить глобально, прогностически. И такие способности у русской-российской «высоколобой» духовно-творческой интеллигенции **имеются**.

Такова, на наш взгляд, драматическая реальность на «переломе эпох». И наиболее вероятный исход ее – завершение жизни-на-Земле по бездумной воле человека. Но ведь никто, даже

самые отпетые террористы и олигархи этого не хотят. Все хотят жить, иметь потомство... А для этого мы должны сохранить Жизнь Природы, а на уровне сознания ввести саму Жизнь во всю систему техногенной цивилизации в качестве исходного и **подлинного** основания, самой фундаментальной аксиомы и категории, что автоматически превращает экономику в частную сферу культуры нового уровня – в Культуры Творчества Жизни человеком и Человеком-Творцом. Это иная, **Живая** экономика, осмысленно творимая Человеком в гармоничном сотворчестве-с-Живою Природою.

В таком процессе аккультурации цивилизации исходным основанием может послужить традиционная художественная культура Японии (и всего Востока в целом), развиваемая посредством той системы эко-гармонизирующих средств, что создаются на основе одной из двух традиций классической русской культуры – славянофильства и востокофильства. В этом соотношении славянофильства и западничества можно видеть аналог глобального отношения Восток и Запад. Оба эти отношения нуждаются в гармонизации. Для России это противоречие – внутреннее и его относительно легче привести в соответствии с аналогией – женское/мужское (яп. ин-кё). Их гармония в семье – естественная норма. Уже хотя бы поэтому дети всегда рождаются нормальными. А значит, поворот «колеса истории» на добро-гармонию остается реальным шансом мира.

*Эгути Мицуру, доцент Института восточной философии
СОКА Университета (Токио)*

*Рачин Е.И., д-р философ. наук, профессор Московского
Педагогического университета*

Вальцев В. Б., доктор биологических наук; профессор

*Дряхлов Н.И., доктор философских наук, профессор ф-та
Психологии МГУ.*

*Ионов Ю.Г. доктор технических наук, профессор МИРЭА –
Московского института радиотехники, электроники и автома-
тики.*

Машкина О.А.

Курс на развитие творческого потенциала личности в КНР

В современном Китае развитию творческого потенциала нации придается большое значение. Это продиктовано как потребностями модернизации экономики страны, так и необходимостью преодоления отдельных особенностей традиционного менталитета, препятствующих формированию креативных задатков китайской молодежи.

В Китае с древности образованность была главным условием повышения социального статуса гражданина. Культ учености тесно увязывался с гуманитарными знаниями, точнее с теми знаниями, которые были необходимы для управления обществом. Такое отношение к знаниям определило на долгие годы основное направление развития научной мысли. Научно-технические знания, кроме прикладного характера, были слабо востребованы или использовались не по прямому назначению. Избирательное отношение к «нужным» и «ненужным» знаниям в древнем Китае имело объективную основу: оно было обусловлено высоким уровнем развития ручного труда и отсутствием необходимости механизации из-за излишков рабочей силы.

Следование традициям и «заветам старины» оказывало большое влияние на формирование норм поведения детей. В том возрасте, когда наиболее эффективно созревают умственные функции, связанные с развитием воображения и индивидуальных склонностей ребенка, маленькие китайцы приучались к порядку и беспрекословному повиновению старшим. В традиционном китайском обществе игры детей были направлены либо на приобретение навыков физического труда, либо – на изучение письменности и ритуала. В обоих случаях развивались такие качества, как прилежание, трудолюбие, послушание, но не инициативность и любознательность.

Традиционная китайская система образования распадалась на два параллельно существующих уровня: народный и элитный. Первый был ориентирован на подготовку простой рабочей силы и носил характер ученичества. Восприятие опыта и

профессиональных навыков у учителей-ремесленников не требовало высокого уровня грамотности и проходило в форме копирования. Второй уровень, наоборот, предполагал высокую степень грамотности и был нацелен на подготовку к централизованным государственным экзаменам для получения чиновничьей должности. Подготовка к экзаменам требовала усвоения огромного количества иероглифов, на заучивание которых и уходила большая часть энергии и времени учащихся. Наряду с иероглификой, ритуал и традиционные искусства стали обязательными атрибутами обучения китайской элиты. Ритуал прописывал поведение человека в любой жизненной ситуации. Музыка, поэзия, танцы, боевые искусства задавали определенный ритм жизни. Как и современные технологии публичного управления, они устанавливали определенные клише поведения. В таких условиях формировалась традиционная модель обучения с умело разработанными технологиями обучения, нацеливающими учащихся на добросовестное, но не критическое усвоение накопленного веками опыта китайской культуры.

Пришедшее в конце 1970-х годов к власти прагматическое руководство КНР провозгласило курс на модернизацию страны и общества. Политика экономических реформ дала мощный толчок развитию образования в стране. Дальнейший ход экономического развития показал, что помимо количественных, необходимо уделять больше внимания качественным показателям развития образования. Для использования техники требуется рабочая сила одного типа, а для ее усовершенствования – другого. Помимо исполнительности и ответственности, необходимы высокая профессиональная квалификация и дух новаторства. Эти качества не могут быть сформированы на базе профессионального образования, если их предпосылки не заложены на ранних ступенях воспитания и обучения детей. Поворот от количественных к качественным параметрам обусловил переориентацию учебного процесса от механического запоминания к инициативному осмыслению, анализу и творчеству.

В принятой в 1999 г. «Программе действий по развитию образования, направленного в 21 век» намечены ориентиры перехода от образования, ориентированного на экзамены, к всесто-

ронному общекультурному развитию и повышению творческих способностей детей и молодежи. В общей сложности, на строительство детских внешкольных центров научно-технического творчества в 10-ю пятилетку (2000-2005 гг.) было затрачено 3, 4 млрд. юаней. К 2005 г. в КНР функционировало 5400 дворцов и центров детского и юношеского творчества, 188 всекитайских образовательных баз популяризации науки и 200 научно-технических практических баз для несовершеннолетних, заметно выросло число лабораторий для детей при научно-исследовательских институтах, зоологических и ботанических садах, обсерваториях, научно-естественных музеях. Примечательно, что программы научно-технического творчества детей и подростков ориентированы на решение специфических проблем китайского общества, таких как загрязнение окружающей среды, ликвидация социального неравенства, формирование экологического сознания с акцентом на взаимодействие природы и человека.

В.В.Ремарчук

**Отражение хроники военных событий
во «Французском Индокитае» в 1884 году
в культурной жизни москвичей**

В середине 1884 года в популярном в московском сатирическом журнале «Будильник» (№38-39) был опубликован под видом репортажа любопытный очерк за подписью «Порфирий Беспардонный», посвященный решительно осуждаемым российским общественным мнением текущим драматическим событиям колониальной войны в Индокитае (многие попытки расшифровать литературный псевдоним автора очерка пока не дали результата).

По договору 1884 года между воюющими сторонами, Вьетнам фактически превращался во французскую колонию. Патриотические силы в руководстве страны активизировали вооруженное сопротивление. В то же время на севере Вьетнама произошло столкновение французских войск с китайскими ре-

гулярными частями (так называемый «Лангшонский инцидент»), в результате чего французы вынуждены были отступить. Вьетнамские патриоты провозгласили императором юного принца Хам Нги. В августе французы бомбардировали китайский форт Фучжоу, потопили флотилию, разрушили арсенал и форты.

Перед глазами московской читающей публики всех возрастов и сословий проходят действующие лица событий далекого Индокитая: французский моряк и литератор Анри Ривьер, командующий французским экспедиционным корпусом в Тонкине дивизионный генерал Шарль Теодор Милю, руководитель военными операциями в Тонкине вице-адмирал Амадей Курбэ. Общую ситуацию усложняли «Черные флаги» – теснимые цинскими войсками повстанческие китайские отряды, действовавшие на территории Вьетнама. Заканчивается «репортаж» апокалиптической картиной бомбардировок китайского порта Фучжоу:

«Дайте мне перо Виктора Гюго и ручку Эмиля Золя, – восклицает автор, – чернильницу Альфонса Додэ, бумагу Гюи де Мопассана, чтобы я мог достойно описать ужасы, которых был свидетелем!..

Выстрелы справа, выстрелы слева, спереди, сзади... Я теряю способность отличать правую руку от левой. Перекреститься некогда и не на что.

Пожар... Все горит: арсенал, джонки, китайцы. Монбланы трупов, океаны крови. Оррер, оррер... Ребенки плачут, плачут и умолкают. Через полчаса в Фучжоу не остается камня на камне: нет более ни людей, ни земли, ни воды, ни огня. Повсюду одна торичеллиева пустота. Но Курбэ неумолим: он палит в пустоту...»

В заключение заметим, что в рассказе действуют и проживающие incognito в Москве «пленные аннамиты» (вьетнамцы), которые якобы были пересланы сюда французским правительством специально «в видах удовольствия таганских купчих». Но когда обнаружилось, что у них нет паспортов, они были этапированы на место их жительства, на родину, по «знаменитой Сибирской железной дороге».

Особо следует отметить неожиданно удачную, трогательную, сочувственную характеристику, данную автором этапированным вьетнамцам: «аннамцы очень веселый, вежливый и деликатный народ»...

В нынешнем году исполняется 125 лет с момента выхода в свет этого рассказа. Много утекло воды... Но современного читателя не покидает впечатление, что в незатейливых строках «бульварного фельетона» уже предвосхищались многие драматические события XX века.

Садокова А.Р.

Культурное наследие Таяма Катай (1871-1930) в жизни современной Японии

Одним из наиболее известных японских писателей начала XX века по праву считается Таяма Катай (1872-1930), основоположник натуралистического направления в японской литературе. Его культурное и литературное наследие поистине огромно, но среди многочисленных произведений особое место занимает небольшой рассказ «Сельский учитель» (1909), который и сегодня в Японии пользуется большой популярностью, а места, где происходили события этого рассказа, являются центром паломничества.

Это рассказ о трагической судьбе бедного юноши, который из-за нехватки средств не смог окончить старшую школу, вынужден был отправиться в небольшой провинциальный городок и поступить на службу в сельскую начальную школу. События этого рассказа разворачиваются на фоне русско-японской войны 1904-1905 годов. Победы Японии на фронтах, общее ликование, обещания правительства улучшить жизнь всех японцев так далеки от полной лишений жизни молодого героя рассказа, что только подчеркивают весь трагизм происходящего. «Маленький человек» оказывается забытым и брошенным, он остается наедине со своими проблемами и разбитыми надеждами. Как логическое завершение всеобъемлющей дисгармонии воспринимается и смерть героя – он умирает в

нищете и одиночестве, а за окнами толпы сограждан бурно восхваляют правительство, одерживающее победы на фронтах войны.

Рассказ «Сельский учитель» оказался близок душам многих японцев, потому что проблемы молодого учителя были созвучны проблемам сотен таких же молодых и неприкаянных, невос требованных людей молодого поколения в Японии начала XX века. Может быть, именно поэтому интерес читающей публики к судьбе реального прототипа главного героя рассказа был всегда велик. Реального прототипа «сельского учителя» звали Кобаяси Хидэдзо. Как и герой будущего рассказа, Хидэдзо уехал в небольшой городок Ханиу (на севере современной префектуры Сайтама) и поступил на службу в маленькую сельскую школу Мироку сёгакко. На свои скудные средства Хидэдзо удалось снять дешевое жилье около буддийского храма Кэнфукудзи. Каждый день, отправляясь на работу, он проделывал путь в 6 км по сельским дорогам. Однако вскоре заболел и в сентябре 1905 г. скончался в возрасте 21 года. Хидэдзо был настолько беден, что его даже хоронили поздним вечером, почти ночью – тихо, не привлекая внимания. И похоронили его там же, где он жил – около храма Кэнфукудзи.

Конечно, тогда никто не мог и предположить, что тихий городок Ханиу станет местом паломничества, а обычный сельский храм, каких по всей Японии не счесть, будет упоминаться как главная достопримечательность города. Но так случилось, что Хидэдзо вел дневник. Он вообще был натурой творческой, пробовал себя в поэзии и опубликовал даже несколько стихов. В свое время дневник попал в руки писателя Таяма Катай, что, вероятно, произошло не случайно. Дело в том, что настоятелем того самого храма Кэнфукудзи был друг писателя – Оота Гиёкумэй. Именно с него Таяма писал позже образ настоятеля буддийского храма в своем рассказе. Когда-то и Оота Гиёкумэй мечтал стать поэтом, однако лирические стихи и статус настоятеля буддийского храма были несовместимы. И как только Оота Гиёкумэй получил место настоятеля, он отошел от литературы, не теряя при этом связь с друзьями-литераторами. К тому же к этому времени с Таяма Катай его связывали не толь-

ко дружеские, но и семейные узы – Таяма женился на младшей сестре Оота.

Именно благодаря Оота Гиёкумэй и появился на свет рассказ «Сельский учитель», и его вспоминают в связи с судьбой бедного прихожанина, который запомнился ему, наверное, тем, что умер слишком молодым. Оота Гиёкумэй потомки будут благодарны за то, что он сохранил неизвестно каким образом попавший к нему дневник того молодого человека, и не только сохранил, но и передал в надежные руки, и тем самым, сам того не ведая, стоял у истоков создания одного из лучших произведений новой японской литературы.

Вообще с этим рассказом в истории японской культуры и литературы связано много удивительных совпадений. Например, одно из них ассоциируется с именем известного в свое время художника – мастера школы японской живописи-*нихонга* Кобаяси Санки (1887-1971). Невероятно, но Кобаяси Санки был учеником реального «сельского учителя» – Кобаяси Хидэдзо и учился в той самой сельской школе Мироку сёгакко! В нем рано проявился художественный дар, и Кобаяси Санки решил посвятить себя изучению европейской живописи. Однако интерес к своеобразию *нихонга* возобладал, и он прославился именно в этой области. Со временем Кобаяси Санки решил попробовать свои силы в книжной иллюстрации, и в 1958 г. на Второй выставке иллюстраций к произведениям художественной литературы, выполненных в манере *нихонга*, он представил целую серию свитков-*эмаки*, иллюстрирующих рассказ «Сельский учитель». Общеизвестно, что это была одна из самых удачных попыток проиллюстрировать рассказ Таяма Катай.

Сегодня маленький городок Ханиу, где около того самого храма Кэнфукудзи сохранилась могила реального прототипа «Сельского учителя» – юноши по имени Кобаяси Хидэдзо, место, куда приходят ценители японской литературы. Там и теперь обычное прихрамовое кладбище, но могилу Кобаяси Хидэдзо можно найти без особого труда: около ведущей в ней аллеи высятся стела, на которой написано «Могила сельского учителя». Именно так именуют в современной Японии некогда жившего реального человека Кобаяси Хидэдзо – его образ навсегда слил-

ся воедино с образом литературного героя. А еще в этом городке можно пройти дорогой «Сельского учителя» – повторить путь, который и сам Кобаяси, и его литературный «собрат» проделывали дважды в день. Шесть километров по полям, косограм, узким улочкам, по мосту через речку – кажется, что даже облик этого тихого провинциального городка не слишком изменился. Шесть километров непростого пути. Пути, на котором возникает желание подумать о жизни и вечности...

И.И. Семененко

Диалогический императив Мэнцзы

Юй кланялся, слыша добрые слова. (3. 8.).

Сознательность «Неба» *Тянь* 天, обладающего «желанием» *юй* 欲, волей (4.13, 9.5.). Весь мир как знак (9.5.) этой воли и её исполнение (13.2.). Выше сознания людей, вне человеческой преднамеренности, произвольности (2.14, 2.16, 9.6, 9.8, 14.24, 14.33.). Воля-повеление Неба как судьба *мин* 命. Она представляет собой мир в его континуальной целостности. Но в этом континууме судьбы разделение вещей по природе-сущности *син* 性 – виду *лэй* 類 (11.2, 11.7, 11.1, 11.3, 11.8.).

Понятие человеческой природы (11.2, 3.6, 11.6, 11.1, 13.30, 14.33, 11.2, 11.7.) и два других, наиболее близких к нему по значению термина: одарённость *цай* 才 и истинное состояние *цин* 情 (11.6, 11.7, 11.8, 8.7, 5.4, 8.18.). Доброта человеческой природы *син шань* 性善.

«Природа» *син*, будучи смыслом, целью, законом и потенцией видовой сущности человека, указывает на соотносённость Неба с человеком (13.1.), есть проявление, или выражение, небесной всеобщности в единичности человеческого рода. Это выражение – самое общее, объединяющее всех людей, наиболее общее именно в выражении, и потому *син* как наиболее общее в выражении – принцип выражения небесного в человеческом. Поскольку это принцип исключительно выражения, связи, то он и может заключаться только в общении людей. Отсюда каждый вид человеческих отношений, связей *лунь* 倫 как выражение потенции видовой сущности человека, или принци-

па его соотносённости с Небом. Самая общая особенность людей только в выражении – связи. Выражать это общее, представлять человечество, значит, быть участником человеческих взаимоотношений. От широты их охвата напрямую зависит полнота такого сущностного выражения (О важности человеческих отношений см. 13.34.). Чтойность/т τ $\eta\nu$ $\epsilon\nu\alpha\iota$ /человека как картина его становления по ступеням общения.

Речевое общение как важнейший вид человеческих отношений в учении Мэнцзы.

Слово $\equiv$ в самом общем значении как словесная предметность (7.1, 7. 10, 1.1, 12.4.) Его отождествление с высказыванием, суждением, мыслью, учением (5. 4, 11. 1, 13. 24.) Сердце как непосредственный источник слова (*шэн юй ци синь* 生于其心), выступающего вслед за ним водителем «духа» *ци* 氣 (3. 2, 6. 9.). Словесная предметность – «свое» как знак, признак, принадлежность «далёкого»: Неба и ойкумены (14. 32.). Связь слова с «духом»: слитность *ци* и голоса 13. 36, голоса и речи 7. 15. – органическое единство речи и «духа». Такова же связь с *ци* письменного слова (8. 21, 9. 4, 10. 8.). Слово как заполняющее звуковую и графическую материю смысловое *ци* человека, выражение его нравственной сущности. Оценка речи по выражению посредством неё назначения, сущности человека (7. 1.). Лёгкость на слова (*и ци янь* 易其言) как результат «неухоженности» сердца (7. 22.). Относительная истинность слова из-за неполноты смыслового выражения (14. 3.).

Поскольку слово – выражение человеческой сущности, которая заключается во взаимоотношениях людей, оно может быть только диалогическим, словом-репликой. Диалогичность как сущность слова. Виды диалога в «Мэнцзы» (включая молчание как форму диалога 13.21, 14.31, 13.40.), его универсальность: диалог с самим собой, с небесным в себе, с родичами, с различными представителями современного общества, с древними людьми (дружба с ними 10.8, изучение древнего текста как диалог с его создателем 9.4.), со всем сущим (1.7, 13.45.).

Цель диалога и методы её достижения.

1. Диалог *юй янь* 與言 как выражение доверия, уважения к человеку (4.2.). Диалогическое слово как доброе слово – пред-

мет любви (*хао шань янь* 好善言 8.20) и преклонения (*вэнь шань янь цзэ бай* 聞善言則拜 3.8.), неудержимого нравственного притяжения (*и шань янь* 善言 13.16.) и реакция (*гао чжи и шань ...* 告之以善) на добролюбие (*хао шань* 好善), противопоставляемые клевете и лести (12.13.), т.е. само оно как специфически человеческое отношение между людьми, выражение их видовой потенции. Невозможность диалога (*юй ю янь* 與有言) без её проявления: при безнравственности собеседника (4.6, 6. 7, 8.27), речи (7.10), её некультурности (5.4.). Отказ от ответа на вопрос при отсутствии беспристрастной (не отвлеченной ни на что другое) нравственной нацеленности (13. 43.). Те же условия для диалогического слова как должностной обязанности *янь цзэ* 言責 – совета и увещания *янь цзянь* 言諫 (4.5, 4.9, 8.3, 12.4.). От этого зависит и диалогичность доксы или молвы. Критерии этой диалогичности (2.7, 2.11.). Диалогические виды молвы (3.1, 8.22, 14.15, 14.38.). Порывающая с диалогом молва (14.19.).

2. Диалог по методу пропорционального равенства (3.2, 6.9.) Определение в соответствии с этим методом истинности и правдивости устного и письменного слова (8.11, 9 4.). Отсюда единство диалога и ритуала (8.27.).

Владение искусством «спора», «красноречия» (*бянь* 辯) для Мэнцзы, при условии возможности диалога, как вынужденная, но необходимая мера («Разве я люблю спорить»?! *Юй ци хао бянь цзай*?! 予豈好辯哉?! 6.9.). За универсальный подход к оппозиционным учениям (13.26.) и против насильственных приемов в полемике (14. 26.).

Совастьяева Ю.В.

Влияние японской культуры на развитие современного российского дизайна

Японская культура является органической частью мировой культуры, а ее деятели мировым достоянием. Вклад Японии в значительной степени связан с техническим прогрессом. В то же время необходимо иметь в виду, что неуклонным расширением своего места на мировом культурном пространстве Япо-

ния обязана стойкой верностью древним эстетическим принципам.

В данной работе предпринимается попытка выявить основные контуры влияния традиционной японской культуры, опирающейся на верность своим фундаментальным эстетическим принципам, на развитие дизайна в России.

Дизайн начал стремительно развиваться в Японии после второй мировой войны. В это время выяснилось, что принципы традиционного японского искусства – свободная композиция, ассиметрия, органичность – наилучшим образом соответствуют новым требованиям, порожденным техногенной цивилизацией. Поскольку красота, естественно вырастающая из целесообразности, стала основой общемирового взгляда на дизайн, стало очевидным, что японский дизайн в наибольшей степени соответствует вышеперечисленным требованиям. Отсюда – обращение к японскому опыту развития дизайна.

Большое значение для утверждения японского дизайна как образца для подражания, имеет то, что он основан на присущей японской культуре широкой ассоциативности, лежащей в основе ее системы образов. Поэтому многозначность содержания артефактов (предметов), созданных японскими дизайнерами, придает особую привлекательность распространению японского дизайна в России.

Как правило, произведение японского дизайна – это микроскоп или мир малых форм. При этом непременным условием этого мира является символичность. Форма, цвет и украшения предмета могут содержать в себе исторический или литературный смысл. Самым главным источником вдохновения по-прежнему остается любовь к природе – цветы сакуры весной, прохладные воды, спасающие от летней жары, летом, красные листья клена осенью, а зимой – снег на ветвях сосны или стеблях бамбука.

Российские дизайнеры предлагают использовать в оформлении интерьера помещений типичные элементы японского дизайна – стиль «нихон». В частности, это расположение у входа в помещение композиции, представляющей собой подобие бочонка из соломы, в который воткнуты сосновые ветки и три со-

единенных между собой стебля бамбука. Сосна, бамбук и слива в Японии – это символ стойкости, долголетия и чистоты. Рядом предлагается расположить бумажные фонари в форме эллипса красного, желтого или белого цветов с нарисованными на них тушью иероглифами. Помещения в восточном стиле также могут быть украшены композицией из икебаны, расположенной на небольших столиках у стен. При желании, можно тут же поместить коллекции из оригами – фигурки различных животных и растений, сложенных из цветной или белой бумаги.

В современной России получили распространение метаболические принципы в архитектуре, которые возникли в Японии еще в 60-е гг. и представляют собой сочетание долговременных структур с недолговечными заменяемыми элементами. Так, японский архитектор Кикутаке Кионори, являющийся приверженцем метаболических принципов, проектирует сегодня «биоклиматические небоскребы», устройство которых не только позволяет экономить электроэнергию, но и отличается собственным внутренним климатом, растительностью и почти городской инфраструктурой. Кикутаке Кионори предложил принципиально новый архитектурный проект для Москвы. Этот проект отражает тенденции современной мировой архитектуры и передает особенности японской архитектурной школы, которая всегда отличалась сдержанностью, высоким чувством стиля и экологическим дизайном. Проект представляет собой группу из трёх пирамид: центральной 51-этажной и двух 36-этажных на общем стилобате. В нем помимо жилых помещений есть так называемые рекреационные помещения – атриумы, расположенные в ромбах на фасадах 36-этажных зданий; там можно гулять и отдыхать, то есть, это – висячие сады.

Можно констатировать тот факт, что японская традиционная культура оказывает влияние на развитие современного российского дизайна в самых различных областях. Это влияние связано с возрастающим влиянием японского дизайна на современное прикладное искусство в целом. Однако конкретные проявления влияния японского дизайна на российский пока еще недостаточно выяснены и требуют дополнительного изучения.

Хоу Цзинлинь (КНР)

Россия и Китай: стратегическое партнерство в энергетике как сфера культуры Китае-России

Энергетическое сотрудничество – на сегодня одна из ключевых тем в экономических отношениях России и Китая. Стремительно растущая китайская экономика требует все больше и больше энергоносителей. Россия – близкая и политически стабильная – стратегически важный для Китая поставщик углеводородов.

Значимость китайского направления энергопоставок значительно увеличивается для России. Сегодня 85 % российских нефти и газа потребляет Евросоюз. При этом европейское направление – не самое привлекательное для России: потребление энергоносителей растет медленно, конкуренция здесь жестче, а цены, как правило, ниже, чем в Восточной Азии. Растет и давление на российских поставщиков со стороны консолидирующихся европейских потребителей и транзитных держав. На Дальнем Востоке ситуация прямо противоположная, что в перспективе должно помочь России диверсифицировать структуру энергопоставок.

Несмотря на нынешний экономический кризис в глобальном масштабе, в начале 2009 Банк развития Китая предоставил российским нефтяным компаниям беспрецедентную сумму кредита в обмен на строительство ответвления в КНР от нефтепровода Восточная Сибирь – Тихий океан (ВСТО) и долгосрочные поставки нефти в Китай.

В настоящее время российско-китайское стратегическое взаимодействие и взаимовыгодное всеобъемлющее партнерство находятся на подъеме. Постоянно крепнущие связи между Китаем и Россией характеризуются развитой организационной структурой двусторонних контактов, строятся на прочной договорно-правовой базе, отличаются глубиной, динамизмом, доверительностью и взаимодополняемостью нашей культуры. Важнейшее значение для поступательного развития двустороннего сотрудничества имеет тот факт, что в него широко вовлечены большой круг людей – деловые, профессиональные и на-

учные сообщества, представители культуры, молодежные, женские, профсоюзные и спортивные организации. Отношения между культурами России и Китая, двух крупнейших державы мира, не только являются фактором геополитической стабильности и общей глобальной культуры мира, но и демонстрируют пример истинного, открытого международного партнерства, которое не направлено против третьих стран, и способствуют установлению более справедливого миропорядка.

Российско-китайское партнерство имеет всеобъемлющий и равноправный характер, приносит реальные выгоды народам двух наших стран. Успех в этом сотрудничестве облегчен глубокими фундаментальными основаниями – нашими общими культурными корнями. Основы их – равнение на гармонию, взаимный учет интересов друг друга, доброжелательство. Объединенным одной высокой целью нам легко взаимодействовать на уровне духовной культуры.

Чжао Сянизе

Перспективы трехстороннего сотрудничества РФ, Индии и Китая в энергетической сфере (в контексте синтеза культуры)

В последние годы среди различных направлений российской внешней политики все большее развитие получает продвижение трехстороннего сотрудничества между РФ, Индией и Китаем.

В энергетической сфере комплексное торговое соглашение о долгосрочных поставках нефти подписано как между Россией и Индией, так и между Россией и Китаем.

В настоящее время Россия предлагает энергоресурсы Китаю. А Индия тоже заинтересована в приобретении российской нефти ежегодно. Если Индия сможет обеспечить спрос на уровне китайского, вполне вероятно, что Россия предпочтет часть поставок направить индийцам. Однако, экономики этих двух стран несравнимы, все-таки Китай более развит, Россия может стать основным поставщиком нефти для его страны.

Пока российские власти особо не играют на противостоянии Китая и Индии, но в будущем подобное лавирование вполне возможно. В перспективе соперничество Индии и Китая в России может быть использовано Кремлем для получения более выгодных условий сотрудничества или преференций по ценам на нефть и газ.

В структуре российских внешнеэкономических связей и с Китаем, и с Индией преобладает экспорт материально-сырьевых товаров и военной техники и импорт товаров народного потребления. Потенциальная конкуренция между Китаем и Индией за освоение рынков и получение иностранных инвестиций со стороны стран Запада и США принесет пользу российским компаниям.

Россия заинтересована в создании евразийского союза Китай–Россия–Индия. В настоящее время китайско-российские и российско-индийские отношения являются наиболее устойчивыми векторами в данном треугольнике.

По мере форсированного экономического развития в Китае и Индии активно вызревают силы, способные не только управлять национальными хозяйственными системами, но и, творчески используя новую конфигурацию мировых сил, отстаивать свои интересы в отношениях с традиционными лидерами международной системы. Наиболее важными и значительными факторами, которые могут отодвинуть во времени создание тесной связи между Москвой, Пекином и Дели, являются различные геополитические интересы, которые будут преследоваться странами «треугольника».

Кроме этого, конкретные задачи формирующейся стратегии США состоят в: 1) углублении двусторонних отношений с Индией, Японией, Южной Кореей, Индонезией и – тем самым – в ограничении свободы действий Китая в Азии и 2) создании (программа-максимум) вокруг КНР некоего «санитарного пояса» из государств-союзников Америки, что ущемляет интересы России в Тихо-Азиатском регионе.

Однако стратегическое партнерство Китай–Россия–Индия имеет особые перспективы, если перенести акцент нашего сотрудничества на сферу культуры. В этом случае наши партнер-

ские отношения будут более фундаментальными и перспективными, нежели конкуренции в сфере энергетики.

Щека Ю. В.

Языковая коммуникация и единство в плюрализме (к проблеме синтеза культур)

Язык является «средством хранения и передачи знаний новым поколениям»¹ лишь в смысле условно-повседневном. На уровне научно-теоретическом (на самом деле) «хранение и передача» структурно-разумных сущностей, наоборот, возможна лишь в форме движения, т. е. в форме их постоянной (энергетически допустимой) деформации. Учащийся (молодой человек) может «взять» знание (жизненный опыт) только лишь путем соответствующих изменений в собственной системе деятельности, т. е. через трату социально-психической энергии, через реализацию энергосодержания данных структур. Аналогично общение предстает обменом информации лишь условно. На самом деле оно есть *движение* разумно-понятийных структур. Именно с этим связана суть критики представителем постструктурализма Ж. Деррида «исчерпанности ресурсов разума в ведущих направлениях классической и современной западной философии»². Принцип «деконструкции» плодотворен в толковании как движения структуры (движение, деформация структур есть определенное их отрицание), но глубоко неверен как призыв к простому отрицанию, разрушению структур. Энергия структур реализуется только в форме их (допустимой) деформации (движения), разрушение же означает не реализацию, а уничтожение структуры и ее энергии. Ж. Деррида прав, говоря о несамостоятельности текста, о его многослойности и неоднозначности, о мысли как «переживании». По той же причине Ж. Делез прав, вместо философии говоря об «интенсивном философствовании» как «вхождении в событие»

вместо «незаинтересованного созерцания, это событие разрушающего». Глубоко верным представляется призыв Ж. Делеза «порвать с формой общего чувства», если этот призыв понимать как отрицание подмены структурированными понятиями чувств (грусть, радость и пр.) собственно чувств истинных (сущностей абсолютно уникальных, внеструктурных). Но «деконструкция», понимаемая как разрушение структур, крайне ошибочна, вредна: «текст – это ... гетерономность, «разнозаконие», отсутствие единого направляющего принципа», отрицание самой «формы и принципа» книги и текста. Глубокой ошибкой представляется неразличение Ж. Делезом определяющей сути эмоции (в противоположность рациональному здравому смыслу он опирается «на безличное и доиндивидуальное поле», «индифферентность в отношении частного и общего, личного и безличного»³ и пр.), поскольку суть эмоции (как сущности абсолютно уникальной) совпадает с живой индивидуальностью. Глубоко ошибочно «отрицание возможности философии» экзистенциализмом. Бытие (бесконечное) непознаваемо в смысле невозможности его изоморфного соответствия нашим понятийно-разумным структурам (конечному), но оно *познаваемо* в форме движения этих структур и реализации их количественно-энергетического содержания. Наука междисциплинарна (дисциплинарность, профессионализм – условия лишь необходимые, но не достаточные). Наука глубоко психологична: *в конечном счете* справедливость ее определяет не голый эксперимент и опыт как таковой, а движение научных теорий в общении (трактровке, понимании данных опыта). Да, разумно-изоморфной непознаваемости бытия противостоит его непосредственная данность нашему чувству (в этом смысле есть доля истины в экзистенциальном тезисе К. Ясперса: «философия не познает бытие, но удостоверяет нас в его существовании»). Но ошибочность отрицания разумно-понятийных структур вообще проявляется в суждениях, лишенных смысла: «в центре философии лежит не понятийный аппарат, а фантазия», «философствование (истинную философию)

¹ Философский словарь. М., 1991, с. 551

² Современная западная философия. Словарь. М., 1991, с. 89

³ Здесь и выше: там же, с. 88 – 90

нельзя ограничить определенным предметом и методом». С другой стороны, экзистенциализм дает непревзойденно верное понимание общения: «коммуникация – центральное понятие..., устанавливающее смысл философствования», «истинной является та философия, которая коммуникативна». Общение как движение (социально-психическая энергия) рационально-понятийных структур составляет суть собственно реального, внеструктурно-бесконечного, непосредственно данного нам в эмоции бытия. Все в человеке порождено общением («благодаря коммуникации человек обретает самого себя, свою самость»⁴). Одинаковость не есть единство – это лишь некая «соположенность рядом», разрушаемая первым порывом ветра. Единство возможно лишь как *движение различного*. Его суть в плюрализме, вовлекаемом в общение. Как движение структур общение немислимо без преобразующего их утверждения (без владения системностью языка, структурно-понятийным мышлением). Эмоция не разрушает, а, наоборот, реализует (движет) эти структуры. Единство культур не в деконструкции, не в грамματοлогии (абсолютном отрицании структурализма), не в герменевтике (анализе априорных условий коммуникации), но и не в абсолютизации разумно-рациональных структур («разумные» собственные интересы вместо искренности, индивидуализм, упование лишь на голый опыт в позитивизме убивают саму суть общения), Путь к единству культур проходит через умное, страстно-энергоемкое общение, через использование (а не разрушение) языковых, текстовых, литературно-художественных, понятийных структур. Проект синтеза культур, разработанный Лабораторией Экологии ИСАА МГУ, созвучен не только духовной практике Востока, но и ряду фундаментальных идей экзистенциализма, постструктурализма, постмодернизма. Выводы о «запредельной аналитичности и экофобности науки», ее «узко-предметной» сути (по нашему мнению, следовало бы говорить о тупике абсолютизации структурного начала в современной науке: о лишенной качественного содержания математике и физике микромира, о фиаско структурно-

го языкознания, структурной психологии) совпадают с приводившейся выше критикой разумно-структурного начала. Вполне справедливо говорится о «необходимости гармоничного общения»⁵, при этом реальный ключ перехода к «Живому знанию», «креативизации» и «превращению интуитивного Живого знания в осмысленную систему» кроется, как представляется, не столько в каком-то новом структурном знании, в новой системе или стратегии, сколько именно в энергоемком общении, о котором было сказано выше.

⁴ Здесь и выше об экзистенциализме: там же, с. 402 – 403

⁵ Проект..., с. 1, с. 3, с. 4

Круглый стол «Актуальные проблемы стран Центральной Азии и Кавказа»

Е.Д.Джагацян

Армения и Христианский Восток

1. Понятие «Христианский Восток» возникло не только и не столько для сопоставления с «мусульманским Востоком», сколько для дефиниции определенных явлений и этапов истории самого христианства (восточными христианами именуются и византийцы по отношению к Западной Европе, и приверженцы греко-православной церкви по отношению к католикам, и нехалкидониты по отношению к халкидонитам).

В современной науке под Христианским Востоком подразумеваются так называемые Древнейшие (или Дохалкидонские) церкви тех стран и народов, большинство которых в средние века лишилось своей независимости, и где национальная церковь заменила собой утраченные государственные институты.

С точки зрения историко-культурологической Христианский Восток включает в себя обширный географический ареал и весьма представлен в этническом смысле (армяне, грузины, сирийцы, копты, абиссинцы).

2. Говоря об особенностях Восточных церквей, П.М.Мурадян выделяет двенадцать пунктов (касающихся, в том числе богословия и литургии) и, в частности, напоминает, что в сознании восточного христианина были слиты воедино понятия о конфессиональной и этнической принадлежности: этнонимом «армянин» обозначался приверженец Армянской Церкви,

принявшие православие армяне именовались в зависимости от того, где они это сделали, «ором» (римлянин, византиец) или «враци» (грузин), а перешедшие в католичество армяне и сегодня называются «франки».

3. После Халкидонского собора Армения в силу различных обстоятельств – отсутствия согласованной терминологии и неточностей перевода вначале, политических и экономических интересов впоследствии, не приняла его постановлений и отошла от Константинопольского патриархата, а в дальнейшем смогла выработать модель поведения, подходящую для лимитрофных регионов, в частности, используя в отношениях с соседями их восприятие принципа «свой – чужой».

4. На восточных границах Византии армяне, будучи наиболее значимым этносом в этой части империи, сформировали так называемую контактную зону (В.А.Арутюнова-Фиданян), изучение которой позволяет, с одной стороны, проследить складывание межэтнических, межконфессиональных отношений внутри многонациональной империи, с другой стороны – взаимоотношения с восточными нехристианскими соседями (Сасанидским Ираном, Арабским халифатом, сельджуками, монголами, османскими турками). Армянские источники содержат богатейший материал по этой тематике и представляют интерес не только для византинистов и кавказоведов, которые используют его давно и плодотворно, но и для иранистов, арабистов, монголоведов, тюркологов (зачастую не имеющих других письменных источников, кроме армянских, но мало знакомых с ними).

5. Армянская Апостольская Церковь за более чем 17 веков своего существования в соседстве с многократно превосходящими Армению размерами и мощностью державами выработала принципы веротерпимости и толерантности, позволившие ей выжить и уберечь от истребления и ассимиляции свой народ, стать форпостом христианства в регионе, подвергшемся нескольким волнам исламизации. 100 лет назад на нескольких европейских языках вышла в свет книга историка Армянской Церкви архиепископа М.Орманияна, 24-я глава которой озаглавлена «Дух терпимости», а некоторые положения из нее

представляются весьма актуальными для нашей действительности: «Две церкви (католическая, «известная своим духом исключительности, провозглашающая исполненную нетерпимости аксиому, что вне Римской Церкви нет вечного спасения», и православная, «отказывающаяся признавать таинства, совершенные не по ее обрядам, так что... доходит до двукратного крещения и посвящения в сан»), присвоившие себе пышные наименования кафолической и вселенской, как доказательство их универсальности, фактически обособлены и замкнуты в кругу своей индивидуальности. Подобная нетерпимость совершенно чужда духу Церкви Армянской, не допускающей, чтобы отдельная или национальная церковь... могла присваивать себе характер универсальности. Она стоит на том, что настоящая универсальность может существовать лишь в собрании всех церквей. ... В детстве [армяне] никогда не слышали, что та часть человечества, которая обретается вне его церкви, в силу этого должна быть лишена вечного спасения. ... [Армянская Церковь] отдавала себе отчет в пагубных последствиях ее терпимости (облегчающей переход в другие конфессии – Е.Д.), однако, наперекор горькому опыту, она хотела остаться верной своим священным правилам богословского и церковного либерализма».

Зулумян Б.С.

Архетипы и символы армянской мифологии

Сведения о языческих богах и культах к нам дошли из народных обрядов, верований, преданий, а также из трудов армянских историков – Агатангехоса, Мовсеса Хоренаци, Анания Ширакаци и многих других.

Армянский пантеон уходит корнями в ближневосточную мифологию, включает в себя древнейшие архетипические слои мышления человека. Архаические образы матери и отца, воплощаются в образах верховных богов – Арамазада и, в особенности, Анаит. Образ младенца воплощен в юном боге Ваагне и т. д. Особое место в армянской филологии занимает небольшой

отрывок о «Рождение Ваагна», где представлены наиболее древние слои индоевропейской лексики.

Образы богов насыщались функциями, свойствами, становясь символами могущества, материнства, мужества, женственности. Языческие верования армян имели характер развитого дифференцированного культа со множеством регламентированных обрядов, атрибутикой, празднествами, театральными действиями. Величественна картина языческой Армении, где в каждой области имелись храмы, украшенные статуями богов с инкрустациями из драгоценных камней, «созданные руками искусного мастера, один из дерева, другие из камня, третьи, из меди, иные из серебра, а иные из золота», полные утвари, произведений искусства, костюмов для представлений, рукописей (Агатангелос. История Армении. Ереван, 2004 г. С.41). Центральными местами поклонения богам были Багаван, Аштишат. Во главе армянского пантеона стоит Арамазд – верховный бог, «отец всех богов», дарующий щедрое изобилие, «великий и всемогущий», «создатель неба и земли». Храм его находился в центре языческой Армении крепости Ани (Камах – терр. Турции), месте погребения аршакидских царей, разрушенном в III веке н.э.

Остальные боги – создания Арамазда, соответствовали второму культурному поколению богов. Одна из самых почитаемых богинь армян Анаит – воскемайр (арм. – золотая мать), «покровительница страны Армянской». Анаит наделена той же атрибутикой, что и главная богиня хайасского пантеона Иштар, (шумерская Иннана, аккадская Эштар, вавилонская Аштарт, ассирийская Истар), супруги верховного бога возрождающейся и умирающей природы Угура покровителя города Хайасса (параллель с Усуром-Осирисом).

Главное место культа Иштар в поселении Паттеярик, как было установлено, отождествляется с Бтарич-Багайрич, расположенным в исторической провинции на западе Армянского нагорья Екехик (Акилесена). Очевидна преемственность или тождественность этих богинь. Именно там, в области Екелеац, в селении Ериза, находился главный центр культа Анаит. Ее храм назывался «великим и коренным из храмов царей Арме-

нии» с золотой статуей богини Анаит внутри. Генетическую связь с Анаит усматривали между ассииро-вавилонскими Анаитой и Ануниту, культ Анаит уходит корнями в верования местных народностей, «он был вполне оформлен еще в стране Хайаса-Аззи и оттуда в VII-VI вв. до н.э. распространился по всей Армении» (Мелик-Пашян. Культ богини Анаит. Ереван, 1963. С. 162.).

Анаит называли «матерью всякого целомудрия» и покровительницей семьи. Ей приносили в дар венки цветов и ветви деревьев и кустарников, белый цвет был атрибутом культа. По обычаю армянских царей, приносивших храмам в дар пятую часть своей военной добычи, царь Трдат после похода против Арташира послал в храм богине Анаит «белых быков, белых козлов, белых коней, золотые и серебряные украшения, шелковые одеяния украшенные блестящей бахромой и ожерельями, золотые венцы и серебряные жертвенницы (для заклания жертв), ласкающие взор сосуды с благородными камнями; сияющие наряды и прекрасные украшения» (Агатангелос). Армянская Анаит была исконно армянским божеством, «колыбелью поклонения этого божества», прародительницей Бельтис (госпожа) ассирийцев, Милиты вавилонян, Анахит персов. Праздник верховных богов Арамазда и Анаит приходился на середину месяца август, который назывался Навасард (связан с именем урартской богини Сарди, так называлась планета Венера) – Новый год.

Астхик (арм. – звездочка), богиня любви, жена Ваагна, олицетворяющая звезду Венеру. Эта же звезда – атрибут богини Анаит. Часто образы этих богинь взаимозаменялись, что, возможно, свидетельствует об общем корне, или же атрибут и свойство богини со временем приобрели самостоятельный характер и воплотились в новом божественном образе. Параллелью Астхик выступает также Иштар (Венера), ассииро-вавилонские Астарты, Аштараты, что также является свидетельством единства этих богинь. С образами этих богинь связан праздник Вардавар, праздник бога воды Варда или праздника розы, посвященный богине любви Астхик. В этот день, в середине июля, было принято обливать друг друга водой. Особое значе-

ние в армянских культовых представлениях имеет круг солнечных богов, дифференцированно и в различных аспектах представляющих духовный концепт Солнца: Арег – бог солнечного диска, Арев – видимое солнце, Мигр – бог невидимого огня, Ваагн – бог солнца, грозы, войны, «дарующий храбрость».

Солнечные боги Мигр, Арег, Арев, Ваагн, олицетворяют созидательные силы природы, различаясь отчасти по функциям. Мигр (корень *hur*) – огонь, это бог невидимого огня. Другой солнечный бог Арег или Арегакн (арм. *акн* – глаз), то есть око Арега, подобно «оку Ормузда», это уже символ видимого солнечного диска, так же как и Арев – это видимое солнечное пламя. Корень *аг* лежит в основе целого спектра концептов армянского языка. Арег-Арегакн (*Aregakn* – составное слово из двух корней: *аг* – солнце, и *акн* – око, источник (ср., в авестийских источниках солнце называется «оком Ормузда»). Общим с санскритом для обозначения солнца является корень *аг*, основа ряда однокоренных слов, например, *agavot* – утро, которое называли младшим сыном Ваагна. Корень *аг* является общим для группы слов со значением мужчина, самец – *агу*, мужественный – *агi*, человек – *мард* и т. д. Солярным богом был также сын верховного бога Арамазда – армянский Михр (*Mihr* – в основе имени корень *Нур* (арм.) – пламя, огонь, иранский же Митра – бог невидимого, невещественного огня. Арегакн уже видимое проявление невидимого бога Михра; солярные функции имеет и бог Ваагн. В отличие от персов, которые были огнепоклонниками, армяне были солнцепоклонниками. Когда царь Арташес (I в. до н.э.) отправил в Армению «золоченые изображения» Артемиды, Геракла и Аполлона, то жрецы посчитав статую Геракла «за изображение своего предка Ваагна, установили ее в Тароне». Это высказывание говорит о том, что культ Ваагна существовал задолго до эллинистического периода, когда армянская культура испытала влияние греческой, а архаичность текста о рождении Ваагна – свидетельство гораздо более древнего индоевропейского мифологического единства.

В «Песне о Ваагне» предполагается наличие первоначальной архаичной глубинной структуры, отражающей принципы общеиндоевропейской мифопоэтической традиции. Эпической

формулой, привлекающей внимание исследователей, является кеннинг, обозначенный в первых же строках Песни – Эта мифология – образ «близнечной», бинарной пары. В древних мифологиях они рассматривались как единое целое, первоначально неделимые на мужское и женское начала. Разделение неба и земли явилось актом начала мифологического времени. Именно в армянских словах «*erkir* – земля,» *erkin* – небо, которые являются однокорневыми, явственно отражается «близнечность» мифа о первой супружеской паре. Этот же корень является основой числительного «два» – *erku*, что является продолжением той же «близнечной» линии. позволяет предположить что данный поэтический текст восходит к общегреческо-протоармянскому поэтическому языку» (См.: В. В. Иванов. – Выделение различных хронологических слоев в древнеармянском и первоначальной структуры текста гимна Ва (х) агну. – ИФЖ, АН Армянской ССР, 1983, № 4, с. 22–43)

Глагольная форма *erknel* – рожать связана также с понятием все порождающей земли-матери – *erkir*. Таким образом, линия, объединенная общим корнем: *erkir* – *erkin* – *erknel* – *erku*, создает древнейшую анаграмматическую этимологическую фигуру.

В армянском тексте цветовой эпитет – *çirani* – передан через прилагательное «абрикосовый». Эпитет «абрикосовый» не только распространен в армянском языке и поэзии в частности, но по сути в мышлении армянина абрикосовый цвет – доминанта, национальный символ. Употребление этого эпитета вносит особый национальный колорит в миф о рождении Бога. На основании анализа эпитета – немаловажной особенности армянского текста, можно утверждать, что песнь о рождении Ваагна (по крайней мере, в данном варианте) родилась в ареале Армянского нагорья. Это обстоятельство иллюстрирует также тот факт, что архетипы, включаясь в процесс художественного моделирования мира, получают национальную окраску и смыслонаполнение.

Другой архетип, фигурирующий в тексте «Рождение Ваагна» – Мировое древо, из которого выбегает юный бог, воплощен в образе тростника. Армяне, издревле населяющие верхо-

вья Тигра и Ефрата, могли иметь представление Мирового древа в виде тростника. Функция солнечности бога Ваагна сочетается с его функциями победителя драконов, бога грозы. Ваагн был символом, мужества, храбрости, защитником родины для армян.

О том, какое значение имел культ Арега-Арева в национальной жизни, свидетельствует то, что армяне в некоторых областях называли себя *arevordik* – дети солнца, и по обычаю, они каждое утро поднимались на плоские крыши домов и восхваляли рождение солнца.

Космогоническую картину вселенной дополняют Лусин – богиня луны, Баршамин – владыка неба, заимствованный ассирио-вавилонский культ, прижившийся на армянской почве, Навасард – бог нового года, а также близнечные боги Аманор и Ванатур, боги – плодов и плодородия, покровители нового года и всех празднующих этот праздник (армяне праздновали новый год в августе), Деметр и Гисанэ – боги земных недр, культурными функциями нагружены Тир – бог учения и письма, сновидец, проводник душ, Нанэ – богиня домашнего очага.

Боги Торк и Ангех первоначально различались, впоследствии Ангех стал восприниматься как эпитет Торка – некрасивый (арм. ангех – некрасивый безобразный). Торк, Турк (арм. дар) сопоставляется с древним божеством хурритов и хетов Тарку, Тургу, богом плодородия и растительности. Культ был распространен в южной Армении, в области Ангех, от Еврата до озера Ван, в древней стране Наири. Его представляли огромным исполином с безобразной внешностью, но обладавшим огромной силой, это гигантский каменотес-ваятель, который из гранита обтачивал ногтями и шлифовал плиты, в гневе он срывал и швырял в море скалы (параллель с Полифемом).

Третий ряд пантеона – это герои, родоначальники и первые армянские цари – Гайк, Арам, Ара. На самом деле, в их образах сошлись мифологические и эпические пласты, когда историзация сознания накладывалась на первичную мифологическую основу. Так, историческая составляющая явственно разделяется от первичного космогонического мифа в сказаниях о Гай-

ке – прародителе армян, и Беле, Ара – боге умирающей и воскресающей природы, и Шамирам, Тигране – армянском царе, и Аждахаке – парфянском царе Астиаге, ассоциированом с вишапами-драконами.

Армянский пантеон дополняется рядом мифологических существ: аралезов – собакоголовых духов, нисходящих сверху, которые облизывая умершего могли воскресить его, каджей – духах подземного мира (или пещер), о потустороннем мире, который армяне называли Сандарамет, об обычаях поклонения деревьям – соси (платан), барди (тополь) – в священных рощах, обрядах, в частности плясках вокруг огня, перепрыгивании через огонь, обряде, перешедшем впоследствии в христианский ритуал празднования Сретения Господня – Терендез. Члены царской фамилии исполняли почетную обязанность жрецов ведущих храмов, некоторые роды не только вели свое происхождение от богов, но за ними закреплялось и «жреческое достоинство» и право, по свидетельству Мовсеса Хоренаци, «на достоинство великого жреца», более того нередко сами цари были верховными жрецами.

Мифологическая картина мира отразилась во многих сферах духовной культуры армян. В древности народ имел свой собственный календарь, который является ровесником египетского календаря. Летоисчисление велось с 2492 г. до н. э., 11 августа, когда согласно преданию в восточной части озера Ван, в области Айоц-дзор, прародитель армян Гайк победил в битве тирана Бела, властителя Вавилона. Для древних армян Новый год начинался 21 марта, в день весеннего равноденствия, который совпадал с началом весны. Армяне–солнцепоклонники этот свой первый календарь связывали с Солнцем. Первый месяц года и первый день каждого месяца именовались Арег (Солнце). Впоследствии Новый год стал справляться 11 августа.

В последние века I тысячелетия на происходит эпизация и историзация сознания, когда все больше места начинают занимать сказания о героях, деяниях царей, исторических персонажей. Древний мифологический пласт растворялся в эпосе в качестве некоего первичного субстрата.

А.Ш.Кадырбаев

Россия (Москва), Институт Востоковедения РАН

О культурном взаимовлиянии «таджиков», уйгуров и хуэй современного Китая

I. Ираноязычные народы современного Китая – Китайской Народной Республики (КНР), отмечаемые в официальной китайской статистике как «таджики», представлены преимущественно памирскими народностями – сарыкольцами (сарыкули), ваханцами, а также эйну (абдали), пахпу и собственно таджиками. Их история тесно связана с тюркоязычными уйгурами, самым многочисленным коренным народом СУАР КНР. Все перечисленные «таджики», а также уйгуры являются потомками древнейшего коренного населения региона современного Китая на востоке Центральной Азии, где они ныне компактно проживают, а именно юго-запада Синьцзян-Уйгурского автономного района (СУАР) КНР, прилегающего к горам Памира и Тянь-Шаня.

II. Уже в 1 тыс. до н.э. на землях нынешнего СУАР КНР, как позволяет предполагать ретроспективный анализ историко-лингвистических данных, обитали племена восточноиранской группы, относящиеся к киммерийско-скифо-сакскому кругу. Вплоть до IX-X вв. население этого региона было ираноязычным. Начало тюркизации было положено средневековыми уйгурами, переселившимися сюда после падения их каганата на Орхоне в Монголии в 840 г. Уйгуры ассимилировали местное индоевропейское, в значительной части иранское по своему субстрату население, передали ему свой этноним и язык, но изменились сами, перейдя от кочевничества к оседлому образу жизни, восприняв новый способ производства и комплекс местной культурной традиции, в основе своей иранской. Однако тюркизация не коснулась горных районов восточных Припамирья и Притяньшанья, где и сегодня живут упомянутые выше ираноязычные народы¹.

С V в. началась массовая эмиграция на восток ираноязычных согдийцев (прямыми потомками которых по языку ныне являются ягнобцы – памирский народ в Таджикистане), чье

царство Согд находилось в регионе Самарканда и прилегавших к нему оазисов. Крупные согдийские колонии существовали в V-VII вв. по всему Великому Шелковому пути, в частности у южного берега озера Лобнор возникли сразу четыре города, среди них знаменитый «Путао-чэн» – («Виноградный город»), где в центре цвели виноградные лозы.

Интересна роль иранских народов на землях, где ныне СУАР во время правления монгольских завоевателей (XIII-XIV вв.). В это время представители иранских народов – таджики и персы, исповедующие ислам, и асы – православные христиане, выходцы с Кавказа, пришедшие сюда с монголами, стали важным элементом в системе их владычества в течение почти двух столетий – в экономической, политической, военной и культурной сферах. Достаточно сказать, что язык Персии, как тогда назывался Иран, – фарси стал здесь под властью монголов одним из государственных языков наряду с монгольским и китайским. Говоря о культурном влиянии иранских народов – таджиков и персов в этом регионе, являвшемся частью империи Юань – монгольского государства в Китае, следует отметить, что свидетельством этого является исламизация северо-запада Китая, принятие правящим там монголом – потомком Чингиз-хана по имени Ананда мусульманства, ставшим его рьяным приверженцем и проповедником, и как итог, формирование здесь нового мусульманского этноса – хуэй, известных в Центральной Азии как дунгане, в этногенезе которых есть иранская струя и первостепенная роль монгольского государства.

III. К XIV в. завершилась исламизация региона, известного ныне как Синьцзян-Уйгурский автономный район Китайской Народной Республики, что происходило под влиянием мусульманской иранской традиции, поскольку на востоке исламского мира, где располагался этот регион, фарси был не только основным культурным, но и религиозным языком, преобладая здесь над арабским. Следы этого влияния наглядны. Например, большая часть словарного запаса современного уйгурского языка, чьи носители самый многочисленный из не китайских народов СУАР, состоит из персидских заимствований. Вне со-

мнения, в этногенезе уйгурского народа заметную роль сыграли средневековые ираноязычные народы, чьи письменные памятники на местных иранских языках, например, на хотаносакском, сохранились до наших дней.

IV. Издревле, одни представители ираноязычных народов составляли постоянный компонент населения в регионе северо-запада Китая, другие (большей частью купцы) проживали здесь более или менее долгое время, но фактически на протяжении XVIII-XX вв. являлись постоянной и важной прослойкой городского населения. В городах южной окраины региона давно возникли торговые колонии бадахшанцев, шугнанцев, патанов (пуштунов) и других «афганцев», говорящих на восточноиранских языках. Что касается коренных ираноязычных народов СУАР КНР, сарыкольцы – единственная памирская народность, живущая только на территории Китая. Они расселены по долинам реки Сарыкол (Ташкуртан) и его притоков, отделены от остального мира Сарыкольским, Кашгарским, Ташкуртанским хребтами. Сведения о них наука впервые получила в последней четверти XIX в. Сарыкольцы оседлы, их основные занятия – высокогорное земледелие и разведение скота – лошадей, коров, овец, яков, верблюдов, коз. Они придерживаются исмаилитского направления в исламе, не строят мечетей, но почитают мазары. Предположительно их численность от 10 до 20 тысяч человек. Таджики также проживают в Сарыколе, их число в КНР где-то более 1 тысячи человек. В СУАР живет от 2 до 5 тысяч ваханцев на стыке границ КНР, Таджикистана и Афганистана. Они тоже исмаилиты. Ваханцы горные скотоводы, «овцеводы», но занимаются и земледелием. Небольшой ираноязычный народ пахпу был обнаружен в 70-х гг. XIX в. в горах юго-западной Кашгарии. Они близки по укладу хозяйства сарыкольцам и ваханцам. В начале XX в. их было 8 тысяч, но сейчас точные данные отсутствуют. Эйну (абдали) населяют южные склоны Тянь-Шаня и уезды Хотан, Яркенд, Лоп, Каракаш, Янгишар, Янгигисар. Уйгуры зовут их абдали. Данные об их общей численности отсутствуют. Известно, что их больше 1 тысячи человек. По мнению самих эйну их предки переселились когда-то из Ирана. Занимаются пашен-

ным земледелием, садоводством, скотоводством и ремеслами. Славились ковроткачеством. Есть данные, что считают себя потомками персидских шиитов, некогда принесшими ислам в этот регион³.

V. «Таджики» СУАР КНР находятся под сильным культурным и языковым влиянием не столько китайцев, государственнообразующего народа КНР, сколько уйгуров, что выражается в более широком распространении среди ираноязычных граждан КНР не китайского, а уйгурского языка, и даже есть случаи языковой ассимиляции, например, части эйну уйгурами.

По официальным данным властей КНР общее число так называемых «таджиков» по переписи 1990 г. в КНР насчитывает более 33 с половиной тысяч человек. Последние данные говорят о 45-50 тысячах. В рамках КНР им предоставлена национальная автономия уездного уровня – Ташкурганский таджикский автономный уезд.

Сыздыкова Ж.С.

Особенности формирования государственного аппарата империи Сельджукидов

Складывание новой государственной системы империи Сельджукидов начинается в ходе «сельджукского движения» в Хорасане и завершается в основном в правлении султана Маликшаха, что было необходимо для прочного господства над покоренными народами, в силу этого возникла необходимость создания более действенного бюрократического аппарата, в отличие тех органов власти, которые существовали у огузов и туркмен до сельджукских завоеваний. Формирование структуры проходила постепенно и в несколько этапов.

Начало с сер. 30-х и нач. 40-х гг. XI в. характеризуется созданием административных и финансовых органов. Формируются кадры чиновников различного ранга. Одним из первых органы государственного управления возникли в ходе сельджукско-газневидской войны в Хорасане. В 1037 г. Дауд Чагры бек, после вступления в Мервскую область, назначил здесь уп-

равляющих, наместников и амирей-сборщиков налогов. Сельджукские вожди в этот период держали при себе грамотных людей, главным образом из духовенства. Они исполняли самые различные функции, но в основном были переводчиками, секретарями, послами. Главные предводители огузов и туркмен окружали себя влиятельными лицами, содержали охрану. Взойдя в Нишапуре на Газневидский престол, Мухаммад Тогрул-бек продолжая традиции прежних иранских владык.

Следующий этап формирования сельджукского государственного аппарата, охватывающий период примерно с 40-х до сер. 60-х гг., знаменуется созданием более или менее стройной системы управления. Возникают постоянные органы власти (диваны), складывается иерархия гражданских военных, судебных и других чинов. Создаются при дворе должности, постепенно внедряется царский этикет, существовавший в покоренных странах ислама. Делаются первые шаги по упорядочению армии: начинается выдача «довольствия», устраиваются военные смотры. Крупной акцией в этом направлении явилось создание постоянного войска, призванного заменить родо-племенные ополчения. Процесс формирования государственного аппарата державы Сельджукидов был относительно длительным. Переход от режима военной оккупации к административному управлению завоеванными областями потребовал создания постоянных органов власти. Вводится система регулярных налоговых сборов. Также создается государственный секретариат (везират) и другие органы управления во главе с везирем, который играл большую роль не только в делах внутреннего управления, но и в проведении внешней политики.

Прерогативы султанской власти были огромны, он считался верховным распорядителем всего государственного имущества. Только султан имел право давать земельные наделы в условную или наследственную собственность. Султан контролировал деятельность государственного аппарата, разбирать жалобы на вельмож и должностных лиц. Он должен был ведать не только гражданскими, но и военными делами. Власть сельджукских правителей, основанная на идее самодержавности, теоретически считалась неограниченной, но и при решении важ-

ных государственных дел султан мог устроить совещание с высшими сановниками.

Итак, Сельджукскую империю нельзя рассматривать как некую копию предшествовавших государств: держав Саманидов, Газневидов или Буидов. После образования империи Сельджукидов были упразднены ряд существовавших прежде учреждений и должностей или претерпели колоссальную трансформацию.

Таким образом, в державе Сельджукидов, разумеется, сохранились определенные черты и принципы организации власти и иерархия официальных должностей, существовавшие в предшествующих государствах мусульманского Востока. Однако в созданной системе управления прослеживается и механизм действия политических институтов кочевых и полукочевых огузско-туркменских племен. В процессе образования державы Сельджукидов, очевидно, происходило не только заимствование, но и некоторый синтез местных и привнесенных кочевниками государственных форм управления.

Языкознание

Басова С.В.

Условно-речевые упражнения как средство формирования речевых навыков

Основой коммуникативного метода обучения является обучение говорению на иностранном языке, результатом которого является формирование **речевого умения** – речевой способности, формируемой под влиянием речевого общения. Основой речевого умения является **речевой навык**, как способность совершать относительно самостоятельное действие в системе речевой деятельности, которое благодаря наличию полного **комплекса качеств**, стало одним из условий выполнения этой деятельности.

Формирование навыка с присущими ему качествами, такими как **автоматизированность, устойчивость, гибкость и относительная сложность**, требует определенных условий. Очевидно, что поскольку такие условия создаются в упражнениях, для формирования речевых навыков необходимы специальные упражнения. Эти упражнения должны отвечать определенным требованиям, вытекающим из принципов коммуникативного метода. К **стабильным требованиям** следует отнести: наличие речевой задачи говорящего, ситуативность, преимущественная направленность произвольного внимания обучаемого на цель и содержание высказывания, а не на его

форму, моделирование речевого общения в каждом из элементов упражнения, коммуникативная ценность фраз, экономичность упражнения во времени, достаточное количество однотипных фраз и действий, обеспечение относительной безошибочности действий обучаемого, одноязычность упражнений. К **варьируемым требованиям** следует отнести: совмещение изолированно усвоенных явлений, дифференцирование усваиваемых явлений, тематическая и логическая связанность фраз, простота и краткость первых реплик, наличие заданного языкового материала, наличие указаний на операции с материалом. Причем варьируемые требования не следует понимать как факультативные: они используются не по желанию, а по необходимости. Обычные тренировочные и подготовительные упражнения зачастую не отвечают вышеперечисленным требованиям. Чтобы **перенос** в реальную жизнь из учебного процесса был по-настоящему успешным, работа в аудитории должна как можно точнее имитировать условия реального языкового общения. Такая работа и происходит в условно-речевых упражнениях. Каковы же **принципы их организации**?

Первым принципом построения условно-речевых упражнений является **принцип использования речевой задачи говорящего в качестве установки**, который создаст в упражнениях условия, адекватные речевым, т. е. основу для переноса, изменит характер производимых учеником действий по имитации, подстановке и т. п., которые будут действительно речевыми действиями, а не языковыми операциями, обеспечит комплексность усвоения лексической, грамматической и произносительной сторон речевой деятельности. Второй принцип построения условно-речевых упражнений – **принцип аналогии в образовании и усвоении грамматических форм** означает, что, выполняя речевую задачу, обучаемый конструирует свои реплики по аналогии с образцом, который постепенно сворачивается и благодаря этому интериоризируется, появляется чувство формы, на основе которого человек затем в речи и конструирует эту форму мгновенно. Третий принцип – **принцип параллельного усвоения формы и функции при ведущей роли последней**.

Различается множество **видов условно-речевых упражнений**, которые классифицируются по составу, по установкам и по способу выполнения. Поскольку для становления навыка наиболее важно то действие, которое в упражнении выполняет обучаемый, покажем классификацию условно-речевых упражнений по способу выполнения. По этому критерию условно-речевые упражнения делятся на **имитативные, подстановочные, трансформационные и репродуктивные**. Все четыре вида, выполняемые в указанной последовательности, представляют собой **комплекс условно-речевых упражнений**, используемый обычно для усвоения какой-то одной формы или группы лексических единиц.

Приемы работы с условно-речевыми упражнениями в корне отличаются от приемов работы с другими упражнениями и, кроме того, существует ряд **факторов успешной работы** с ними, среди которых помимо ранее упомянутых ситуативной обусловленности и достоверности реплик, необходимо особо подчеркнуть **психологическую перестройку преподавателя**, который должен понять, что процесс выполнения условно-речевых упражнений – это общение, пусть условное, регламентированное нуждами обучения, но общение. Сущность коммуникативного метода заключается в том, что процесс обучения является моделью процесса общения и создать процесс обучения как модель процесса общения означает смоделировать принципиально важные, сущностные параметры общения, к которым относятся: личностный характер коммуникативной деятельности субъекта общения, взаимоотношения и взаимодействие речевых партнеров, ситуации как формы функционирования общения, содержательная основа процесса общения, система речевых средств, усвоение которой обеспечило бы коммуникативную деятельность в ситуациях общения, функциональный характер усвоения и использование речевых средств, эвристичность. Понимание этого должно определять все поведение преподавателя в рамках коммуникативного обучения и требует настраивая на новый лад работы.

Бессонова Е.Ю.

Вступительные и заключительные приветствия в японском эпистолярном тексте

Вступительное приветствие *мо:го* 頭語 и заключительное приветствие *кэцуго* 結語 являются стилиобразующими компонентами эпистолярного текста японского языка. В современных японских эпистолярных текстах можно выделить следующие классы вступительных приветствий. Нейтральный вариант: *хайкэй* 拝啓, *хайтэй* 拝呈 «почтительно сообщаю/обращаюсь», *кэйдзё*: 啓上, *тэйдзё*: 呈上 «сообщаю Вам/обращаюсь к Вам». В клише данного класса один из семантических элементов, выражающий «почтительность» (*хай* 拝, *дзё*: 上) объединяется с элементами, обозначающими действие «сообщения» (*кэй* 啓, *тэй* 呈). Почтительный вариант: *кинкэй* 謹啓, *кинпаку*, 謹白 «почтительно сообщаю», *сюккэй* 肅啓 «торжественно сообщаю». Целью данного класса клише является выражение глубокого почтения. В клише доминируют элементы (иероглифы)

с сильно выраженной семантикой почтительности или торжественности (*кин* 謹, *сюку* 肅), которые также как и в предыдущем варианте объединяются с элементами, обозначающими действие «сообщения» (*кэй* 啓, *тэй* 呈, *хаку* 白). Ответный вариант: *хайто*: 拝答, *хайфуку* 拝復, *кэйфуку* 敬復 «отвечаю с почтением», *фуккэй* 復啓, *кэйфуку* 啓復 «ответно сообщаю». В этом классе доминирует элемент со значением ответа (*мо*: 答, *фуку* 復), который объединяется с элементами, имеющими значение сообщения (*кэй* 啓) или вежливости (*хай* 拝, *кэй* 敬). Вариант, используемый при кратком послании: *дзэнряку* 前略 «предыдущее опускаю», *ряккэй* 略啓 «кратко сообщаю», *кансё*: 冠省 «сокращая вступительную часть». В данном классе сильная позиция у иероглифов с семантикой «сокращения» (*сё*: 省, *ряку* 略), которая сочетается с элементами, обозначающими вступительную часть послания (*дзэн* 前, *кан* 冠) или сообщение (*кэй* 啓). Вариант, используемый при срочном послании: *кю:кэй* 急啓, *кю:хаку* 急白 «срочно сообщаю». В данном классе доминирующая позиция принадлежит иероглифу со значением «срочности» *кю*: 急. Описанные классы заглавных приветствий демонст-

рируют зависимость заглавного приветствия от содержания и структуры текста эпистолярного послания. Предложенное деление на пять классов базируется на общности доминанта, что позволяет достаточно четко определить соответствие клише-стереотипа тому или иному классу. Вышеприведенные заглавные приветствия представляют собой канго (китаизмы), состоящие в основном из двух компонентов. Кроме заглавных приветствий, представленных уровнем слова, существуют развернутые заглавные клише-стереотипы. Например, впервые посылая кому-либо письмо, можно написать следующие стереотипные фразы: *хадзимэтэ о-тэгами сасиагэмас* «впервые направляю Вам письмо» (*тоцудзэн но о-таёри сицурэй итасимас*, *тоцудзэн о-тэгами о сасиагэру кото о-юруси кудасай* и др.). В данных примерах речь идет не об уровне слова, а об уровне предложения. Развернутые этикетные приветствия могут быть использованы и в других классах вступительных приветствий. *Иппицу мо:сиагэмасу* (нейтральный вариант), *цуцусиндэ мо:сиагэмасу*, *цуцусиндэ о-тэгами сасиагэмасу* (почтительный вариант), *дзэнряку гомэнкудасаимасэ*, *дзэнбун о-юруси кудасай* (в кратком послании), *ториисоги мо:сиагэмасу* (в срочном послании), *о-тэгами хайкэн симасита* (*итасимасита*), *о-тэгами аригато*: *годзаимасита*, *сассоку о-хэндзи сасиагэмасу* (при ответном послании).

Традиционно в тексте японского послания отсутствовало прямое обращение к адресату, однако в современном частном послании отмечается тенденция к прямому обращению в начале письма, замена традиционных клише-стереотипов прямым обращением, доверительно-дружескими формами.

Заключительное приветствие *кэцуго* 結語 завершает послание и представляет готовую этикетную формулу со значением «с уважением». Наиболее часто используется *кэйгу* 敬具. Существуют и другие формулы, например: *хайгу* 拝具 (нейтральный вариант), *кингэн* 謹言 (почтительный вариант) и др. Важно, чтобы формула заключительного приветствия учитывала начальную формулу, так заключительное приветствие *кэйгу* 敬具 соответствует заглавному приветствию *хайкэй* 拝啓 или *кинкэй* 謹啓, а заключительные приветствия *со:со*: 草々 «наскоро», *фуицу* 不

«несвязно», *фуби* 不備 «неполно» соответствуют начальным формулам *кансё*: 冠省 или *дзэнряку* 前略. Письма женщин иногда бывают завершены словами *каси́ко* か し こ «благоговейно». В современных эпистолярных текстах заключительные приветствия также, как и вступительные, могут использовать клише-стереотипы, относящиеся к разговорной речи: *саё:нара* «до свидания», *о-карада ни ки о цукэтэ кудасай* «берегите свое здоровье», *дэ ва (корэ дэ оваримасу)*, «разрешите на этом закончить», *идзё*: «на этом все» и др.

Выбор тех или иных заглавных и заключительных приветствий, участвующих в организации письма, во многом определяется характером содержания, индивидуальными характеристиками и целевыми установками автора, а также личностью адресата. В зависимости от степени близости адресанта и адресата вступительные и заключительные клише могут видоизменяться.

С.А. Быкова
доцент

Первые работы по японской диалектологии в России и их значение

Развитие японской диалектологии как науки во многом обязано трудам нашего соотечественника, выдающегося лингвиста Евгения Дмитриевича Поливанова. Изучая акцентуацию в японском языке и фонологическую систему различных диалектов японского языка, проводя сравнительный анализ японского и рюкюского языков, он заложил основы современной теории акцентуации японского языка и внес значительный вклад в разработку диалектологии как научного направления в японском языке.

Однако наряду с трудами Е.Д. Поливанова, которые не утрачивают значения и в наши дни, в истории российского японоведения на ранних стадиях его развития издавались работы, которые не являются научными работами в общепринятом понимании, но тем не менее имеют большое значение как первые

попытки описания японских диалектов. В Японии изучение диалектов началось с 80-х п. XIX века и активно продолжается в наши дни. Первые работы, связанные с описанием диалектов японского языка и изданные в России, о которых идет речь, вызывают особый интерес тем, что значительно опередили по времени появления аналогичные издания в Японии.

К числу таких работ, прежде всего, следует отнести первый в истории России русско-японский словарь Гондзы – Богданова, созданный в начале 18 в. в Японской школе Петербурга. Словарь содержит около 12 000 слов, в основном представляющих собой лексику о-ва Кюсю (ныне префектура Кагосима), во многих из которых указано ударение с помощью значков. Словарь по сути дела представляет собой первое собрание лексики одного из диалектов Кюсю, опережая на целое столетие первые собрания лексики этого острова в Японии.

Другая работа, которая заслуживает не меньшего, а, возможно, и большего внимания в качестве диалектологического труда, – «Лексикон» русско-японский Андрея Татаринова», также увидевший свет в 18 -м веке. Появление этой работы связывается с экстралингвистическими факторами. Считается, что «Лексикон» был составлен как пособие для учеников Иркутской навигационной школы, изучавших японский язык, и содержит около 1000 слов, то есть значительно меньше по объему, чем словарь Гондзы – Богданова, однако ценность его, несомненно, не менее значительна. «Лексикон», в сущности, является первым глоссарием лексики р-на Тохоку, В Японии описание этого диалекта было сделано позднее на целое столетие.

Диалект Тохоку определяется как самый сложный из восточных диалектов японского языка. прежде всего, с точки зрения фонетических особенностей. В целом для диалекта Тохоку характерно сохранение элементов фонологической системы эпохи Муромати, хотя эпизодически фиксируются явления более ранних эпох. Именно эта особенность создает наибольшие трудности в его описании и анализе, хотя в грамматике и лексике также наблюдаются значительные отклонения от норм стандартного языка.

Анализ небольшого по объему «Лексикона» позволяет утверждать, что он отразил основные особенности тохокских диалектов, которые сохранились в них и в современную эпоху.

Так, зафиксированы тенденция к взаимозамене гласных звуков «э» и «и», «ю» и «ё», существование звука, близкого к русскому звуку «ы», губно-губного звука «ф», взаимозамена слогов «хи» и «фу», назализация гласных перед звонкими согласными, озвончение ряда глухих согласных в середине и конце слов по определенным правилам, действующим только в диалекте Тохоку, лабиализация заднеязычных согласных «к» и «г» перед гласными под влиянием китайского языка и другие особенности.

В «Лексиконе» обнаруживаются также некоторые из грамматических особенностей тохокских диалектов: употребление СА в качестве показателя падежа направления, отсутствие каких-либо показателей при существительных в именительном падеже, существование архаичной связки ДЭ ГОДЗАРИМА-СУ, употребление суффиксов СЯРЭ и САСЯРЭ для образования форм повелительного наклонения у глаголов.

В лексике отражены основные лексические особенности диалектов Тохоку: употребление лексики древнеяпонского языка, лексики айнского происхождения и чисто диалектальной лексики.

Литература

1. Алтатов В.М. Изучение японского языка в России и СССР. М., 1988.
2. «Лексикон» русско-японский Андрея Татарина. М., 1962.

Воронцова М.В.
к.ф.н.доц.

Образ стран Азии и Африки в немецкоязычных средствах массовой информации

1. Тема Востока и Африки стала очень популярной во всей западной культуре. Ежегодно выходит много научных исследований по истории, культуре и экономике стран Азии и Африки,

самыми читаемыми становятся романы о жизни в странах Востока, написанные в основном авторами из Китая, Японии, Турции и Индии. Эти книги переводятся практически на все европейские языки и становятся бестселлерами. Не отстает и кинематограф. В 2009 году 8 Оскаров завоевал фильм об Индии, сделанный в Великобритании актерами и режиссерами индийского происхождения. В средствах массовой информации – еженедельных журналах, в газетах, на информационных сайтах в Интернете в последнее время регулярно появляются не только информационные заметки, но и репортажи, обзорные статьи и значительные по объему комментарии о странах Азии и Африки. Чем объясняется такой интерес к культуре Востока, ставшей своеобразной модой в европейских странах? Интерес к чему-то необычному и оригинальному? Или огромные рынки сбыта для уже «перегретой» европейской экономики? Стремление понять чужую культуру, чтобы обогатиться самим? Или попытаться «подстроить» ее под свои принципы и законы? Чтобы ответить на эти вопросы попытаемся сначала выделить основные темы и сюжеты при описании той или иной страны в Азии или Африке и определить самые важные черты, которые создаются в сознании читателя или зрителя и в конечном итоге определяют образ Востока или Африки в его сознании.

2. При описании тех или иных культурных феноменов обычно различают взгляд «изнутри», когда явление или событие описывается представителем той же культуры и соответственно отправной точкой исследования или комментария является матрица восприятия той же самой культуры, и взгляд «извне», когда культурные, исторические или религиозные феномены описываются представителями «чужой» культуры, которая и определяет матрицу восприятия автора исследования, комментария или статьи. Взгляд «извне» – это прочтение другой культуры сквозь призму своего собственного менталитета. Он определяет, прежде всего, выбор тем, которые представляются интересными для читателя, и определенный ракурс, в котором они предстают перед читателем или зрителем.

3. В немецкоязычных средствах массовой информации статьи, комментарии и репортажи о тех или иных странах Азии и Аф-

рики появляются практически в каждом номере крупных еженедельных информационных журналов и газет. Это такие крупные издания с тиражом более 1 миллиона экземпляров, как «Шпигель», «Фокус», «Штерн», а также и специальные приложения к этим изданиям. Каждый год журнал «Шпигель» посвящает минимум 2 специальных выпуска одной из стран Востока.

4. Наибольший интерес вызывает Китай. Этой стране посвящено множество статей, прежде всего, в экономических изданиях – «Wirtschaftswoche», «Focus Money», «Manager-Magazin». Основная тема – стремительный экономический подъем, Китай как рай для инвесторов, выход Китая на первые места в мире в том числе и добыче золота и других металлов. При этом в качестве основных экономических показателей приводятся чаще всего абсолютные цифры, основная цель которых поразить воображение предпринимателя или менеджера и создать у него позитивное восприятие Китая как потенциального экономического партнера. Совсем иной Китай предстает перед глазами читателей, когда он читает статьи о политической ситуации в современном Китае. Основные темы – жесткий деспотизм, отсутствие минимальных гарантий прав и свобод у основной массы населения, постоянное и грубое нарушение прав человека в Китае, угнетение «малых» народов (пример Тибета). При этом политическая и правовая ситуация в Китае анализируется с точки зрения западного политического и правового сознания, которое сформировалось в Европе за последние полвека.

5. Основные темы статей, обзоров и комментариев об африканских странах – это гражданская война в Конго, холера в Зимбабве, пираты из Сомали, массовые убийства на национальной почве в Руанде, коррупция и неспособность к руководству страной нынешних правителей в ЮАР. Образ Африки, который создается в сознании читателя этих статей, ужасающий. Постоянно подчеркивается неспособность и нежелание местных властей решать конфликты, противостоять источникам войн и вооруженного произвола и оказывать гуманитарную помощь населению в случаях массовых эпидемий, голода и

стихийных бедствий. Только с помощью Запада, а в основном речь идет о Германии, Африка может решить свои проблемы и начать жить цивилизованно. Так в сознании читателя возникает образ «добропорядочной» Германии, из лучших побуждений помогающей бедствующей Африке. Ни о каком принципе невмешательства во внутренние дела и других принципах европейской демократии здесь речь не идет. Без Германии Африка просто погибнет.

Долотин К.И.

К проблеме разработки методов дискурсивного анализа речи (на материале типологически разных языковых систем)

Сравнительное изучение интонации в типологически разных языках сопряжено с проблемой выбора базисных сегментов речевых сигналов для проведения первичного анализа их временных, энергетических, мелодических и формантных параметров. Сегментация речевых сигналов, традиционно проводимая на основе выделения единиц речи, часто становится невозможной по причине недостаточной статистической значимости акустических делимитативных признаков речевого сигнала. В связи с этим возникает необходимость поиска новых методов сегментации речевого сигнала, основанных не на системах единиц языка и речи, а на универсальности свойств механизмов речеобразования.

Поскольку просодическое оформление речи (например, интонационных конструкций высказываний – ИК, Брызгунова 1977) в типологически разных языковых системах может сильно отличаться как по норме, так и функциям ИК, то встает вопрос: существуют ли кроме просодических средств речеобразования другие, которые являлись бы универсальными переносчиками экстралингвистической информации в речевом сигнале? Известно, что экстралингвистические факторы процесса порождения речи модифицируют просодическое оформление речи в процессе речевой коммуникации. В этой связи разработ-

ка новых методов сегментации речевого сигнала, может быть полезной для исследования речи типологически разных языковых системах, характерной для того или иного дискурса.

Вегетативные процессы влияя на систему центрального управления речью, обуславливая ее эмоциональный компонент, а сознательные процессы – ее интенциональный компонент (Жинкин 1958). Эти два важных компонента речи отражены, как на просодическом, так и на имплицитных уровнях структуризации речевого сигнала. В плане дискурсивного анализа речи диагностика ее экстралингвистических факторов, как показали эксперименты, должна проводиться на основе параметрического анализа имплицитных структур речевого сигнала. Экспериментально было обнаружено, что имплицитная структура речевого сигнала является дополнительным каналом для переноса в нем экстралингвистической информации об эмоциональном состоянии говорящего, его коммуникативном намерении и интеллектуальном напряжении (Долотин 2007).

На наш взгляд, разработка новых методов анализа речи должна проводиться на основе анализа временных параметров квазисегментной структуры речевого сигнала (КСС), которая обнаруживается посредством оценки динамики текущих значений коэффициента корреляции между выборками значений формантных параметров речевого сигнала. Эта динамика на временной оси речевого сигнала позволяет обнаружить в нем квазициклы (КЦ), в которых длительности первой фазы (с высоким уровнем текущих значений коэффициента корреляции больше 0,7) обозначаются – t_1 мс, а длительности второй фазы (с низким уровнем коэффициента корреляции равным или меньше 0,7) – t_2 мс.

Природа квазисегментной структуризации речевого сигнала связана с взаимодействием совместно функционирующих нейронных систем, управляющих поперечным сечением речевого тракта и его мышечным напряжением вдоль оси речевого тракта в процессе речеобразования. Характер распределения текущих значений временных параметров КЦ (t_1 мс и t_2 мс) опосредованно отражает влияние экстралингвистических факторов на процесс центрального управления речевым трактом на стадии моторной реализации программы высказывания.

Например, статистический анализ выборок текущих значений t_2 в речевых сигналах русских, корейских, японских и китайских дикторов позволил обнаружить факторный эффект, обусловленный коммуникативной установкой дикторов при озвучивании ими на родном языке одного и того же текста.

Литература

Брызгунова Е.А. Звуки и интонации русской речи. – М., 1977. – 280 с.
Жинкин Н.И. Механизмы речи. – М., 1958. – 371 с.

Долотин К.И. Диагностика экстралингвистических факторов звучащей речи (экспериментально-статистическое исследование). Автореф. на соискание учен. степ. докт. филолог. наук. – М.: Институт языкознания РАН, 2007.

А.Б. Захарьин

Секрет китайского экономического чуда: специфика образования в эпоху реформ

1. Государственный контроль над системой образования

Секрет китайского экономического чуда во многом лежит в модели китайского образования. Система образования КНР имеет ряд специфических черт. Первой и основной из них является государственный контроль над образованием. С одной стороны, многие справедливо видят в этом политику властей, направленную на уменьшение прослойки инакомыслящих. Известно, что оказываясь безработными в условиях перепроизводства кадров, представители престижных профессий (журналисты, юристы, экономисты) пополняют ряды протестных низов и провоцируют беспорядки. Однако, с другой стороны, жесткий государственный контроль обусловлен обычными соображениями экономии. Именно государственный контроль сделал китайское образование дешевым, доступным, ориентированным на производство.

2. Государственная борьба с неграмотностью

Второй особенностью китайского образования стала широкомасштабная борьба с неграмотностью. В отличие, например,

от Индии и Пакистана, Китай является страной с быстро выросшим уровнем грамотности населения, в том числе сельского, основного в большинстве азиатских стран. Неграмотными в Китае на 1996 г. оставались лишь 15-17 % взрослого населения (в Бангладеш – 61 %, в Пакистане – 59 %, в Индии – 47 %, в Иране – 27 %, в Турции – 17 %, в Индонезии – 15 %). Такие успехи стали возможны только в условиях единой государственной политики.

2. Акцент на всеобщее начальное образование

Третья особенность – акцент на повсеместное распространение начального образования. В 1996 г. в начальную школу поступило 98,8 % 6-летних детей, то есть практически все. Распространение дешевого всеобщего начального образования оказалось одним из самых ценных достижений государства, во многом обусловило будущий экономический бум и отсутствие нищих городских низов, характерных для многих других стран Азии.

4. Разветвленная сеть профессиональных училищ

Четвертая особенность – разветвленная сеть профессионально-технических, педагогических, медицинских училищ. Распространены стали курсы повышения квалификации для взрослых. Существовала система профессиональной переподготовки для потерявших работу на государственных предприятиях. Именно училища создали армию готовых к ручному труду рабочих для промышленных предприятий. Огромную роль в повышении профессиональной квалификации населения сыграли также образовательные программы по телевидению, ставшему в 90-е годы общедоступным.

5. Невысокий удельный вес высшего образования

Пятая особенность – невысокий удельный вес высшего образования, затратного для развивающейся страны. Превосходя большинство азиатских стран по распространенности начального образования, Китай сильно уступал им по относительно малому числу студентов. Отчасти именно этим объясняется сравнительно невысокая доля расходов на образование в ВВП Китая (2,6 %). Это позволяло экономить средства. В вузах КНР на 1996 г. обучалось всего 3 млн. студентов, число вузов – немногим более 1 тыс.

6. Элитарность высшего образования

Шестая особенность – «элитарность» высшего образования. Платное высшее не получило распространения. Платные студенты поступали в вузы на общих основаниях. Некоммерциализованность высшего образования открывала дорогу лучшим. Вузовские элиты получали блага не в виде высоких зарплат, но в виде социального престижа, небольшой нагрузки, жилья, возможности частных занятий, участия в научных проектах, выездов за рубеж. В ряде провинций лица с научными степенями имели льготы при рождении второго ребенка. Поступление в вуз поэтому расценивалось как социальная удача, и конкурс в отдельные университеты достигал нескольких сот человек на место. Относительно небольшое число вузов, большой конкурс и жесточайший отбор сохранили элитарность и традиционно высокий престиж высшего образования в КНР. С другой стороны, высшее образование оказалось лишенным типичных пороков коммерческого образования – высокие цены наряду с низкими академическими требованиями.

7. Преобладание в образовании технических и естественнонаучных дисциплин

Седьмая особенность – преобладание в программах естественнонаучных и технических дисциплин, около 60 % мест (в Малайзии – 30 %, в Японии – 26 %, в Таиланде – 22 %, в Голландии – 18 %, в США – 14 %). Именно преобладание в программах технических и естественнонаучных предметов создавало базу для грядущего промышленного бума.

8. Интеграция в мировое образовательное пространство

Восьмая особенность – интеграция в мировое образовательное пространство с помощью международных обменов, хотя большое количество командированных не вернулось. С 1979 г. на учебу за рубеж выехало более 700 тыс., из них только около 200 тыс. человек вернулись в КНР. Примечательно, что студентов из КНР принимали 103 страны. Это говорит о широте политических интересов китайских властей. В свою очередь, иностранные студенты и специалисты с 80-х годов наводняют Китай. Для них создаются превосходные условия проживания и оплаты. Без сомнения, уверенная государственная политика

интеграции в мировое образовательное и научно-техническое пространство стала одной из главных причин экономического чуда КНР.

Зубкова Л.Г.

Язык как цельносистемное образование

Язык по внутреннему его устройству относят к системным объектам. Системность предполагает целостность. Однако сам характер языковой системы как будто «подтачивает» ее целостность. Ведь языковая система – это система динамичная, вероятностная, открытая, самоорганизующаяся, знаковая.

Вследствие известной стихийности, случайности языковых изменений в условиях самоорганизации и – пусть ограниченной, но не исключенной вовсе – произвольности языковых знаков, состояние языковой системы, изменяясь во времени в открытом взаимодействии со средой и другими языками, обнаруживает склонность к неравновесности, о чем свидетельствует наличие центра и периферии, сильных и слабых мест, немаркированных и маркированных (в разной степени) элементов, переходных явлений между членами оппозиций и т. д.

Отвечая на запросы трех своих надсистем – физической, социальной и психической, язык выполняет множество функций в каждой из них, а потому не является однозначно детерминированной системой. В нем могут действовать с различной степенью вероятности противоположные, казалось бы, грамматические тенденции – синтетизм и аналитизм, фузия и агглютинация, так что язык оказывается политипологическим образованием (особенно явно в случае последовательно проведенной грамматической категоризации, нуждающейся для своего выражения в многообразии языковых средств).

Тем не менее язык остается единым целым. В каждом данном языке его целостность имеет свою специфику, которая определяется **детерминантными свойствами**, проходящими через всю систему, а именно – положением языка на шкале **лексичности/грамматичности** (1), **глубиной иерархического чле-**

нения (2) в соответствии с **характером грамматической категоризации** (3).

Главную роль в структурной организации языка и создании его внутренней целостности, естественно, играют **отношения**. Особенно важны **отношения взаимозависимости** между двумя планами – **содержания** и **выражения**, образующими такое единство, в котором содержательная сторона является ведущей, но и формальная сторона отнюдь не пассивна. К следствиям их взаимодействия, в частности, относятся:

- Соотносительность типологии фонологических оппозиций с основными типами языковых значений (так, дизъюнктивные противопоставления согласных фонем закрепляются за выражением лексических значений, а коррелятивные могут грамматизироваться);
- Соотносительность суперсегментной организации слова (тона, сингармонизма, ударения) с его морфологической структурой;
- Зависимость линейной протяженности морфем и слов от их характеристики по признаку лексичности/грамматичности;
- Корреляция между техникой связи значащих компонентов в синтагме и слове и их функционально-семантическими характеристиками;
- Корреляция иерархии звуковых средств, служащих различению классов и подклассов словесных знаков, с иерархическим членением лексики на семиологические классы;
- Параллелизм между семантической и формальной организацией слова в словообразовательных цепях: с повышением ступени мотивированности ограничивается полисемия (это преимущественно семасиологическая категория) и упрощаются словоизменительные, а вместе с ними акцентные и альтернативные парадигмы;
- Компенсаторная взаимозависимость между семантическими и формальными различиями в ономазиологических категориях: с усилением семантических различий в направлении от полной синонимии к частичной и далее к антонимии и, наконец, к энантиосемии звуковые различия ослабляются и сходят на нет.

Огромный вклад в обеспечение целостности языковой системы вносят **отношения между единицами языка**, из них в первую очередь *иерархические* отношения между единицами разных уровней, обуславливающие наряду с грамматической категоризацией **многомерность** единиц каждого данного уровня постольку, поскольку они связаны интегративными отношениями с единицами высшего уровня, конститутивными отношениями с единицами низшего уровня, синтагматическими и парадигматическими отношениями с единицами того же уровня. К тому же отношения одноуровневых единиц осуществляются в составе единиц высшего уровня, причем так, что между парадигматикой и синтагматикой обнаруживаются, согласно Ю.С. Степанову, градуальные соотношения. В частности, чем больше различаются между собой члены фонологических оппозиций, тем свободнее они сочетаются на синтагматической оси.

Действие сходных закономерностей на разных уровнях обуславливает **изоморфизм** последних (при всем своеобразии каждого из них). И это также служит целостности языка.

В результате указанных взаимосвязей языковые единицы как части единого целого приобретают (со) относительные, реляционные свойства и получают различную **значимость** в зависимости от места в системе, в схеме форм, от тех противопоставлений, в которых эти единицы участвуют, и тех позиций, в которых они выступают.

Профессор *Иванов В.Б.*, мл. науч. сотр. *Кононова Т.Л.*

Синтез речи в исследованиях по персидскому языку и дари

Синтез речи – эффективный метод исследования звукового состава и просодической системы языка. Исследование через синтез позволяет без привлечения большого массива данных (необходимых для статистической обработки при анализе) определить, что из широкого арсенала акустических средств фонологически значимо.

Предметом настоящего исследования является вопросительная интонация языка дари. Экспериментальные исследования интонационного устройства языка дари никогда не проводились. Примененный нами метод синтеза был также привлечен впервые.

Язык дари относится к юго-западной подгруппе иранской группы индоевропейской семьи и находится в тесном родстве с персидским (фарси) и таджикским языками. Просодика этих языков до некоторой степени уже изучена. Однако несомненно ее отличие от интонационного устройства языка дари, что легко определяется на слух.

Типичная структура простого предложения дари SOV. Порядок слов при вопросе не меняется. В случае общего вопроса сохраняется тот же лексический состав, что и в утвердительном предложении.

Ударения количественное фиксированное, падает, как правило, на последний слог.

Для демонстрации были взяты записи 5 пар утвердительных и вопросительных предложений с одинаковым лексическим составом, произнесенных тремя информантами-носителями языка:

اسمش حامد بود؟	<i>Esm-aš Hāmed bud?</i>	Его звали <u>Хамид</u> ?
علي کار مي کرد؟	<i>‘Ali kār mekard?</i>	Али работал? (букв. <u>работу</u> делал)
آنجا معلم بود؟	<i>Ānjā mo’alem bud?</i>	Там был <u>преподаватель</u> ?
در اتاق پنج نفر است؟	<i>Dar otāq panj nafar ast?</i>	В комнате <u>пять</u> человек?
آن مکتوب من بود؟	<i>Ān maktub-e man bud?</i>	Это было <u>мое</u> письмо?

В рамках настоящего исследования вопросительной интонации языка дари применялся формантный синтез по правилам. Работа была выполнена в двух программах по анализу и синтезу речи:

Praat. Программа распространяется бесплатно и специализируется на анализе речи. Недавно появившийся в ней формантный синтезатор Клатта [Klatt & Klatt, 1990] дает в целом неудовлетворительное качество звучания. Не разработан интерфейс: невозможна модификация параметров синтеза (часто-

ты основного тона (ЧОТ), общей амплитуды, флаттера (см. ниже) и др.) в цифровом режиме, а поточечная работа при редактировании неудобна.

При синтезе речи трудной задачей представляется сохранение естественности ее звучания. Во встроенном в Praat синтезаторе Клатта с этой целью используется параметр флаттера, т.е. имитация иррегулярных микровариаций ЧОТ, придающих человеческой речи натуральность [Klatt & Klatt, 825]. Линейность, отсутствие даже малых и непродолжительных флуктуаций и резкие скачки ЧОТ воспринимаются на слух как т.н. «машинный акцент» [Поспелов, 218-219].

Analysis-Synthesis Laboratory (ASL). Это дорогостоящая программа, дающая очень высокое качество синтеза по правилам. Она позволяет делать синтез речевого сигнала после Linear Predictive Coding (LPC, линейное предсказание речи) анализа и манипуляций с LPC-параметрами (графически или численно), а также менять специфические акустические параметры (ЧОТ и форманты).

Результаты проведенного в Praat анализа (см. рис. 1) и предварительного синтеза в ASL показали, что в дари (как и в большинстве языков мира [D. Hirst, A. Di Cristo, 25]) вопрос характеризуется повышением ЧОТ. Максимум ЧОТ приходится на ударный слог. Движение тона в заударной позиции восходящее. Несмотря на то, что частота на фокусе значительно выше, функциональным для вопроса является подъем тона на завершающей части высказывания. Отсутствие пика на фокусе

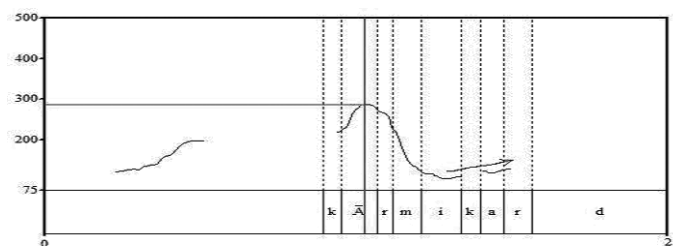

Рис. 1 График ЧОТ (Гц) от времени для фразы 'علي کار مي کرد؟' *Ali kār mēkard?* Али работал?

высказывания (точнее его перенос на стоящий в конце глагол часто типа بودن *budan* быть, کردن *kardan* делать) соответствует переспросу. На основании этих данных в ASL планируется провести идентификационный тест.

Литература

1. Поспелов Б.В. Гласные звуки в инструментальном и слуховом измерении. Учебник для лингвистов. М. 2002.
2. D. Hirst, A. Di Cristo Intonation Systems: A Survey of Twenty Languages, Cambridge University Press, 1998.
3. Klatt & Klatt Analysis, synthesis, and perception of voice quality variations among female and male talkers.//J. Acoust. Soc. Am. Volume 87, Issue 2, pp. 820-857 (February 1990).

Н. Крнета, к.ф.н., доцент
Кафедра японской филологии

Женская речь в японском языке в период Эдо

Для лучшего понимания современного состояния подсистемы женской речи, представляется необходимым найти ее исторические корни и проследить ее развитие в диахронии. Женская речь, так как мы ее понимаем сейчас, окончательно сформировалась лишь в конце 19 в., но ее истоки гораздо древнее. Первые различия между мужской и женской речью отмечены уже в первом поэтическом сборнике Манъёсю «Собрание мириад листьев» (8 в.). Однако, особо сильное влияние на современные представления о том, какая должна быть женская речь оказала женская речь периодов Муромати (1333-1568) и Эдо (1603-1868). Тогда был установлен эталон красоты женской речи. В широкий обиход вошли некоторые слова, которые используются и по сей день, такие как *ойсий* «вкусный», *онака* «живот», *охия* «холодная вода». Представление о более высокой вежливости женской речи, по сравнению с мужской речью, тоже появилось в это время. Японские власти и ученые, с начала периода Эдо, начинают обращать внимание на подсистему женской речи, и количество исследований, инструкций и публикаций, посвященных этой теме, неустанно растет.

Особо выделяются стили речи двух групп: *нё:бо котоба* «дамские слова» и *курува котоба* или *ю:дзё котоба* («речь женщин для развлечений»). В трех основных увеселительных кварталов в Эдо, Киото и Осака развились три разновидности этого жаргона. *Нё:бо котоба* появилась в 15 в., в среде придворных аристократок и наложниц. Она отличалась, в основном, особыми словами для обозначения понятий связанных с едой, одеждой и предметами обихода. В 1420 г. насчитывалось приблизительно 120 слов, считающихся «дамскими». Большей частью это эвфемизмы, или слова, к которым добавлен вежливый префикс о-, или первый слог слова, к которому добавлено *мод-зи* «слово», например, *сумодзи* от *суси* т.е. «слово на слог су». Постепенно эти слова стали восприниматься как более вежливые и изысканные варианты общеупотребительных слов, и получили распространение среди женщин, прислуживающих в домах самураев и женщин из купеческого сословия. Уже в эпоху Эдо *Онна тё:хо:ки* «Драгоценный клад для женщин» (1696 г.) рекомендует использовать эти слова для выражение нежности и женственности, т.е. этот язык рассматривается уже как эталон красивого и правильного женского языка, и таковым остается на протяжении нескольких столетий. В период Эдо произошло дальнейшее увеличение числа женщин, использующих «дамские слова». Их переименовали в *дзё:то: котоба* («женские слова») и, они стали общеупотребительными среди жительниц столицы, г. Эдо. К 1700 г. количество слов, входящих в *нё:бо котоба* выросло до 500, при чем создавались не только новые существительные и местоимения, как был случай до этого времени, но и глаголы. К концу периода Эдо усиливается тенденция добавления вежливого префикса о-. Если по началу *нё:бо котоба* получил распространение естественно, постепенно, и в ограниченной среде (от придворных дам к прислуге при дворе, от них к прислуге в домах самураев), то с периода Эдо, и новыми идеологическими веяниями в обществе, основанными на конфуцианстве, «дамские слова» начинают пропагандироваться, а затем и насаждаться государством посредством системы образования, через литературу и указами. В течение нескольких веков девочка, получавшая общее образо-

вание, также обучалась и этому «красивому», правильному», «приличествующему женщине» языку. Такой подход отражен в многочисленных учебниках и хрестоматиях для чтения этого периода, используемых в системе женского образования.

Что касается языка *курува котоба*, предполагают, что он появился в 1670-ые гг. в районе Симабара в Киото и оттуда был перенят в Симмати в Осака, и Ёсивара и Фукагава в Эдо. Этот стиль можно рассматривать как профессиональный жаргон женщин, приехавших из разных районов страны, говорящих на разных диалектах, и принужденных провести от 10 до 20 лет в относительно изолированной среде. Этот жаргон помогал женщинам лучше понимать друг друга, а также общаться с клиентами, которые, как можно судить по литературным источникам, тоже владели *курува котоба*, и использовали его в общении с куртизанками. Издавались даже справочники этого языка, например, *Рю:ко: кагэн* «Диалект увеселительных кварталов» (1791 г.). Классической чертой *курува котоба* является суффикс *-инсу*, который является сокращенной формой суффикса *-масу*. *Насаймасу* – *нансу*, *нанси*, *нансэ*. Этот стиль, названный позже *годзансу*, к концу 18 в. получил широкое распространение среди купеческого сословия в Эдо. Помимо *курува котоба*, женщины из этих кварталов использовали и особые тайные жаргоны, для того, чтобы их посторонние не понимали. Одним из таких был *каракото*, в котором слог сопровождается другим слогом, начинающимся на звук к-. Хотя эпоха Эдо и считается периодом, когда женская речь была поощряема и достигла своего высшего расцвета, она продолжала изменяться и развиваться.

- C. Andrew Gerstle, 18th Century Japan: Society and Culture, Routledge, 2000
 Масимо Сабуро, Дзёсэйго дзитэн «Словарь женской речи», Токиодо, 1967
 Miyako Inoue, Vicarious Language: Gender and Linguistic Modernity in Japan, University of California Press, 2006
 Orie Endo, A Cultural History of Women's Language, University of Michigan, 2006

О проблеме обучения переводу

В связи с переходом на 4-хлетнее обучение остро встаёт вопрос об интенсивности обучения переводу с японского языка на русский. Раньше занятиям по обучению переводу отводилось 150 часов на 4-м и 5-м курсах, сейчас эта цифра уменьшилась вдвое. Естественно, встаёт вопрос, как научить переводить за меньший промежуток времени?

Задача преподавателя – подготовить специалиста, способного понять и выразить средствами русского языка содержание японского текста общего содержания.

Первая проблема – научить понимать смысл текста. Перевод литературного текста требует также понимания экспрессивно-эмоциональной интонации текста, отношения автора к описываемому.

Первый этап понимания – определение синтаксической структуры текста, поскольку смысловая структура текста обусловлена и находит отражение в логико-синтаксической структуре системы взаимосвязанных предложений, образующих текст и расположенных в виде речевой цепи. Предложения могут быть самостоятельными или являться составной частью цепи, о чём будут свидетельствовать различные способы сочетания предложений, языковые характеристики, сигнализирующие о зависимости предложений друг от друга (местоимения, союзы, вопросительные слова, лексические повторы), а также стилистические средства (структурный параллелизм, контекстуально обусловленный эллипсис и др.). Когезия предложений отражает связность, целостность текста, имеющего смысловую, коммуникативную и структурную характеристики.

Смысловая целостность текста подтверждается единством его содержания. При этом и частной темой будет тема сверхфразового единства. Единство темы может проявляться в повторяемости ключевых слов, связанных с темой.

О коммуникативной целостности текста свидетельствует развитие мысли от известного (темы) к неизвестному (реме).

Структурная целостность текста выражается в единстве его составляющих, что находит отражение в различных показателях структурной связи.

Процесс перевода начинается с процесса чтения, и здесь очень важно научить студента находить ориентиры, помогающие пониманию текста. Понимание облегчается, если в процессе чтения читающий знает, на какие структурные единицы следует обращать внимание. Обладание определенными умениями при чтении облегчает понимание текста. К таким умениям можно отнести умение находить формальные показатели связи между предложениями, умения лексико-грамматической ориентации в тексте и др.

В письменном тексте выделяются простые и сложные предложения, группы предложений, сверхфразовые единства, что происходит в результате понимания синтагматических и парадигматических связей элементов текста. Очень трудно понять отдельно взятое предложение вне его окружения. Понять смысл предложений, составляющих текст, значит понять не только их последовательность, определенную языковыми показателями, но и понять ассоциативные отношения, присутствующие в тексте. Это определяет две группы трудностей, возникающих в процессе чтения текста. Одна группа связана с эксплицитно выраженными связями между элементами высказываний, другая – с имплицитно выраженными отношениями между высказываниями.

Недооценка этих трудностей приводит к логическим провалам, пропускам, фактическим ошибкам в понимании читаемого. Рассмотрим эти трудности подробнее.

Синтаксическая структура японского предложения имеет ряд особенностей. Это – употребление сказуемого в конце предложения, особый порядок слов, который является одним из основных средств выражения тема-рематического членения предложения. Это всё таит в себе существенные трудности при восприятии читаемого. Употребление сказуемого в конце предложения снижает обозримость предложения и требует от русскоязычного читателя дополнительных усилий при осмыслении читаемого.

Особого внимания требуют и случаи употребления определительных предложений к членам главного предложения. Хотелось бы обратить особое внимание на обучение переводу определительных предложений, поскольку, в отличие от русского языка, в японском языке единственным показателем того, что предложение является определительным, является примыкание к определяемому слову.

Обозримость предложений снижается и за счет их глубины и длины, что ведет к трудностям для читающих в процессе чтения. В качестве критерия трудности предложений для восприятия можно рассматривать не просто их длину (объем, размер), а их синтаксическую сложность, связанную, как правило, с первой.

Мерой сложности предложений служит глубина структуры конкретного предложения, что зависит от тематического наполнения, от эмоциональной насыщенности, от объема и характера памяти студента. Развертывание предложения может происходить за счет употребления однородных членов, определений к разным членам предложения и т. д.

Определенные трудности при восприятии текста вызывают сложноподчиненные предложения с разветвленной и многоступенчатой системой придаточных предложений; сложносоподчиненные предложения с большим количеством составляющих его предложений и усложненной структурой последних.

Науч.сотр. *Порхоновский М.В.*

Порядок слов в турецких пословицах

В турецком языке порядок слов в предложении предопределяет синтаксические функции членов предложения, актуализирует отдельные его члены и придает стилистическую окраску предложению в целом.

Если представить структуру простого предложения в турецком языке как конструкцию, элементы которой группируются вокруг двух основных конституирующих членов – подлежащего и сказуемого, то определения к подлежащему образуют вместе с ним группу подлежащего, а определения (дополнения и

обстоятельства), относящиеся к сказуемому, предшествуют последнему и образуют вместе с ним группу сказуемого. Структура простого двусоставного турецкого предложения представлена двумя центрами, или группами, являющимися простыми или сложными словосочетаниями или соотносимыми с ними конструкциями.

Порядок слов в турецком предложении строится в соответствии с законом предшествования определяющего определяемому, который может пониматься достаточно широко, с включением соотношения между субъектом и предикатом.

Второстепенные члены предложения – определения, дополнения и обстоятельства, будучи в широком смысле слова определениями к главным, конституирующим членам предложения – подлежащему и сказуемому, в соответствии с принципом предшествующего определения обычно находятся в препозиции к определяемым, или главным, членам предложения.

Таким образом, схема порядка слов в турецком предложении определяется обычно так: подлежащее (П), обстоятельство времени (О_{вр}), другие обстоятельства (О), косвенное дополнение (Д_к), прямое дополнение (Д_п), сказуемое (С).

В разговорной же речи, как отмечают многие исследователи, порядок слов синтаксически свободен. Пословицы, будучи устным жанром, прошли литературную обработку, поэтому, с одной стороны, в них есть примеры со свободным порядком слов, с другой стороны, в целом они тяготеют к синтаксическим структурам, свойственным письменной речи. Это можно объяснить еще и тем, что разговорный вариант турецкого языка в качестве доминирующего имеет порядок, присущий письменной речи.

Если рассмотреть расположение относительно друг друга подлежащего, прямого дополнения и сказуемого, то среди пословиц можно найти все шесть возможных вариантов порядка слов:

ПДС: *Ele uyan eşini boşar* (Кто слушает чужих, тот разводится с женой);

ДПС: *Irak yerin haberini kervan getirir* (Новости из дальних стран приносит караван);

СДП: *Açtırma kutuyu (sen), söyletme kötüyü (sen)* (Не заставляй открывать ларец, не вынуждай говорить дурное);

СПД: Gördün sen deliyi, savul geri (Если увидел сумасшедшего, уйди);

ПСД: Allah bilir işini (Аллах свое дело знает);

ДСП: Almadığın hayvanı kuyruğundan tutma (sen) (Не держи за хвост животное, которое ты не купил).

Румак Н.Г.

Использование информационных технологий в преподавании японского языка (краткий обзор)

Настоящая статья предлагает краткий обзор ресурсов, полезных в качестве опоры в преподавании японского языка. Речь идет о программном обеспечении и так называемых Интернет-ресурсах (веб-сайтах).

Существует немало образовательных ресурсов как для начинающих (например, <http://www.geocities.com/easykanji/>, <http://www.nihongo.aikidoka.ru/>), так и для более «продвинутых» студентов, в том числе, сайты для подготовки к экзамену Норёку-сикэн, например, <http://jlpt.renshuu.org/>, предлагающие различные виды упражнений.

Для заучивания иероглифов, кроме традиционных методов (моторное и визуальное запоминание, использование карточек), можно также порекомендовать различные обучающие сайты и программы. Например, сайт <http://www.kanjisite.com/>, англоязычная программа Anki, а также японско-русский компьютерный словарь иероглифов ЯРКСИ. В числе других достоинств этого словаря – возможность его использования для самостоятельной проверки знания иероглифов.

В сети Интернет можно найти, например, полезные для начинающих аудиокурсы (приложения к учебникам, музыкальные записи, научно-популярные и новостные программы). Студентам старших курсов можно рекомендовать прослушивание радиопередач на сайтах японских радиокomпаний, например: <http://www.nhk.or.jp/nhkworld/japanese/radio/program/index.html>, <http://www.tbsradio.jp/>, <http://podcast.yomiuri.co.jp/>, и др.

В качестве пособия для овладения общественно-политической лексикой можно использовать сайты японских газет: <http://www.asahi.com> (Asahi Shimbun), <http://www.mainichi.co.jp> (Mainichi Shimbun), <http://www.yomiuri.co.jp> (Yomiuri Shimbun) и других.

Художественные тексты для чтения (японская литература, не подпадающая под действие закона об авторском праве) доступны, например, на сайтах <http://www.aozora.gr.jp/>, <http://etext.lib.virginia.edu/japanese/texts/titles-jp.html>.

Кроме популярных электронных словарей, необходимых как в учебной работе, так и в профессиональном переводе, существуют также онлайн-словари (как правило, японско-английские), например, <http://www.csse.monash.edu.au/~jwb/cgi-bin/wwwjdic.cgi?1C>. Этот словарь предлагает и небольшой японско-русский глоссарий. Подобный японско-русский и русско-японский словарь есть и в популярном онлайн-словаре Мультитран www.multitrans.ru, однако его объем пока еще крайне мал. Еще один словарь находим на <http://dic.yahoo.co.jp/>. Этот словарь удобен тем, что предлагает примеры употребления единиц в речи.

Представляется, что японо-английские словари полезны для ознакомления с терминами, однако для деятельности переводчика все-таки более удобны словари, предлагающие перевод на родной язык. В этой связи хочется порекомендовать японско-русский компьютерный словарь иероглифов (ЯРКСИ), который можно установить на компьютер с сайта <http://www.susi.ru/yarxi/>. Словарь доступен также в режиме он-лайн и для установки на карманные компьютеры КПК. На базе ЯРКСИ недавно создан сайт <http://www.yarp-online.ru/> для машинного перевода с японского языка на русский.

При работе над переводами важно поощрять студентов к использованию поисковых систем Интернета, например, для поиска устоявшихся переводов терминов общественно-политической тематики. Часто полезной оказывается «свободная энциклопедия» Википедия (ja.wikipedia.org/wiki), в словарных статьях которой, например можно найти чтения антропонимов и топонимов (для каждого конкретного носителя) в транскрип-

ции азбукой хирагана. Соответствующие чтения можно также найти на Интернет-сайтах, посвящённых конкретным личностям и/или местностям.

При всех возможных неточностях Википедия является бесценным источником информации о различных реалиях японской жизни. Помогает также поиск, например, в системе google.co.jp, где искомый термин можно расширить, например, с помощью форманта *to wa* («что есть»), слов *setsumei* («объяснение»), *teigi* («определение») и т.п.

Еще одним полезным свойством Википедии является её «перекрёстность», то есть существование статей на разных языках. Несмотря на возможные несовпадения по содержанию, встречающиеся в статьях термины и понятия, как правило, имеют соответствия. Двухязычные соответствия можно найти и с помощью поисковых систем Интернета, введя в строку поиска термин на японском языке и его предполагаемое соответствие (или связанное по теме слово) на русском или английском языке. Существуют также специальные тематические глоссарии, которые можно найти по ключевому слову – названию темы (например, *yakuu*: «бейсбол», *anime* «анимация») и слову *yo:go* «термин». Подобные приёмы кажутся очень простыми, однако отсутствие навыка работы с поисковыми системами затрудняет работу.

Будущим переводчикам полезно также получить навык работы с программами типа TRADOS, позволяющими составлять собственные тематические базы лексики (бесплатным аналогом TRADOS является, например, WF – Wordfisher). Однако работе с подобным программным обеспечением (при возможности включить этот аспект в учебный план) должны быть посвящены отдельные семинары или практические занятия.

М.К.Румянцев

Интонация: специфические и универсальные черты

«Третий интонационный слой – это слой собственно языковой, составляющий фразовую интонацию языка X; ... Но существует ли он вообще? Может быть, интонация каждой фразы

состоит лишь из двух слоев – универсально-языкового и конкретного слоя словесной просодии, которая модифицирует универсальные черты, создавая для каждой фразы ее интонационную специфику?»¹.

Как бы усомнившись в существовании третьего интонационного слоя, Т.М.Николаева все же решает, что он существует, и приводит примеры его наличия, но связывает это, главным образом, не со словесным слоем, а с тем, что еще специфически характеризует интонацию фразы языка X. Например, «величина частотного диапазона в подъеме и падении» интонации, специфический общий контур фразы и др.

В тезисах данного доклада предлагается интерпретация проблемы с другим исходным постулатом, а именно: просодическое и сегментное устройство слога и слова определяют всю специфику интонации каждого данного языка, включая специфику общего контура фразы, различия в величине частотного диапазона и др. Например, частотные интервалы повышения и понижения в китайской интонации не могут быть такими, как в русской, поскольку они задействованы и в лексике. Лексические интервалы мешают интонационным. Такая специфичность слога и слова в интонации фразы не означает, что просодии самих этих единиц лишены универсальных черт. Прежде всего, слог универсален как минимальная просодическая единица, если иметь в виду его акустико-физиологический аспект, само его явление в человеческой речи. Универсальна и основная функция этой просодии – слогаобразующая, коартикулирующая сегментные элементы слога. В тоновых языках к этой функции добавляется еще функция лексической дифференциации.

Но уже и в самом физиологическом образовании слога, универсальном иннервационном толчке с обязательным центральным (слогаобразующим) гласным его элементом заключена языковая специфика: энергетически в разных языках он может быть разным, разным по началу (приступу), конфигурации F_0 , ее максимуму и конечной фазе. Глубоко специфична «начин-

¹ Николаева Т.М. Три интонационных слоя звучащей фразы // Звуковой строй языка. Изд. «Наука». М., 1979.

ка» слога сегментными (звуковыми) элементами, манерой их стяжения (коартикуляцией) в единый комплекс. Специфичны преимущественные наборы элементов слога и их качество (спектральный состав, F-структура). Они определяются фонемным составом и фонетикой каждого данного языка. Слоги образуют односложное слово или входят в состав слов двухсложных и многосложных, просодия которых в каждом языке определяется своей манерой стяжения слогов в слово, правилами их ритмической оранжировки в этой единице. Здесь вступают в силу типологические характеристики просодии слова в разных языках: тональный это язык или не тональный, слово держится на тоноритмике или словесном ударе, правилах сингармонизма, разных долготах слогов, других основаниях.

Резонно спросить, почему слог, его устройство рассматривается как изначальный просодический фактор, ответственный за интонационную специфику языка, ведь интонация непосредственно базируется на просодиях слов, а не слогов. Слово – минимальная единица, способная стать фразой. Да, это справедливо. Но интонация устроена так, что в ней отражаются просодии не только словесных единиц, но и слоговых, т.е. просвечивают сразу два низших уровня просодии, не только слов, из которых состоит фраза, но и слогов, из которых состоят слова. Доказательство тому языки тональные и не тональные с их явными различиями в просодиях слоговых, словесных и интонационных.

Просодии слов во фразе – это не только лексические просодии, но и интонационные, поэтому словесный слой интонации следует рассматривать как непосредственную просодическую основу, лингвистическую базу интонации. А физические параметры интонации – F_0 , амплитуды, время звучания – они едины для всех языковых просодий и, следовательно, стратификация признаков интонации будет иметь такое противопоставление: признаки универсальные, типологические (присущие какой-то группе языков) и специфические.

Универсальные черты интонации составляют признаки, которые формируют основные единицы коммуникации – утвердительные, вопросительные и побудительные фразы. Особую

роль при этом играют признаки модально-эмоциональные. Собственно, с них и начинается интонация. Слоги, слова, непредикативные словосочетания произносятся как единицы номинативные (словарные): «Зима», «Темная ночь». Но как только к просодической номинации добавляются признаки утвердительной модальности с каким-либо чувством, номинативная единица становится фразой, единицей коммуникативной. Просодия превращается в интонацию.

Универсальный слой интонации – очень сильный фактор, определяющий саму ее функциональную суть. Его взаимодействие с лексическими и слоговыми просодиями приводит к такому результату, который можно охарактеризовать пословицей «И волки сыты, и овцы целы». Слова и слог, несмотря на мощное влияние универсальных составляющих интонации, сохраняют свои основные просодические характеристики – акустически опознаются. Но и фраза в целом получает свое интонационное верховенство, воспринимается как универсальная, относительно законченная коммуникативная единица.

М.В. Румянцева

Позиция местоимения в китайском и русском языке

1. Трудности в преподавании и изучении иностранного языка, тем более языка другой типологии, заключаются в том, что нам трудно вырваться за рамки привычных представлений о грамматической структуре. Иногда нам случается навязывать другому языку то, чего в нём нет, стремясь во что бы то ни стало найти в нём аналоги тем грамматическим категориям, например, частям речи или членам предложения, существующим в родном языке.

2. Не менее распространённым явлением является противоположная ситуация:

своему родному языку навязывается те грамматические категории, которые существуют в языках с более разработанными представлениями о морфологии и синтаксисе.

3. Сопоставительный анализ грамматических категорий языков различной типологии должен помочь уйти от стереотипов, в частности, заключающихся в преувеличенном внимании к морфологии русского языка в ущерб аналитическим способам выражения грамматических отношений, а с другой стороны, практическим отказом от наглядных и убедительных объяснений грамматики изолирующего языка через рассмотрение сходных явлений в русском, имеющих, однако, иное формальное выражение.

4. В китайском языке представлены не все классы или подклассы, существующие в русском языке, и наоборот. К тому же было бы неверно думать, что «одинаковые» классы слов двух языков вполне эквивалентны по своим функциям и сфере употребления.

5. Многими учёными не без основания ставится под сомнение сама необходимость выделения классов в китайском языке, однако мы придерживаемся менее категоричной позиции, тем более, что исследователи или авторы учебников всегда признавали существование в китайском языков знаменательных и служебных слов, к которым, в частности, примыкают местоимения.

6. В китайском языке, по крайней мере, принято говорить о таких разрядах как личные, указательные и вопросительные.

7. Для сопоставления позиции местоимений в двух языках, сначала необходимо выяснить особенности позиции в каждом из них, а это в свою очередь означает сопоставление позиции местоимения в функции подлежащего, дополнения и определения с соответствующей позицией существительного (или другой части речи).

8. В русском языке в позиции определения употребляются не личные, а притяжательные местоимения. Они ставятся перед определяемым, как и все прочие согласованные определения, в отличие от несогласованных, прежде всего существительных (в родительном падеже), занимающих позицию после определяемого. Нам представляется неубедительным выделение притяжательных местоимений в китайском языке. В китайском языке личные местоимения занимают ту же позицию,

что и существительные со значением принадлежности. В двух языках порядок следования определений, выражающих притяжательные и количественные отношения, различен.

9. Известно, что вопросительные местоимения в китайском языке, в отличие от русского, не подлежат инверсии и ставятся на место заменяемых слов. Однако в вопросительном предложении русского языка не только вопросительное, но и личное местоимение (в функции подлежащего) имеет позицию, отличную от существительного, т.е. ставится перед глагольным сказуемым, а не после. Т.о. при сопоставлении вопросительных (а соответственно, и значительного ряда придаточных) предложений двух языков мы должны учитывать порядок расположения всех местоимений, чего, как правило, не происходит.

10. Расположение указательных местоимений китайского языка 这儿 и 那儿 в позиции дополнения имеет ряд особенностей при наличии других дополнений (длительности и кратности). Оно отличается от позиции объектного дополнения, выраженного существительным. В русском языке никакого сдвига не происходит. То же самое можно сказать и о позиции личного местоимения в функции объектного дополнения в двух языках. Можно в целом отметить, что в русском языке местоимения в позиции подлежащего более «подвижны», чем в китайском, а местоимения в функции дополнения скорее наоборот.

11. Наконец, использование при существительных китайского языка указательных местоимений 这儿 и 那儿 как показателей одушевлённости (после ряда глаголов и предлогов) обнаруживает устойчивую корреляцию с предлогами русского языка, что обычно имеет место у послелогов, способных принимать определение (в отличие от местоимений).

12. Даже сопоставление самых хрестоматийных конструкций, в которых участвуют местоимения китайского языка, с соответствующими конструкциями русского языка позволяет внести большую ясность в наши представления об этих классах слов и даёт нам возможность более эффективно бороться с ошибками, допускаемыми учащимися при усвоении этих конструкций.

Сагоян К.П.

Преподаватель кафедры западноевропейских языков ИСАА при МГУ

**Эмоциональный интеллект. Новый взгляд на обучение
иностранным языкам (тезисы к докладу на
Ломоносовских чтениях 2009 г.)**

Теория эмоционального интеллекта и способ его измерения с помощью коэффициента (EQ) впервые появилась в середине 1970-х годов, однако обрела популярность благодаря Дэниелу Гоулману в начале 1990-х годов. EQ — один из многих концептов и моделей в психологии, которые успешно применяются в преподавании иностранных языков. Согласно Гоулману EQ — это система качеств, включающих в себя: понимание своих эмоций; умение контролировать свои эмоции; самомотивация; правильное «прочитывание», распознавание эмоций у других (эмпатия); умение строить отношения с окружающими.

Эта теория нашла широкое распространение в мире бизнеса, но также обрела важное значение для сферы образования в результате исследований, свидетельствующих о том, что последующие поколения становятся всё менее эмоционально осведомленными. Изменения в структуре семьи, снижение роли родителей в области образования, развитие технологий рассматриваются как факторы, ведущие к необходимости развивать EQ на всех уровнях системы образования и всей учебной программы.

Мейер и Селавей (Mayer & Salovey, 1993) предложили несколько механизмов, обозначающих эмоциональный интеллект, что предполагает его связь с умственными способностями. Во-первых, эмоции связаны с процессом мышления: определенные эмоции могут увеличивать продуктивность процесса мышления и направлять внимание на конкретные задачи. Во-вторых, эффективное регулирование эмоций может соотноситься и с такими способностями, как сопереживание и открытость. В-третьих, исследования по алексетимии (неспособности оценивать и вербально выражать эмоции) предполагают возможное отсутствие взаимосвязи между областями мозга, которые обеспечивают единство мышления и эмоций.

В отличие от IQ, который практически не меняется, как утверждает Гарднер, ни одна из названных способностей не является постоянной величиной от подросткового возраста на всю жизнь. Любой человек способен учиться и развивать уровень своего интеллекта с помощью тренингов или постоянной практики. До сих пор в любой системе образования интеллект больше связан с понятием IQ. Однако зачастую уверенность в своих глубоких научных познаниях заводит людей в «интеллектуальную ловушку», когда акцент внимания смещается в сторону критики вместо конструктивного диалога и поиска нестандартных решений. Путь к креативному мышлению и взаимопониманию лежит через правое полушарие.

EQ — это область интеллекта, которую называют «здравым смыслом» человека, эмоциональный эквивалент познавательного IQ. Это именно то, что является главным условием лидерства, успеха в карьере, учёбе и бизнесе, счастья и уверенности в мире человеческих взаимоотношений. В условиях социальных изменений особую роль играет не академический ум, а способность управлять своими эмоциями, то есть эмоциональный интеллект. Можно сказать, что всем без исключения жизненным потребностям, включая и проявления интеллектуальной деятельности, сопутствует соответствующий эмоциональный тонус, благодаря которому организм непрерывно остается в русле жизненных функций. Эмоциональный интеллект в условиях социальных изменений — это «другой путь быть умным».

Основы формирования эмоционального интеллекта лежат в отношениях между людьми, которые тесно связаны с сочувствием, сопереживанием, умением понять другого человека, проникнуться его горестями и радостями. В концепции К. Роджерса эти способности обобщаются понятием «эмпатия».

Для развития эмоционального интеллекта студентов высших учебных заведений на занятиях по иностранному языку могут быть предложены такие виды заданий, как обсуждение различных общественных тем: причины дискриминации, расизма и способы их избегания; терпимость, толерантность, принятие себя и других; изучение особенностей страны изучаемого языка.

Эмоциональный интеллект можно развивать с помощью таких видов деятельности, которые способствуют обмену мнениями и стимулируют общение в аудитории, позволяя таким образом учащимся лучше узнать друг друга и вызвать у них интерес к изучаемой теме. Мозговой штурм и обсуждение стимулирует обмен знаниями и мнениями. Можно использовать ролевые игры, так как некоторым учащимся проще раскрыть себя через воображаемые роли. Однако подобные игры должны быть максимально приближены к реальной жизни. Крайне полезной представляется работа в группах, особенно, если задание и состав группы сконструированы таким образом, чтобы все участники вносили свой вклад в достижение результата. В качестве долгосрочного задания можно использовать проектные задания. Все подобные виды работ полезны для развития у учащихся ориентации на другого, сотрудничества и терпимости.

И.И. Семененко

Мэнцзы о риторике

Риторика в Древнем Китае получила весьма большое развитие не только как искусство красноречия. С достаточно раннего времени многие древнекитайские мыслители и писатели занимались также ее теоретическим осмыслением. Немалый вклад в этом был одного из крупнейших китайских философов и ораторов Мэнцзы (372-289). Для понимания его взглядов по данному вопросу центральным является фрагмент 3.2. в сохранившейся под именем того же мыслителя книге.

В этом фрагменте «риторика» *цымин* 辭命 рассматривается в соотношении с понятиями «храбрости» *юн* 勇, «духа» *ци* 氣 «премудрости» *шэн* 聖. В центр рассуждения ставится ее связь с «духом». *Ци* сам по себе, в своей качественной специфике, означает, прежде всего, активность, усилие, энергию, деятельность (3.2, 11.15, 10.1). Но он же в качестве человеческой сущности является данным от природы разумным влечением (ср. 11.15, 11.2, 13.21.). Следовательно, само это влечение уже есть

некая активность, означающая проявление человеческой сущности. *Ци* оказывается не чем иным, как осуществлением природы человека. И ее энтелехией, или полной осуществленностью, становится то, когда «мое» *ци* «заполняет все между Небом и Землей» (3. 2). Это положение равнозначно тому душевному состоянию, в котором человек по примеру Мэнцзы может сказать: «Во мне все множество вещей» (13. 4). Мыслитель исходит из того, что человек благодаря своей разумности – высший вид, и в этом качестве соединяет в себе видовые признаки всех других элементов сущего. В то же время осуществленность человека тождественна его влиянию на внешний мир. Мэнцзы раскрывает данное положение в определении *ци*, а вместе с ним и воли-*чжи* (см. 4. 12), как «бездребных», «бурных» (*хаожань* 浩然), вызывающем прямую ассоциацию с наводнением, с разлившимися, бурно текущими водами. Полнота самоосуществления, или зрелость *ци*, достигаемые человеком, эквивалентны масштабу его морального авторитета в мире.

Но *ци* представляет собой активность, неотделимую от телесности. И тогда это будет активность человеческого тела как проявление его сущности. К таким проявлениям Мэнцзы относит, прежде всего, определенные черты наружности вместе с манерами (см. 7. 15, 13. 21). Но наряду с этими невербальными признаками он отмечает значение устной, звучащей речи как того, что может служить не менее непосредственным свидетельством выражения человеческой сущности (7. 15). Речь даже важнее них в распространении нравственного влияния, престижа. Мэнцзы проводит явную параллель между заполнением мира духом-*ци*, престижем и словами (Ср. 3. 2, 3. 6, 7. 6, 6. 9). Он усматривает специфику современной ему эпохи в споре и сводит всю свою философию к «речевому противодействию» *янь цзюй* 言距 чуждым учениям (см. 6. 9). Именно поэтому им используется прием двусмысленности (амфиболии, адианоэты) в синонимии слов *чун* 充 и *сай* 塞, которые у него одновременно означают и «заполнять», и «преграждать»: в 3. 2 полнота духовной наполненности *сай* между Небом и Землей подразумевает создание универсальной преграды для чуждого *ци*, а «преграда» *чун сай* из «зловредных учений» в 6. 9 указывает на

«заполнение» ими всего мира, т.е. на ту ситуацию, когда они становятся «речами Поднебесной» *Тянься чжи янь* 天下之言. Заполнить своим «безбрежным духом» мир и значит для Мэнцзы сделать так, чтобы все человечество обратилось к его конфуцианским высказываниям и стало вести речи, выражающие истинно человеческую природу людей (см. 12. 13). Но человеческая природа восходит к Небу (13. 1), следовательно, ее проявление не может не означать реализации небесной воли. Средством достижения этой цели он считает «риторику» *цымин*. Не случайно, что в своих «преимуществах» Мэнцзы на первое, т.е. наиболее важное, место ставит «понимание речей» *чжи янь* 知言, а следующее вторым положение о «вращивания духа» выступает как бы уточняющим раскрытием первого. Речевая компетентность обрамляет здесь характеристику *ци* и естественно переходит в тезис о том, что риторика является существенным признаком «премудрости» *шэн* 聖. Отсюда параллель между признанием Конфуция в своей неспособности к риторике и его отказом от претензии считаться премудрым. «Понимание речей», обуславливающее «знание человека» – один из важных тезисов Конфуция (*Луньюй*, 20. 3). Для Мэнцзы знание людей – это знание человеческой природы, которая познается по ее проявлению в их речах. Знаток речи, оратор, тождествен знатоку людей, и знает то, насколько мировое общественное мнение, известное, прежде всего, именно по главенству тех или иных «речей» в Поднебесной, соответствует нравственной сущности человека. Исходным положением риторики Мэнцзы выступает понимание речи как речевой активности-*ци*, означающей словесную актуализацию человеческой сущности. При такой актуализации речь не может не быть нравственной, «доброй» и чрезвычайно притягательной для других людей (3. 8, 8. 20, 12. 13, 13. 16). Речевая убедительность (12. 4) создается как разумной («сердце», «воля»), так и чувственной (*ци* в широком смысле) частью человеческого «духа» (См. 3. 2, 6. 9, 12. 13, 13. 14). Ее образцом могут служить сами диалоги и монологические выступления Мэнцзы. Он уделял особое внимание «увещаниям» *цзянь* 諫 и «советам» *янь* 言 (4.5, 8.3, 12. 14). Утверждавшееся им ораторское искусство в целом можно отнести к фило-

софской проповеди. Но эта проповедь была для него совершенно немыслима без «невозмутимости сердца» *бу дун синь* 不動心, равнозначной «великой храбрости». В противостоянии речами всемирному злу без этого качества было, конечно, не обойтись.

М.В. Софронов

Категория неотчуждаемой принадлежности в современном китайском языке

В семантико-грамматической категории неотчуждаемой принадлежности современного китайского языка представлены термины двух типов. К одному из них относятся части тела и внутренние органы говорящей личности. Синтаксические свойства этих терминов проявляются в предикативных конструкциях. К другому относятся термины семейных и общественных отношений, в которые личность входит. Синтаксические свойства терминов этого типа проявляются в определительных конструкциях.

Определительная синтаксическая связь образуется в китайском языке простым примыканием слова, обозначающего признак, к слову или словосочетанию, обозначающему носителя этого признака. По своему грамматическому значению определение может быть выражено предикативом, который непосредственно указывает признак имени. Оно также может быть существительным с признаком, который в силу лингвистической метафоры переносится на определяемое. Определение оформляется суффиксом 的 -дэ. Его присутствие в определительной конструкции зависит от нескольких факторов. Однако в любом случае его основной ролью в ней является подтверждение и интерпретация синтаксической связи между компонентами определительной конструкции, уже созданной их порядком.

Определение, выраженное личным местоимением и именем собственным, обозначает субъекта притягания. Личные местоимения в функции определения к имени обычно бывают оформлены суффиксом 的 -дэ, который интерпретирует их семантику как притяжательную.

При существительных – терминах семейной, общественной, государственной организации местоимение в функции определения чаще всего выступает без грамматического оформления. Это означает, что такое определение интерпретируется как прямой признак определяемого имени. Личность в традиционном Китае выступала как часть семейной организации, а свои отношения к остальным членам семейной организации и к семье в целом она рассматривала как отношения естественной принадлежности: 我父亲 *во фуцинъ* «мой отец», 他爹娘 *та денян* «его родители», 我家 *во цзя* «моя семья». Значительно реже встречаются соответствующие формы с суффиксом 的 -дэ: 我的父亲 *водэ фуцинъ*, 他的爹娘 *тады денян* «его родители».

В китайском традиционном обществе иерархия семейных отношений переносилась на отношения производственные и общественные. По образцу семейной организации строились отношения «учитель – ученик», что находило соответствие в оформлении определения: 他学生 *та сюэшэн*, реже 他的学生 *тадэ сюэшэн* «его ученик». По тому же образцу строились отношения «старший – младший»: 他们老板 *тамэнь лаобань* «их начальник», 我秘书 *во мишу* «мой секретарь».

В тех случаях, когда в качестве определяемого имени выступает производственная единица, притяжательное определение обычно выступает во множественном числе: 我们学校 *вомэнь сюэсяо* «наша школа», 他们公司 *тамэнь гунсы*, реже с суффиксом 的 -дэ: 他们的公司 *Лсамэньдэ гунсы* «их компания».

Особым видом терминов неотчуждаемой принадлежности являются двусложные локативы, обозначающие личное пространство говорящего лица. При этом притяжательное определение обычно не оформляется суффиксом 的 -дэ: 她前面 *та цянмянь* «перед ней», 你们左边 *нимэнь цзобянь* «слева от вас», однако вполне возможно также их оформление суффиксом 的 -дэ: 她的前面 *тадэ цянмянь* «перед ней», 你们的左边 *нимэньдэ цзобянь* «слева от вас».

Личное пространство может расширяться на целую территориальную единицу. В этих случаях притяжательное определение также выступает во множественном числе: 我们的北京 *вомэньдэ*

Бэйцзин «наш Пекин» при возможной форме без суффикса 我们北京 *вомэнь Бэйцзин* «наш Пекин».

На периферии категории неотчуждаемой принадлежности находятся слова, обозначающие предметы, входящие в современное вещное окружение человека. Притяжательное определение при этих именах чаще всего бывает оформлено суффиксом 的 -дэ. Однако в контекстах, где требуется упрощения изложения, встречается конструкция с суффиксом -дэ: конструкция 他的自行车 *тадэ цысинчэ* «его велосипед» имеет вариант без суффикса: 他自行车 *та цысинчэ* с тем же значением.

Слова категории неотчуждаемой принадлежности, обозначающие части тела человека, в определительной конструкции как и обычные имена существительные имеют притяжательное определение с суффиксом -дэ: 我的手 *водэ шоу* «моя рука» и 他的头 «его голова» при невозможности определительной конструкции 我手 *во шоу* «моя рука» без суффикса -дэ в качестве отдельного высказывания.

К категории неотчуждаемой принадлежности примыкает также имя собственное – термин, идентифицирующий личность. При притяжательном определении, выраженным именем собственным, возможны определения как с суффиксом -дэ, так и без него: 娜拉妈妈 *Нала мама* «Налина мама» наряду с 娜拉的妈妈 *Наладэ мама* «мама Налы» на общих основаниях для терминов неотчуждаемой принадлежности.

Степанова К.М.

Старший преподаватель кафедры западноевропейский языков ИСАА МГУ им. М.В. Ломоносова

Особенности культурной самоидентификации британцев: речевой аспект

В последнее время всё чаще говорится о том, что нет смысла рассуждать о самобытности англичан, так как это явление вследствие влияния глобализации в скором времени уйдет в прошлое, потому что во всем мире будет господствовать быстро распространяющийся американский «культурный империа-

лизм». Считается, что англичане утратили свои особенные национальные черты, что не существует такого понятия, как английская самобытность.

Англия – страна с высокоразвитым классовым сознанием. Каждый англичанин тонко чувствует едва уловимые различия, по которым судит о принадлежности человека к тому или иному классу. Любому англичанину, стоит ему заговорить, мгновенно обнаруживает свою классовую принадлежность.

Первый индикатор классовой принадлежности – тип звуков, которым отдаётся предпочтение при произнесении слов. По мнению представителей верхушки общества, они говорят «правильно» – ясно, внятно и чётко, а у простолюдинов «ленивая» манера речи – неясная, зачастую невнятная, да и просто неграмотная. В качестве главного довода называют неумение «низов» произносить согласные, в частности смычные (t) и щелевые (h), которые те просто глотают или выпускают. Зато представители аристократии «глотают» гласные.

В 1955 году в журнале «Encounter» была опубликована статья Нэнси Митфорд, в которой она разделила лексику на слова, употребляемые представителями высшего сословия, и слова, употребляемые представителями всех остальных классов.

Существует 7 слов, которые, по мнению англичан, принадлежащих к высшему обществу и к верхушке среднего класса, являются безошибочными индикаторами классовой принадлежности. Они полагают, что слово «pardon» является просторечным словечком хуже бранного выражения. Некоторые даже называют пригороды, в которых обитают представители низов среднего класса, «Пардонией».

Представители нижнего и среднего класса с претензией на более благородное происхождение слово «toilet» порой заменяют эвфемизмами «gents» «ladies» и т. д.

На языке обитателей «Пардонии» «serviette» (салфетка) – ещё одно французское словечко, которое те употребляют вместо традиционного английского «napkin», ошибочно полагая, что таким образом они повышают свой социальный статус.

Слово «dinner» – само по себе нейтральное. Оно становится определителем принадлежности к рабочему классу только в

том случае, когда так называют дневной приём пищи, вместо слова «lunch». Слово «tea» тоже указывает на принадлежность к низам, если им обозначают вечернюю трапезу: в высшем обществе ужин принято называть «dinner» или «supper».

Если хозяева называют свой небольшой диван, на котором могут уместиться 2-3 человека «settee» или «couch», это значит, что по социальному статусу эти люди не выше среднего слоя среднего класса. Если «sofa» – значит, они принадлежат как минимум к верхушке среднего класса.

Слово «lounge» – ловушка с помощью, которой легко выявить выходцев из среднего слоя среднего класса, пытающихся выдать себя за представителей более высокого сословия.

Словосочетание «drawing room» прежде считалось единственно правильным обозначением гостиной, но, согласитесь, что это несколько глупо и претенциозно называть небольшую комнату в обычном многоквартирном доме «drawing room», поэтому в обиход шло словосочетание «sitting room».

Верхушка среднего класса и высшее общество настаивают на том, что сладкое блюдо, подаваемое в конце обеда или ужина, должно называться «pudding», но никак не «sweet», «afters» или «dessert».

Теперь, как и прежде англичане очень восприимчивы к классовым различиям, но в нынешние «политически корректные» времена многие из них всё больше стыдятся своих сословных предрассудков и стараются их не демонстрировать. Выражение «рабочий класс» они стараются заменить различными эвфемизмами: «группы населения с низкими доходами», «простые люди», «человек с улицы», «муниципальный микрорайон». Иногда в разговорах между собой они используют менее деликатные эвфемизмы, например «Шерон и Трейси», «Кевин», «эссекский человек» или «владелец «Форда-Мондео». Они стараются вовсе не употреблять слово «класс», заменяя его словом «background». Ради справедливости заметим, что эти дипломатичные эвфемизмы совершенно излишни, ведь англичане из рабочей среды не имеют никаких проблем со словом «класс» и охотно называют себя «рабочим классом».

Говоря о неписанных правилах английской самобытности, учёные вовсе не подразумевают, что этим правилам подчиняются все члены английского общества. Утверждается, что это относительно типичные и традиционные правила, по которым можно судить о характере нации в целом. Проекты по исследованию своеобразия англичан можно также охарактеризовать, как попытку определить структуру генома английской культуры – то есть идентифицировать культурные нормы, которые формируют английскую национальную самобытность.

Тань Аошун

Специфика дейксиса в вымышленном мире Гао Синцзяня

Местоимения в романе Гао Синцзяня «Чудо-гора» выступают как функциональная часть сигнализации развития событий и изменения внутреннего мира героя. В то же время игра с местоимениями дает автору очень удобный инструмент для различения в романе двух миров. Первый – мир путешествия к Чудо-горе. Второй мир – поток сознания автора, направленный к Чудо-горе. Эта гора в действительности не существует, тем не менее автор стремится к ней со всей серьезностью. Таким образом, путь к горе удваивается – реальности противопоставляется вымышленный мир со своим маршрутом и своими персонажами. Эта параллельность делает необходимой маркировку, которая дает возможность «раздвигать» события на сюжетной линии.

Параллельный путь совершается систематически с переключением системы операторов-местоимений, аккуратно от одной главы к другой. Из мира фантазии автора исключено местоимение первого лица *wo* «я». Автор заменяет его на *ni* «ты» в статусе собственного адресата или собеседника внутреннего сознания. Местоимение же *ta* «он» используется автором, когда он хочет выступить в роли независимого наблюдателя.

В обыденной жизни переход от «я» к «ты» обычно возможен только в сознании говорящего, когда он молча мысленно рас-

суждает – одобряет свой тот или иной поступок или наоборот укоряет себя за свое поведение. Это внутреннее «ты» мы будем называть «ты₂».

Писатель умело эксплицирует ты₂ в так называемых «монологических диалогах». Почти в половине общего объема книги он опирается на это местоимение наряду с *ta* «он» и *ta* «она» (различие пола для местоимений третьего лица выражается только иероглифами). Автор ломает стереотипы: местоимение *ni* «ты» в одном диалоге имеет разные денотаты – это настоящее ты₁ – обращение к адресату или собеседнику, и ты₂, которое выступает в роли местоимения *wo* «я», обозначая первого участника диалога, который одновременно является субъектом сознания, комментатором и наблюдателем.

Избегая употребление местоимения первого лица, рассказчик пользуется косвенной речью, заполняя таким образом лакуны в диалогах. Здесь ему требуется другой маркер типа *ta shuo* «он (она) говорит» или *ni shuo* «ты говоришь».

В косвенной речи остаются вопросительные и восклицательные знаки как рудименты канонического диалога. В связанных диалогах кавычки («уголки») часто ликвидируются, текст становится как бы обрубленным, а на месте кавычек оказываются точки в виде кружков (традиционные китайские точки).

Рассмотрим один из диалогов (гл.46). Текст будет сопровождать текст-реконструкция (ТР).

1. Она говорит, что ненавидит тебя!

ТР «Я тебя ненавижу!», говорит она.

2. Почему? Ты устался на нож в ее руках, которым она играет.

3. Она говорит, что ты погубил ее жизнь.

ТР «Ты погубил мою жизнь», говорит она.

4. Ты₂ говоришь, что она еще молодая.

ТР «Ты еще молодая», говорю я.

5. Но ты погубил лучшие годы ее жизни, она говорит, что ты, это ты.

ТР «Но ты погубил лучшие годы моей жизни, ты, это ты!» – говорит она.

6. Ты₂ говоришь, что еще можно все начать сначала.

ТР «Еще можно начать все сначала», говорю я.

7. Ты можешь, [но] она говорит, что для нее уже поздно.

ТР «Ты-то можешь, но для меня уже поздно», говорит она.

8. Ты₂ не понимаешь, почему уже поздно?

ТР «Я не понимаю, почему уже поздно?» – спрашиваю я.

9. Потому что я женщина.

ТР «Потому что я женщина», говорит она.

10. Женщина ничем не отличается от мужчины.

ТР «Женщина ничем не отличается от мужчины», говорю я.

11. Как ты хорошо говоришь, холодно улыбнулась она.

ТР «Как ты хорошо говоришь», холодно улыбнулась она.

12. Ты видишь, что она поднимает нож, встаешь с пола и садишься.

ТР Я вижу, что она подняла нож, встаю с пола и сажусь.

Гао Синцзянь – большой мастер своего дела. Его фантазия не имеет предела. Это касается не только описаний вымышленного мира, где встречается такое количество разнообразных картин, где сам автор тщательно скрывает свое «я». Фантастичен и реальный мир, за которым закреплено «я».

«Я считаю, что роль романа, – говорит Гао Синцзянь в предисловии к «Чудо-горе», – как вида искусства в конце концов сводится к реализации самого языка, а вовсе не к описанию действительности. Роман делает интересным как раз то, что именно с помощью языка можно вызвать у читателя настоящий отклик».

Фролова И. В.

Практические возможности переноса значений слов (на примерах из немецкой художественной литературы и публицистики)

I. Лексико-семантические варианты слова (ЛСВ) и роль контекста

По сравнению с бесконечным разнообразием реальной действительности лексическая система языка, отражающая ее, носит ограниченный характер. Многозначность связана с позна-

нием, коммуникацией, творческими потребностями, самореализацией. Лексико-семантические варианты строго не разграничены, что находит свое отражение в литературе. Определяющую роль в понимании актуального значения играет контекст.

II. Общеязыковая метафора

Практические возможности общеязыковой метафоры широки. Например, выражение **Bahn frei!** «Дорогу!» – пришло из спортивной сферы, но употребляется и в переносном смысле.

III. Индивидуальная метафора

Переносные значения понимаются только в контексте. Герой Ленца из романа *Deutschstunde* – **strickte an seiner Strafarbeit** (букв.: «вязал свою штрафную работу»). Метафора: он не вязал [шарф], а писал сочинение на трудную тему. Употребление слова в неожиданном значении актуализируется контекстом.

IV. Авторские метафоры в публицистике

Пример: **Sie nagelten Generationen von Deutschen... an das Hakenkreuz. Es sind die Deutschen, die das Hakenkreuz tragen müssen...** (*Focus* 15/05). [Они] «пригвоздили целые поколения немцев к свастике как к кресту. Они должны нести свастику как крест». Выразительность метафоры журналиста очевидна.

V. Дополнительные варианты переноса значения

1. Совпадение основного варианта значения с переносным

**Er ... sähe aller Schöpfung Möglichkeiten
Durch die erstarrten schwarzen Zeichen spuken,
Durch die gestabten Ornamente gleiten,
Sah Liebe glühen, sähe Schmerzen zucken.**

(*Hermann Hesse, Buchstaben*)

Наличие общего признака в значении **spuken** «являться в виде призрака» и переносного «долго сохраняться, не умирать» (как правило, об обычаях, легендах и проч.) обыгрывается в тексте.

2. Разные лексико-семантические варианты актуализируются в контексте одновременно

а) автор указывает на нужное значение: Томас Манн поясняет, какое именно из значений слова **Künstler** («человек, профессионально занимающийся искусством» и «человек, способный к тонкому восприятию, сильному переживанию») он имеет в виду, описывая тип человека. **Einen Künstler, einen wirklichen, nicht einen, dessen bürgerlicher Beruf die Kunst ist, sondern einen vorbestimmten und verdamnten ansehen Sie mit geringem Scharfblick aus einer Menschenmasse.** (*Th. Mann, Tonio Kröger*).

б) значение понимается только в контексте: **Die Tür ging hinter mir zu... Haustüren zum Beispiel werden abgeschlossen und man ist dann entweder drinnen oder draußen. Auch Haustüren haben etwas so Entgültiges, Abschließendes, Auslieferndes.** (*W. Borchert, Die Hundebäume*). Из контекста следует, что разные значения слова **abschließen** – «закрывать (на ключ)», «завершать» создают смысловую игру.

3. Одновременное употребление прямого и переносного значений. **Dann wurde ich Buchhändler... Doch merkte ich freilich nach einer Weile, dass im Geistigen ein Leben in der bloßen Gegenwart, im Neuen und Neuesten unerträglich und unsinnig, dass die beständige Beziehung zum Gewesenen, zur Geschichte, zum Alten und Uralten ein geistiges Leben überhaupt erst ermögliche... Ich vollzog das, indem ich aus Buchhandel ins Antiquariat überging.** (*Hermann Hesse, Autobiographisches*).

Прямые значения слов **Buchhandel** «торговля [новыми] книгами» и **Antiquariat** «торговля букинистической литературой» понимаются в данном контексте как метафоры нового и старого, при этом они сохраняют свои прямые значения.

VI. Практические возможности переноса значений слов

Слово обладает системностью своих лексико-семантических вариантов. Возможности их существования, как, собственно, и потенциальная возможность выходить за пределы установившихся значений количественно и качественно, заложены в

обобщающей природе самого слова как единицы языка. В основе всех практических возможностей переноса значений слов лежит обобщающая структура, системность. При этом элементы этой системы подвижны, изменчивы, творческое осмысление этой изменчивой природы предоставляет возможности переноса значений на практике. В контексте реализуется не только основное, но и производные значения слова, любой вид переноса от значения отдельного слова до полного переосмысления высказывания в целом.

Халютин М.Е.

Word Formation in Modern English

In linguistics, **word formation** is the creation of a new word

Word formation is sometimes contrasted with semantic change, which is a change in a single word's meaning. The line between word formation and semantic change is sometimes a bit blurry; what one person views as a new use of an old word, another person might view as a new word derived from an old one and identical to it in form; see Conversion (linguistics). Word formation can also be contrasted with the formation of idiomatic expressions, though sometimes words can form from multi-word phrases.

1. **Agglutination** – the process of forming new words from existing ones by adding affixes to them, like *shame* + *less* + *ness* > *shamelessness*

2. **Back-formation** – removing seeming affixes from existing words, like forming *edit* from *editor*

3. **Blending** – a word formed by joining parts of two or more older words, like *smog*, which comes from *smoke* and *fog*

а) Acronym – a word formed from initial letters of the words in a phrase, like English *laser* from *light amplified by stimulated emission of radiation*

б) Clipping – taking part of an existing word, like forming *ad* from *advertisement*

4. **Compound** – a word formed by stringing together older words, like *earthquake*

a) Incorporation – a compound of a verb and an object or particle, like *intake*

5. **Conversion** – forming a new word from an existing identical one, like forming the verb *green* from the existing adjective

6. **Loanword** – a word borrowed from another language, like *cliché*, which comes from French

a) Calque – borrowing a word or phrase from another language by literal, word-for-word or root-for-root translation; for example the English phrase *to lose face*, which is a calque from Chinese

b) Phono-semantic matching – matching a foreign word with a phonetically and semantically similar pre-existent native word/root

c) Semantic loan – the extension of the meaning of a word to include new, foreign meanings

7. **Neologism** a completely new word, like *quark*

a) Onomatopoeia – the creation of words that imitate natural sounds, like the bird name *cuckoo*

Blends deal with the action of abridging and then combining various lexemes to form a new word. However, the process of defining which words are true blends and which are not is more complicated. The difficulty comes in determine which parts of a new word are «recoverable» (its root can be distinguished)

There are many types of blends, based on how they are formed.

1. Phonemic Overlap: a syllable or part of a syllable is shared between two words

2. Clipping: the shortening of two words and then compounding them

3. Phonemic Overlap and Clipping: shortening of two words to a shared syllable and then compounding

Most blends are formed by one of the following methods:

1. The beginning of one word is added to the end of the other. One of the two may be a whole word if it is short. This is the most common method of blending. A blend of this type typically has the same number of syllables as the second word.

- **broccoli** (3) + **cauliflower** (4) > broccoflower (4)
- **camera** (3) + **recorder** (3) > camcorder (3)
- **education** (4) + **entertainment** (4) > edutainment (4)

• **information** (4) + **commercial** (3) > infomercial (4, exception)

2. The beginnings of two words are combined. For example, *cyborg* is a blend of *cybernetic* and *organism*.

3. Two words are blended around a common sequence of sounds. For example, the word *Californication*, from a song by the Red Hot Chili Peppers, is a blend of *California* and *fornication*.

4. Multiple sounds from two component words are blended, while mostly preserving the sounds' order. Poet Lewis Carroll was well known for these kinds of blends. An example of this is the word *slithy*, a blend of *lithe* and *slimy*. This method is difficult to achieve and is considered a sign of Carroll's verbal wit.

Some languages, like Japanese, encourage the shortening and merging of borrowed foreign words. For example, *karaoke*, a combination of the Japanese word *kara* (meaning *empty*) and the clipped form *oke* of the English loanword «orchestra», is a Japanese blend that has entered the English language.

Р.Г. Шатило

Морфология китайско-русского пиджина

Для исследований в области контактной лингвистики последних десятилетий характерен поиск универсалий. Однако внимание исследователей по-прежнему сосредоточено прежде всего на пиджинах, креольских и смешанных языках, возникших на основе западноевропейских языков: португальского, французского, английского. В отличие от подобных пиджинов, лексификатором малоизученного китайско-русского пиджина (КРП), существующего на российско-китайской границе по крайней мере с восемнадцатого столетия, является типичный флективный язык (русский). Таким образом, изучение морфологии КРП покажет, как отражается флективность в контактных языках.

В КРП в целом существует формальное различие между глаголами и не-глаголами (для знаменательных слов). Данное морфологическое различие поддерживается семантическим

(глаголы обозначают действия или состояния, не-глаголы – актанты или сирконстанты) и синтаксическим критериями (обычно глаголы занимают конечную позицию в предложении). Словоизменение в КРП отсутствует.

Большинство глаголов взято из русского языка в форме единственного числа повелительного наклонения. Русский суффикс императива *-и/-й* стал в КРП показателем глагола. В основном пиджин воспроизводит русские императивы правильно, что свидетельствует о заимствовании этих форм целиком: правила присоединения повелительных суффиксов в русском языке слишком сложны. Однако существуют и формы, созданные внутри КРП и отличающиеся от русских: *погули*, *искай*. Немногие глаголы нерусскоязычного происхождения используют тот же показатель: *каньтрами* ‘убить’ < кит. 砍头儿吗 *kǎn tóu ma* ‘отрубить голову’.

Другой широко распространенный глагольный суффикс – *-ла*, близкий одновременно к русскому показателю прошедшего времени в форме женского рода единственного числа и к китайскому показателю завершенности. Остальные формы, видимо, были заимствованы в пост-пиджинный период, так как они отсутствуют в ранних источниках.

Модальные глаголы образуют отдельную подгруппу, поскольку они не заканчиваются на *-и/-й* и принимают только отрицание *не/ни*, тогда как прочие глаголы могут отрицаться и с помощью *нету*.

Большинство не-глаголов, восходящих к русским существительным, местоимениям, прилагательным и наречиям, заканчиваются на *-а*. Источники этого показателя – русские именные, адъективные и адverbиальные окончания и суффиксы *-а*, *-о* и *-е* (часто нейтрализуемые в шва), а также русские формы с исходом на согласный – к ним КРП прибавляет эпентетическое *-а*.

Личные местоимения КРП образуют особый семантический подкласс не-глаголов. Большинство происходят из русских притяжательных местоимений. Этот факт объясняется влиянием русско-английского пиджина 17 века (Алексеев 1968), общей типологией пиджинов, типологией пиджинов с китайским компонентом (Шухардт 1884), а также процессом выравнива-

ния. Личные местоимения используются и в качестве определений, то есть в функции притяжательных местоимений.

В КРП имеются временно-видовые (будущее, прошедшее, перфектив, актуализация) и отрицательная частицы, все они занимают конечную позицию в предложении. Они восходят к русским и китайским глаголам, однако тот факт, что они занимают конечную позицию в предложении (что является достаточно жестким правилом, а не тенденцией, как в случае глаголов) и их функциональная близость к китайским частицам заставляют выделить их в группу слов КРП, отличную от глаголов.

Данное исследование показывает, что КРП не унаследовал никаких флексивных черт русского языка. Однако пиджин сохранил и даже усилил характерное для русского языка формальное различие между глаголами и не-глаголами. Установлено и то обстоятельство, что в КРП сформировалась система конечных частиц китайского типа, хотя они и не ожидаются в универсальных грамматиках пиджинов (Томпсон 1972).

Литература

- Алексеев М.П. Словари иностранных слов в русском азбуковнике XVII в. Л., 1968.
Томпсон Р.У. Заметка о некоторых чертах, сближающих креолизованные диалекты Старого и Нового света. // Новое в лингвистике. Вып. 6, М., 1972.
Шухардт Г. Маймачинское наречие // Русский филологический сборник. Т. 12, №4. Варшава, 1884.

Щека Ю. В.

Вид и аспектуальность: к отсутствию категории вида в турецком языке

И. И. Мещанинов писал о виде в агглютинативных языках в плане эволюции категории времени. При этом он отмечал его выражение «различными прилепами, обслуживающими лишь вербальную форму», т. е. это выражение «является свойством

предиката». Тут же он подчеркивает: «все же вид изменяет смысловое значение лексической единицы..., и в глаголе виды ... являются в большей степени лексической категорией, чем синтаксической» [И. И. Мещанинов. Глагол. М., 1982, с. 80]. Категории вида – как синхронной морфологической категории и, тем самым, собственно как категории специфически языковой – в тюркских языках не существует. Анализ инкорпорирующих и агглютинативных языков показывает, что исходное прасостояние характеризуется именно синкретической категорией вида, на смену которой во многих языках при дальнейшем развитии приходит развернутая система грамматических времен [там же, с. 73 – 82]. В тюркских языках, характеризующихся системами из нескольких десятков форм грамматического времени, никакой объективной надобности в сохранении и существовании категории вида нет.

Функциональная лингвистика, отбросив на второй план оковы языковых показателей и обратившись к так называемым семантическим – т. е. универсально-надъязыковым – сущностям, и, в частности, Л. Юхансон, изучавший в своей работе *Aspekt im Türkischen* [Upsala 1971] не глагол (единицу языковую), а действие (сущность логико-универсальную), размыли грамматическую категорию вида до неузнаваемой, расплывчатой, внеязыковой (и потому в каждом языке присутствующей) аспектуальности. Теперь вид мы открываем во всех языках мира. Именно такова, например, статья «вид» в Лингвистическом энциклопедическом словаре [М., 1990, с. 83 – 84]. Английский Continuous тоже оказывается видом – в части грамматик некоторые английские глагольные формы упоминаются как функционально видовые, но никто (в отличие от авторов упомянутого словаря) английские группы времен (Indefinite, Continuous, Perfect, Perfect Continuous) не называет видами (и это вполне понятно – в английском индикативе действительного залога насчитывается 16 времен – ср. сказанное выше о соотношении категорий вида и времени). Правда в конце длинной словарной статьи авторы все же отмечают, что «не все языки имеют категорию вида», почему-то приводя в пример немецкий. Если говорить в шутку, то с этим трудно согласиться –

чем *ich gab* ‘я давал’ и *ich habe gegeben* ‘я дал’ не примеры вида, особенно с учетом русского перевода!

Аспектуальная мода (подмена языковой категории вида семантико-надъязыковой аспектуальностью), к сожалению, проникла в некоторые грамматики тюркских языков. В академическом издании «Тюркские языки. Языки мира» (М., 1997) определено об отсутствии категории вида в данном языке и в тюркских языках вообще высказались Л. А. Покровская (гагаузский язык), М. З. Закиев (татарский язык), не указывая эту категорию Б. О. Орузбаева (киргизский язык). Неосторожным, на наш взгляд, оказалось включение в типовую схему статей упоминания о «видовых и видо-временных значениях», поскольку некоторые авторы, видимо, восприняли данный пункт схемы статьи как общее признание категории вида в тюркских языках, хотя кажется ясным, что эти значения сами по себе еще вовсе не означают наличия соответствующей категории. Так, С. Р. Изидинова (крымскотатарский язык), Л. С. Левитская (кумыкский язык) отмечают, что видовые значения «выражаются в системе форм прошедшего времени индикатива». Это, конечно, верно, но встает вопрос о том, почему значения исходного пункта, предела, однократности, достоверности действия и пр. относятся к видовым. Аналогично неясно, почему А. Т. Кайдаров (казахский язык) к видовым значениям глагола относит «продолжительность, мгновенность, повторяемость, многократность, одноактность, направление действия и др.» Здесь, видимо, конкретно проявляется отмеченная выше общая тенденция к логико-надъязыковому размыванию языковой категории вида. Аспектуальная мода приводит к теоретической путанице. Некоторые авторы пишут о категории способа действия (С. И. Андросова, долганский язык) или категории акционсарта (Э. Р. Тенишев, саларский язык). Н. А. Баскаков рассматривает «многократный вид» (с показателем – кыла), «вид ослабленного действия» (-ымзыра) в алтайском языке. Применительно к каракалпакскому языку он говорит уже о видовых формах (многократная форма, усиленная форма, ослабленная форма), а применительно к ногайскому языку – о видовых формах, выражающих количественную (-кыла) или качествен-

ную (усиление, ослабление) *характеристику* действия. К. М. Мусаев (караимский язык) считает, что «вид, обозначающий начало действия, образуется аналитическим способом (*баш-лэйт кюльмя* ‘начинает смеяться’), а вид, обозначающий многократность, образуется посредством аффикса (-геле) ». Под видом или видовыми формами подразумеваются то аналитические глагольные формы (деепричастие плюс вспомогательный глагол), то аффиксы (типа –кыла, -геле), то просто словосочетание с глаголом «начинать». Но аналитические формы типа –ip dur, -ip kal и пр являются широко разговорными, сплошь и рядом они передают не столько длительность действия как таковую, сколько различные оттенки экспрессии, в них присутствует известный смысловой синкретизм, который не позволяет возводить их в ранг определенной грамматической категории. Привлечение грамматистами псевдовидовой, аспектуальной терминологии, по нашему мнению, не столько проясняет, сколько затемняет анализ. Напр., со ссылкой на Г. Н. Боргоякову (сообщение на Дмитриевских чтениях 2008 г. в целом весьма ценное и успешное) отметим, что в хакасских фразах: *Кресен, городча пар-чад-ып, пічік тарат-ча* ‘Идет крестьянин по городу, листовки распространяет’, *Чох-чоос кізі іди одырып көрчет-се, аал аралы пай кил-ыр* ‘Сидя так, бедняк видит, по деревне богач идет’, как и, например, в английской фразе I am reading ‘я читаю’, не наблюдается ни длительности действия, ни какого-либо вида. Логико-надъязыковая аспектуальность приводит к вульгаризации весьма тонкой собственно языковой категории вида, нанося тем самым серьезный ущерб языкознанию в целом.

Научное издание

Научная конференция
«ЛОМОНОСОВСКИЕ ЧТЕНИЯ 2009»

Тезисы докладов научной конференции
ИССА при МГУ имени М.В. Ломоносова
(апрель 2009 г.)

Подписано в печать 25.03.2009.
Формат 60х90¹/₁₆. Усл. печ. л. 19. Тираж 500. Заказ №

Издательский дом «Ключ-С»
Москва, Малый Каретный переулок, д. 11

Отпечатано в Издательском центре ИСАА МГУ имени М.В. Ломоносова.
Москва, ул. Моховая, 11.